

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 3 (158) • 2024

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г. ул., зд. 104, стр. 3.

Адрес редакции и издателя:

410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г. ул., зд. 104, стр. 3.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Тел.: (8452) 29-90-87

E-mail: vestnik2@ssla.ru

Распространяется по подписке.

Подписной индекс 46490.

**Размещение в каталоге периодических изданий «Газеты и журналы»,
в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» —
на сайте www.ural-press.ru**

Цена свободная.

**Электронная версия размещена на официальном сайте
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»
по адресу: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 28 сентября 2018 г. ПИ № ФС77-73750.

Главный редактор *В. В. Нырков*
Редактор, корректор *О. В. Мерзлякова*
Верстка *Е. С. Сидоровой*

Подписано в печать 25.06.2024. Дата выхода в свет 04.10.2024. Формат 70 × 108 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 17,9. Уч.-изд. л. 21,5. Тираж 950 экз. Заказ № 398.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г. ул., зд. 104, стр. 3.

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- В. В. Нырков** кандидат юридических наук, доцент (гл. редактор)
(Саратовская государственная юридическая академия)
- С. Б. Аникин** доктор юридических наук, доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. П. Анисимов** доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)
- С. Ф. Афанасьев** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- М. Т. Аширбекова** доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)
- В. М. Баранов** доктор юридических наук, профессор
(Нижегородская академия МВД России)
- С. А. Белоусов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- И. В. Бит-Шабо** доктор юридических наук, доцент
(Российский государственный университет правосудия)
- А. Л. Благодир** доктор юридических наук, доцент
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
- А. Г. Блинов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Д. С. Боклан** доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
- Н. Л. Бондаренко** доктор юридических наук, профессор
(Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
- Д. Х. Валеев** доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- А. Н. Варыгин** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Н. Д. Вершило** доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный университет правосудия)
- А. Ю. Винокуров** доктор юридических наук, профессор
(Университет прокуратуры Российской Федерации)
- Н. И. Грачев** доктор юридических наук, профессор
(Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации)
- А. А. Гришковец** доктор юридических наук, профессор
(Институт государства и права Российской академии наук)
- Р. Ш. Давлетгильдеев** доктор юридических наук, доцент
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- Т. В. Заметина** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. В. Иванчин** доктор юридических наук, доцент
(Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова)
- О. В. Исаенкова** доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора)
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. М. Каминский** доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский государственный университет)

Н. Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
А. И. Клименко	доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)
Н. Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Г. Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Н. С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А. В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П. Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина)
Н. А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт – филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России))
Е. В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Б. Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М. Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
О. С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О. М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА))
А. Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С. Ж. Соловых	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю. В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В. С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З. И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С. Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Л. Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И. В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА))
Б. С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 3 (158) • 2024

ISSN 2227-7315

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences should be published

The founder is the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State Law Academy». 410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

The address of the editorial office and publisher is 410056, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State Law Academy».
Phone: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Distributed by subscription.
The subscription index is 46490.
Placement in the Catalog of periodicals «Newspapers and Magazines»,
in the electronic subscription catalog of GC «Ural-Press» —
on the website www.ural-press.ru

The price is free.

The electronic version is available on the official website of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Saratov State Law Academy» at:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications
September 28, 2018 PI No. FS77-73750.

Chief Editor *V. V. Nyrkov*
Editor, proofreader *O. V. Merzlyakova*
Layout by *E. S. Sidorova*

Signed in print 25.06.2024. Date of publication 04.10.2024. Format 70 × 108 $\frac{1}{16}$.
Pr. sheet. 17,9. Ed. print. 21,5. The circulation is 950 copies. Order № 398.

Printed in the printing house of the publishing house
Saratov State Law Academy.
410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

© Saratov State Law Academy, 2024

EDITORIAL BOARD

V. V. Nyrkov	Candidate of Law, Associate Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S. B. Anikin	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
A. P. Anisimov	Doctor of Law, Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S. F. Afanasiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. T. Ashirbekova	Doctor of Law, Associate Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V. M. Baranov	Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs)
S. A. Belousov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Bit-Shabo	Doctor of Law, Associate Professor (Russian State University of Justice)
A. L. Blagodir	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University Higher School of Economics)
A. G. Blinov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
D. S. Boklan	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University Higher School of Economics)
N. L. Bondarenko	Doctor of Law, Professor ((International University 'MITSO' (Republic of Belarus)
D. K. Valeev	Doctor of Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
N. D. Vershilo	Doctor of Law, Professor (Russian State University of Justice)
A. Yu. Vinokurov	Doctor of Law, Professor ((University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)
N. I. Grachev	Doctor of Law, Professor ((Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)
A. A. Grishkovets	Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)
R. S. Davletgildeev	Doctor of Law, Associate Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T. V. Zametina	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Ivanchin	Doctor of Law, Associate Professor (Demidov Yaroslavl State University)
O. V. Isaenkova	Doctor of Law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A. M. Kaminsky	Doctor of Law, Professor (Udmurt State University)
N. N. Karpov	Doctor of Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)
A. I. Klimenko	Doctor of Law, Professor (Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
N. N. Kovaleva	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University Higher School of Economics)
G. N. Komkova	Doctor of Law, Professor (Chernyshevsky Saratov National Research State University)
N. S. Manova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Minbaleev	Doctor of Law, Associate Professor (South Ural State University)
P. E. Morozov	Doctor of Law, Associate Professor (Kutafin Moscow State Law University)

N. A. Podolnyi	Doctor of Law, Associate Professor (Mid-Volga Institute — branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia))
E. V. Pokachalova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
B. T. Razgildiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. B. Razgildieva	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
O. S. Rogacheva	Doctor of Law, Associate Professor (Voronezh State University)
O. M. Rodionova	Doctor of Law, Professor (Kutafin Moscow State Law University)
A. Yu. Sokolov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
S. Zh. Solovykh	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu. V. Frantsiforov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
V. S. Khizhnyak	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
Z. I. Tsybulenko	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
S. E. Channov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
L. G. Shapiro	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Shesteryakova	Doctor of Law, Associate Professor (Deputy Chief Editor) (Kutafin Moscow State Law University)
B. S. Ebzeev	Doctor of Law, Professor (Central Election Commission of the Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ОЛЬГИ ИВАНОВНЫ ЦЫБУЛЕВСКОЙ

- 17 **Власова О.В., Милушева Т.В.**
Гуманизм и достоинство личности как магистральная парадигма современности
- 27 **Никитин А.А.**
Обеспечение нравственных начал в праве при использовании искусственного интеллекта
- 33 **Зрячкин А.Н.**
Ольга Ивановна Цыбулевская. О роли морали, права и власти в искоренении искажений правосознания
- 37 **Лазарева О.В.**
Процедура банкротства гражданина: правовые и нравственные аспекты

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 42 **Плотникова И.Н.**
Конституционные основы экономического суверенитета Российского государства
- 49 **Отставнова Е.А.**
Конституционно-правовые основы гуманного отношения к животным в Российской Федерации
- 56 **Шупицкая О.Н.**
Конституционная реформа в Беларуси в аспекте реализации публичных и частных интересов

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 64 **Соколов А.Ю., Лакаев О.А.**
Правовое регулирование вины государственных служащих в совершении коррупционных дисциплинарных проступков
- 72 **Вечернин Д.С.**
Развитие правового регулирования механизма внутренней продовольственной помощи в Российской Федерации
- 77 **Дехтярь И.Н., Стародубцев Е.Э.**
Административно-правовое регулирование организации и функционирования специализированных учреждений для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения
- 84 **Тихонов К.А.**
Проблемные вопросы института государственно-частного партнерства
- 89 **Сидорова Ю.И.**
Проблемы совершенствования законодательства об административной ответственности за правонарушения в сфере декларирования соответствия

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

- 95 **Ковалева Н.Н., Ересько П.В., Изотова В.Ф.**
Проблемы и перспективы использования искусственного интеллекта в Единой государственной информационной системе здравоохранения

- 103 Афанасьевская А.В.**
Применение искусственного интеллекта в системе здравоохранения: вопросы ответственности
- 108 Басова А.В.**
Применение искусственного интеллекта в медицине: правовые риски и перспективы
- 114 Бекузарова Ю.В.**
Правосубъектность искусственного интеллекта в условиях цифровизации медицины
- 118 Брянцева О.В.**
Основные направления и проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в медицине
- 122 Демкина Е.А., Иванова Н.А.**
Правовые и этические аспекты использования искусственного интеллекта в репродуктивной медицине
- 128 Ладочкина Л.В.**
Правовое регулирование искусственного интеллекта, используемого в медицине и здравоохранении
- 132 Кондрашова М.А.**
Искусственное прерывание беременности: пределы осуществления права или его злоупотребление в сфере применения новых медицинских технологий

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- 139 Чекмарев Э.В., Чекмарева А.В.**
Векторы трансформации преподавания юридических дисциплин с учетом традиционных ценностей России как государства-цивилизации
- 150 Гаврилов В.Н., Кулаков А.В., Макаров И.С.**
Неосновательное обогащение при распоряжении виртуальными объектами: проблемы и перспективы
- 157 Лощинина Е.И.**
Некоторые вопросы применения аналогии закона и аналогии права в гражданском процессе
- 164 Блажнова Л.А.**
Преимственность отечественных традиций осуществления судопроизводства: вопросы теории и законодательной регламентации

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 169 Устинов Д.С.**
Многоаспектность обвинения, его обусловленность и функциональное назначение
- 178 Каплунов А.С.**
К вопросу о совершенствовании процедуры окончания досудебного производства по уголовным делам, подсудным суду присяжных

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И КРИМИНОЛОГИЯ

- 10 185 Шляпникова О.В., Козлов С.Р.**
О заимствовании опыта КНР Россией в области контроля за наркоситуацией

- 193 Ахмадуллина Р.Д.**
Вопросы правового регулирования статуса органов прокуратуры Российской Федерации в системе обеспечения национальной безопасности России

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

- 199 Разгильдиева М.Б., Карамышев Д.А.**
Современные тенденции правоприменения в сфере государственной кадастровой оценки
- 208 Панина М.А.**
Теоретические и практические аспекты реализации актуальной Концепции развития и размещения особо охраняемых природных территорий регионального значения в Саратовской области
- 215 Гершиноква Д.А.**
Лесное хозяйство в системе торговли выбросами парниковых газов в Новой Зеландии

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 221 Кудинова Н.С.**
Криминалистическое значение маркировки и судебной механоскопической экспертизы производственно-технологических следов маркирования на современном этапе
- 228 Сурменева Е.А.**
Влияние института финансового уполномоченного на реализацию основных принципов добросовестного поведения на финансовом рынке

РЕЦЕНЗИИ

- 235 Либанова С.Э.**
Актуальные проблемы принципов публичного права: рецензия на коллективную монографию под редакцией Е.В. Титовой, Т.П. Подшивалова «Принципы публичного права» (М.: Проспект, 2023. 288 с.)
- 242 Иванов А.Н.**
Рецензия на монографию Е.С. Лапина «Следственные действия в России первой четверти XXI века» (М.: Инфра-М, 2024. 223 с.)

CONTENT

FOR THE ANNIVERSARY OF THE PROFESSOR OLGA IVANOVNA TSYBULEVSKAYA

- 17 **Vlasova O.V., Milusheva T.V.**
Humanism and Personal Dignity as the Main Paradigm of Modernity
- 27 **Nikitin A.A.**
Ensuring Moral Principles in Law Using Artificial Intelligence
- 33 **Zryachkin A.N.**
Olga Ivanovna Tsybulevskaya. On the Role of Morality, Law and Power in Eradicating Distortions of Legal Consciousness
- 37 **Lazareva O.V.**
Bankruptcy Procedure of a Citizen: Legal and Moral Aspects

CONSTITUTIONAL LAW

- 42 **Plotnikova I.N.**
Constitutional Foundations of Economic Sovereignty of the Russian State
- 49 **Ostavnova E.A.**
Constitutional and Legal Foundations of Humane Treatment of Animals in the Russian Federation
- 56 **Shupitskaya O.N.**
Constitutional Reform in Belarus in the Aspect of Realisation of Public and Private Interests

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 64 **Sokolov A.Yu., Lakaev O.A.**
Legal Regulation of the Guilt of Civil Servants in Committing Corrupt Disciplinary Offences
- 72 **Vechernin D.S.**
Development of Legal Regulation of the Domestic Food Aid Mechanism in the Russian Federation
- 77 **Dekhtyar I.N., Starodubtsev E.E.**
Administrative and Legal Regulation of the Organisation and Functioning of Specialised Institutions to Provide Assistance to Persons Under the Influence of Alcohol, Drugs or Other Toxic Intoxicants
- 84 **Tikhonov K.A.**
Problematic Issues of the Institute of Public-Private Partnership
- 89 **Sidorova Yu.I.**
Problems of Improving Legislation on Administrative Responsibility for Offences in the Sphere of Conformity Declaration

MEDICAL LAW

- 95 **Kovaleva N.N., Eresko P.V., Izotova V.F.**
Problems and Prospects of Using Artificial Intelligence in the Unified State Information System of Health Care
- 12

- 103 Afanasievskaya A.V.**
Application of Artificial Intelligence in the Health Care System: Liability Issues
- 108 Basova A.V.**
Application of Artificial Intelligence in Medicine: Legal Risks and Prospects
- 114 Bekuzarova Yu.V.**
Legal Personality of Artificial Intelligence in the Conditions of Digitalization of Medicine
- 118 Bryantseva O.V.**
Main Directions and Problems of Implementation of Artificial Intelligence Technologies in Medicine
- 122 Demkina E.A., Ivanova N.A.**
Legal and Ethical Aspects of Using Artificial Intelligence in Reproductive Medicine
- 128 Ladochkina L.V.**
Legal Regulation of Artificial Intelligence Used in Medicine and Healthcare
- 132 Kondrashova M.A.**
Artificial Termination of Pregnancy: Limits to the Exercise or Abuse of the Right in the Use of New Medical Technologies

CIVIL PROCEDURE

- 139 Chekmarev E.V., Chekmareva A.V.**
Vectors of Transformation of Teaching Legal Disciplines Taking into Account Traditional Values of Russia as a State of Civilization
- 150 Gavrilov V.N., Kulakov A.V., Makarov I.S.**
Unjust Enrichment in the Disposal of Virtual Objects: Problems and Prospects
- 157 Loshinina E.I.**
Certain Issues of Application of Analogy of Legislation Act and Analogy of Law in Civil Proceedings
- 164 Blazhnova L.A.**
Continuity of Domestic Traditions of Judicial Proceedings: Issues of Theory and Legislative Regulation

CRIMINAL PROCEDURE

- 169 Ustinov D.S.**
The Multidimensionality of the Accusation, Its Conditionality and Functional Purpose
- 178 Kaplunov A.S.**
Improving the Procedure for the Termination of Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases Under Jury Trial Jurisdiction

PROSECUTOR'S SUPERVISION AND CRIMINOLOGY

- 185 Shlyapnikova O.V., Kozlov S.R.**
On Borrowing the PRC's Experience by Russia in Controlling the Drug Situation
- 193 Akhmadullina R.D.**
Issues of Legal Regulation of the Status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the System of Ensuring National Security of Russia

LAND AND ENVIRONMENTAL LAW

- 199 Razgildieva M.B., Karamyshev D.A.**
Current Trends of Law Enforcement in the Sphere of State Cadastral Valuation
- 208 Panina M.A.**
Theoretical and Practical Aspects of Realization of the Actual Concept of Development and Location of Specially Protected Natural Territories of Regional Significance in the Saratov Region
- 215 Gershinkova D.A.**
Forestry in New Zealand's Greenhouse Gas Emissions Trading System

OTHER BRANCHES OF LAW

- 221 Kudinova N.S.**
Forensic Significance of Marking and Forensic Mechanoscopic Examination of Industrial and Technological Traces of Marking at the Present Stage
- 228 Surmeneva E.A.**
Impact of the Institution of the Financial Commissioner on the Implementation of the Basic Principles of Fair Behavior on the Financial Market

REVIEWS

- 235 Libanova S.E.**
Actual Problems of the Principles of Public Law: review of the collection monograph edited by E.V. Titova, T.P. Podshivalov "Principles of Public Law" (M.: Prospect, 2023. 288 p.)
- 242 Ivanov A.N.**
Review of E.S. Lapin's monograph "Investigative Actions in Russia in the First Quarter of the XXI Century" (M.: Infra-M, 2024. 223 p.)

**К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА
ОЛЬГИ ИВАНОВНЫ ЦЫБУЛЕВСКОЙ**

ЦЫБУЛЕВСКАЯ ОЛЬГА ИВАНОВНА

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

О.В. Власова, Т.В. Милушева

ГУМАНИЗМ И ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ КАК МАГИСТРАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОСТИ

Введение: гуманизм, пронизывающий собою все социокультурное пространство, способен выступить социально-этическим императивом нашей эпохи, магистральной идеей самосохранения человечества. **Цель** — переосмыслить гуманистические ценности: свободу, права человека, достоинства личности — в условиях современной мировой политической нестабильности, кризиса морали. **Методологическая основа:** проблема современного гуманизма исследуется с позиций антропоцентризма, аксиологического подхода. Используются общенаучные методы познания, формально-логический, сравнительно-правовой анализ. **Результаты:** аргументирована авторская позиция, согласно которой гуманизм — эволюционирующая культурная парадигма, открытый, развивающийся комплекс знаний. Раскрыты основные гуманистические ценности: свобода, достоинство личности, права человека, отражена связь гуманизма и морали. Подчеркивается, что современная парадигма гуманизма должна найти основания в целостности морали, учитывающей объективную реальность, опирающейся на внутреннее стремление человека к духовному совершенству и индивидуальной ответственности. **Выводы:** констатируется, что детерминантами социальной эволюции, логическим и диалектическим основанием человеческих отношений, служат те гуманистические ценности, которые требуют общественного согласия. Не отказываясь от индивидуалистического гуманизма и его ценностей — свободы, достоинства, прав личности, необходимо соединение его с нравственностью и устремленность к поддержке общественной солидарности.

Ключевые слова: гуманизм, достоинство личности, свобода, права человека, мораль, право, ответственность.

O.V. Vlasova, T.V. Milusheva

HUMANISM AND PERSONAL DIGNITY AS THE MAIN PARADIGM OF MODERNITY

Background: humanism, which permeates the entire socio-cultural space, is capable of acting as a socio-ethical imperative of our era, the main idea of humanity's self-preservation. **Objective** — to rethink humanistic values: freedom, human rights, personal dignity — in the conditions of modern world political instability and moral crisis. **Methodology:** the problem of modern humanism

---

© Власова Оксана Вячеславовна, 2024
Доктор юридических наук, доцент, профессор Высшей школы права (Югорский государственный университет)

© Милушева Татьяна Владимировна, 2024
Доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации, зав. кафедрой гражданского права и процесса (Поволжский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ); e-mail: mtv62@mail.ru

© Vlasova Oksana Vyacheslavovna, 2024
Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Higher School of Law (Yugra State University)

© Milusheva Tatyana Vladimirovna, 2024
Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law and Procedure (Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

*is studied from the standpoint of anthropocentrism, an axiological approach. General scientific methods of cognition, formal logical, comparative legal analysis are used. **Results:** the author's position according to which humanism is an evolving cultural paradigm, an open, developing complex of knowledge is argued. The main humanistic values: freedom, personal dignity, human rights are revealed, the connection between humanism and morality is reflected. It is emphasized that the modern paradigm of humanism should find its basis in the integrity of morality, which takes into account objective reality, based on the inner aspiration of man to spiritual perfection and individual responsibility. **Conclusions:** it is stated that the determinants of social evolution, the logical and dialectical basis of human relations, are those humanistic values that require social harmony. Without abandoning individualistic humanism and its values - freedom, dignity, individual rights — it is necessary to combine it with morality and aspiration to support social solidarity.*

Keywords: humanism, personal dignity, freedom, human rights, morality, law, responsibility.

В мае 2024 г. свой юбилей празднует доктор юридических наук, заслуженный работник высшей школы РФ профессор О.И. Цыбулевская. Основной исследовательский интерес Ольги Ивановны сосредоточен в сфере нравственных оснований права, в фокусе указанной проблематики находится тема гуманизма как широкого мировоззрения и фундаментального правового принципа.

В условиях мировой политической нестабильности, внутренних социальных кризисов национальное государство наращивает объемы легального принуждения, приводя в состояние диспропорции всю правовую систему. Именно поэтому необходима постоянная переоценка и пересмотр моральных оснований права с возвращением к отправной точке — достоинству человека как основополагающей гуманистической ценности, которая продолжает находиться в круге сегодняшних интересов ученого.

Будучи порождением западной цивилизации, гуманистические взгляды сформировались в эпоху Возрождения, где в контексте культуры Ренессанса человек был вознесен на вершину как творец собственной жизни и преобразователь мира. Гуманизм прошел длительный путь развития, выкристаллизовался как религиозный и светский принцип, был взят на вооружение не только либеральной, но и социал-демократической идеологией. Марксистский гуманизм по праву является одним из оригинальных течений в философии второй половины XX в. В советской философии исследовались три его формы: пролетарский (М. Горький, М. Петросян) исторически соответствовал периоду непримиримой идеологической борьбы с абстрактным гуманизмом и фашизмом; социалистический (Н. Бухарин, П. Федосеев, Ф. Константинов) уделял основное внимание материальным и духовным условиям воспитания всесторонне развитой личности; коммунистический (И. Фролов) соответствовал этапу научно-технической революции, периоду международной разрядки, курсу на демократизацию и гласность во внутренней политике [1]. С точки зрения советской идеологии лишь в условиях социализма принцип гуманизма получил не формальное, а реальное воплощение.

Итак, исторические формы гуманизма: христианский, либеральный (классический) и пролетарский (социалистический), продолжают существовать и по сей день. Несмотря на некоторые различия, все они сходятся в том, что «гуманизм (от лат. *humanus* — человеческий, человечный) провозглашает человека в качестве высшей ценности, утверждает его свободу и достоинство, независимо от исполняемых им социальных функций и ролей, усматривает в нем самостоятельный

источник творческих сил, право определять направления развития своей жизненной траектории и развития, а также нести ответственность [2].

Российский философ В.М. Межуев отмечает, что в современном мировоззренческом значении под гуманизмом необходимо понимать: во-первых, признание права на равное существование различных культур, между которыми трудно найти нечто общее; во-вторых, открытие человека как особой субстанции, заключающей в себе смысл своего собственного существования, не сводимого ни к природе, ни к Богу [3, с. 6]. По словам Я. Бурхарда, «обусловленность природы человека — быть свободным, избирать свою судьбу, создавать собственными руками алтарь славы или оковы наказания» [3, с. 7]. Границей между миром природным и божественным является культура, а гуманизм способен выступать культууроформирующим принципом и социально-этическим императивом нашей эпохи.

Исследователи гуманизма определяют его как многомерное явление: мировоззрение, систему ценностей, способы, методы и психологию мышления, научно-исследовательскую практику, виды социализации и стили жизни [4, с. 11].

В общеправовом смысле гуманизм видит человека целью и высшей ценностью права, основным источником права, субъектом реализации прав и законных интересов, запрещает использование правовых средств для осуществления деяний, противоречащих природе человека (его достоинству, жизни, здоровью, устремлениям и т.д.). «Идея гуманизма, — справедливо отмечает О.И. Цыбулевская, — пронизывает всю правовую систему демократического общества, законодательство, правоприменительную и правоохранительную деятельность» [5, с. 117]. Созвучна с предыдущей мыслью А.В. Коновалова: «Принцип гуманизма относится к числу тех, что задают этический вектор правового регулирования и правоприменения, обеспечивая “растворенное” присутствие гуманистической идеи во всех нормах любой отрасли права» [6, с. 260].

В современном мире гуманизм приобретает разные формы и направления. Например, гражданский гуманизм, политический гуманизм, ноосферный гуманизм, экологический гуманизм, социальный гуманизм.

Как отмечалось ранее, в своем структурном содержании гуманизм систематизирован ценностями, проявляющимися в языке и поведении человека. Именно ценности приводят в движение волю людей, со временем воплощаясь в категории этики. Духовная свобода, достоинство личности, права человека, нравственность, солидарность, справедливость, ответственность, толерантность, диалог и компромисс и другие претворяются в реальной жизни индивида отнюдь не автоматически, а действуют через определенные социальные и психологические механизмы: волю, желания, умственное напряжение, определенную работу мысли, каждый человек сам должен захотеть воплощать их в жизнь.

Базовой гуманистической ценностью и одновременно формой существования индивида и здорового общества является свобода.

С позиций диалектики свобода воли конкретного индивида детерминирована объективной необходимостью, является преодолением необходимости.

Аналитическая философия в поисках формального содержания свободы исходит из трактовки ее как «отсутствие внешнего воздействия», независимость от внешних ограничений (социальных, правовых и т.д.). Содержание «практической» свободы как возможность индивида реализовывать свои интересы и потребности проявляется в действии. Свобода как наличное бытие, реальное

сущее, актуализируется лишь в обществе, в действиях, направленных по отношению к свободе другого. Кроме того, свобода обусловлена характером политического, экономического, нравственного, правового развития общества. Именно степень развития общества определяет в конечном счете уровень допустимого в нем проявления индивидуальной свободы. Парадокс нашего времени состоит в том, что в условиях интенсивного развития цифровых технологий, систем искусственного интеллекта уровень свободы личности, безусловно, расширяется, в то же время увеличивается технологическая зависимость человека, которая, как ни парадоксально, сокращает степень индивидуальной свободы.

В рейтинге стран мира по уровню свободы человека Россия в 2022 г. занимала 120 строчку, имея индекс свободы 6,01. Верхняя строчка принадлежит Швеции — 8,94, нижняя (165) — Сирии 3,30¹.

Чтобы обладать свободой нужно ее осознавать, то есть видеть преимущества, которые она дает и ощущать дискомфорт, связанный с ее отсутствием. Подобно воздуху, недостаток которого человек замечает лишь тогда, когда трудно дышать, свобода начинает осознаваться при ее дефиците. В российском обществе ценность свободы до конца не осознана большей его частью [7, с. 37–56]. Согласно опросам 2023 г., 27 % респондентов выбрали свободу главной ценностью в жизни. Однако общественно-политическое понимание свободы (участие в выборах, в деятельности политических партий, выражение отношения к правящей корпорации, отсутствие цензуры и т.п.) разделяет меньшинство населения, обладающее значительным, в сравнении с основной массой, социальным капиталом, образованием, более высокой самооценкой и претензиями на авторитет и влияние на других. К сожалению, идеи политической свободы и прав, предполагающих собственное участие в общественной жизни и ответственность за происходящее в стране, оставляют большинство россиян равнодушными.

Как представляется, устанавливаемые современным Российским государством ограничения свободы действий субъектов далеко не всегда эффективны и часто имеют прямо противоположный телеологический результат. В то же время свобода без границ приводит в итоге к юридической незащищенности личности, снижению уровня реальной свободы. Как известно, крайности вредны. Свобода личности должна быть уравновешена ее ответственностью. Степень свободы, с одной стороны, не должна нарушать принцип ценности индивидуальной жизни, с другой, не создавать угрозы общественной безопасности. А эта задача сверхсложная [8, с. 89–90]. Между тем без свободы, без признания ценности человеческой жизни все традиции мертвы.

Права человека выступают формой реализации идей гуманизма. Права человека основываются на уважении человеческого достоинства, служат во имя его блага и счастья, призваны защищать достоинство личности [9]. Вопрос о человеческом достоинстве — это вопрос о ценности человека как субъекта права, измеряющего себя и всю свою человеческую жизнь не голыми «нуждами», «пользами» и «интересами», а достоинством [10, с. 183].

Нормы о достоинстве человека и гражданина как высшей ценности общества и государства были провозглашены в российском законодательстве в 1991 г.

¹ См.: URL: <https://www.cato.org/search/category/human-freedom-index> (дата обращения: 01.08.2024).

в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР. Это событие можно считать поворотным моментом в развитии естественных прав, в частности права на достоинство, и возведении их в ранг непреложных основ общественной жизни. В преамбуле Декларации говорится об утверждении прав и свобод человека и гражданина, его чести и достоинстве как высшей ценности общества и государства¹.

С точки зрения правового статуса достоинство личности обеспечивается закрепленным за ним комплексом субъективных прав и свобод и, что весьма важно, корреляцией их с обязанностями и ответственностью. Этическим обоснованием эквивалентного равенства прав и обязанностей человека является гуманизм.

Благодаря правам человека достоинство укореняется в государственно-гражданском статусе, который приобретают граждане в процессе сознательного созидания конституционного правового государства. В означенном смысле крайне важно обеспечение реализации именно политических прав граждан. Это способствует формированию чувства самоуважения, сопричастности к организации демократического правопорядка, гарантирующего равное уважение граждан в их человеческом достоинстве.

Очевидно, что формального закрепления ценности достоинства явно недостаточно. Человеку нужно знать... свое духовное достоинство, понимать содержание ценности достоинства. «Для этого, — отмечал И.А. Ильин, — человеку как субъекту права и творцу права необходимо уважать себя... Уважать себя — значит признавать свое достоинство и, признавая, дорожить им...». Только в этом случае «субъект, может уважать право и в то же время создавать такое право, которое не было бы унижительно для человека...» [11, с. 307].

Достоинство, как правило, осознается человеком в качестве способности делать свободный выбор, самому решать свою судьбу, нести ответственность за свои поступки; оно выражается в достойном образе жизни, в сознании отсутствия принуждения, то есть сознании свободы.

Достоинство — духовный стержень личности. Оно требует формирования, культивирования на протяжении всей жизни человека, его внутренней работы над собой. Человек, осознающий свое достоинство, выбирая вариант поведения, следует двум важнейшим ориентирам: во-первых, никогда не поступаться общечеловеческими ценностями; во-вторых, осознавать пределы своих прав [12, с. 57]. В то же время, отстаивая свои субъективные права, личность должна считаться, часто вопреки собственной воле, с ценностным опытом другого. В этом смысле, достоинство для человека одновременно благо и добродетель, состояние и инструмент, объединяющее начало, посредством которого координируется и поддерживается человеческая жизнь.

Человек, осознающий достоинство, не позволяет манипулировать собой, четко придерживается конструктивной жизненной стратегии, отстаивает интересы истины, своего общества и государства, гордится духовной культурой своего народа. Именно этого духовного стержня сегодня катастрофически не хватает российским гражданам, обществу в целом. Прав В.В. Лазарев, отмечая, что «с честью и достоинством у наших граждан, с самых низов и до самых верхов, мягко скажем — проблемы» [13, с. 7]. Не секрет, что человек, в котором не сформиро-

¹ См.: Декларация прав и свобод человека и гражданина РСФСР 1991 г. // Конституционное право России: сб. док. М.: БЕК, 1996. С. 148.

вано или разрушено чувство собственной ценности, не способен противостоять современным вызовам и брать на себя моральную ответственность за себя, свою семью, страну.

Вопрос о человеческом достоинстве — это вопрос о реальном обеспечении прав человека со стороны государства. Прописными истинами являются утверждения о том, что уважать достоинства человека необходимо в любых ситуациях, нельзя лишать человека его достоинства независимо от его моральных качеств, нарушений им правил поведения и даже совершения преступлений, недопустимо произвольно ограничивать права человека¹.

К сожалению, разрыв между нормативно закрепленным достоинством, с одной стороны, и объективными условиями его реализации — с другой, в России не преодолен. «Если мы признаем, что право на честь и право на достоинство закреплены конституционно, а в реальности нет ни того, ни другого, появляется проблема, как сделать так, чтобы граждане и власть имущие этими ценностями располагали» [13, с. 7]. Однако реальное положение дел свидетельствует, что основная гуманистическая идея очень слабо реализуется на практике. По меткому выражению Д.А. Керимова, «аморальность поведения должностных лиц, осуществляющих государственные функции, заставляет напомнить об этичности самого государства» [14, с. 156]. Слова ученого, к сожалению, не утратили своей актуальности и в наши дни.

Гуманизм тесно связан с моралью, которая как мерило духовного мира человека ориентирована на его внутренние ценности. Поэтому самосовершенствование индивида, прежде всего в собственной эволюции сознания, открывает перед личностью безграничные возможности к достижению самой высокой степени гуманности и соответствующих качеств. Идеи гуманизма составляют ядро, общечеловеческое содержание морали [15, с. 251]. Через призму нравственности, долга человека в отношении к другим людям и к обществу, гуманизм служит добру, милосердию, общечеловеческому благу в целом как универсальной ценности. Быть гуманным — значит относиться к другому человеку как к цели самой по себе, уважать его человеческое достоинство, делать ему добро. Эта идея выражает сущность гуманизма. Долг — моральная необходимость в форме требования. Долг отличается моментом самопринуждения, его реализация требует усилий воли. Но человек понимает, что вне общества он жить не может, и, чтобы оно сохранялось и функционировало, он должен ограничивать свои действия, подчиняться определенным правилам. Чтобы прочувствовать эту логику, современному индивиду необходима известная доля смирения, не подавляя свои инстинкты, познать их, признать и сознательно работать над ними, соглашаясь с их существованием и одновременно несоответствием высшему этическому поведению.

Способность владеть той степенью контроля за личные состояния и действия, которая необходима и достаточна для защиты собственной целостности и идентичности, — это и есть гуманизм с позиций индивидуальной ответственности. А внутренний выбор свободной воли, определяющий действующее либо бездействующее лицо как ответственное за все последствия своих внешних

¹ См.: Казановская Ю.А. Достоинство личности как традиционная ценность международного и внутригосударственного права. С. 50–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoinstvo-lichnosti-kak-traditsionnaya-tsennost-mezhdunarodnogo-i-vnutrigosudarstvennogo-prava?ysclid=lur8wcel14200059647/>

проявлений, выражается в индивидуальной свободе в гуманистическом смысле. В этом, на наш взгляд, лежит ключ к самому главному — самосознанию чувства ценности человека, уважению его достоинства, которые позволяют достичь гармонии с самим собой и окружением. «Невозможно представить, чтобы сознательный человек намеренно причинил кому-либо вред, так как высшее сознание неотделимо от высшей морали» [16, с. 88].

История человеческого развития являет собой объективный процесс гуманизации общественных отношений. Однако следует учитывать, что этот процесс противоречив, поскольку в нем сочетаются прогрессивные и регрессивные тенденции. Важную роль в нем играют и субъективные факторы. Речь идет прежде всего о политике правительств и государств, деятельности гуманистических организаций, образовательных и просветительских учреждений, средств массовой информации, отдельных личностей и т.д.

Следует согласиться с мнением авторов монографии «Судьба гуманизма в XXI веке», которые отмечают, что в условиях искаженной российской реальности, по сути, дегуманизирующими являются беспрецедентная поляризация российского общества, массовая бедность и даже нищета части российского населения, фактическая коммерциализация многих фундаментальных прав человека, депопуляция населения и деградация национального здоровья, социальная маргинализация, нравственная и идеологическая дезориентация населения, политическое отчуждение власти от народа, криминализация и коррупция чиновников, фактическое свертывание демократии и обратной связи власти с народом [17, с. 138]. Как ни досадно признавать, но это далеко не полный перечень проблем.

По данным Росстата, в первом полугодии 2023 г. граница бедности составила 14 тыс. 106 руб., численность населения с денежными доходами ниже границы бедности в целом по Российской Федерации составляет 17,3 млн человек, то есть 11,9 %¹. По оценкам некоторых социологов ощущение бедности сегодня испытывает 40 % населения страны. Масштабное нарастание бедности чревато самоустранением человека не только от политики, но и от социальной жизни, от культуры, нравственности, снижается качество человеческого капитала, деградирует государство, а вместе с ним и власть [18, с. 65].

В связи с этим актуальна задача гуманизации всей современной системы отношений, в которую включены не только индивиды, но и государство. Гуманизация представляется процессом «очеловечивания человека», раскрытия в более полном объеме потенциалов личности и ее связей с обществом, а также «очеловечивания государства» [19, с. 37]. В российском публичном пространстве необходимо распространение гуманистических ценностных приоритетов в отношениях между социальными группами, государством и отдельными личностями.

С позиций инструментальной роли гуманизм высвечивает все сферы бытия человека, актуализируя более благоприятные условия для развития и улучшения жизни людей. Он подчеркивает значение образования и науки в понимании мира и места каждого из нас в нем. Отсюда — неисчерпаемая глубина правового смысла гуманизма, необходимость переосмысления его ценностной логики как юридической максимы современного права.

¹ См.: URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/139_06-09-2023.html (дата обращения: 01.08.2024).

Достоинство как априорная ценность гуманизма — простой и одновременно сложный критерий, позволяющий стимулировать и гармонично выстраивать политику, экономику, культуру, науку.

Для нового прочтения гуманистических идей, формирования адекватной основы их реализации возникает потребность в интеграции наук, затрагивающих проблемы человека, его природы, естественного порядка вещей и технического прогресса. Эффективность правового обеспечения реализации принципа гуманизма во всех сферах государственно-общественной жизни должна стать предметом специальных обсуждений на страницах научных журналов, научно-практических мероприятиях с учетом мультидисциплинарного подхода и привлечением широкой общественности к данной теме.

Гуманизм как естественный и необходимый принцип общезития (плодотворной кооперации граждан), их коммуникации и условия развития творческой личности, уважения прав человека оказался сегодня под угрозой. Современные мыслители сходятся во мнении — признать «кризис гуманизма», спровоцированный комплексом причин: культурных, социальных, политических и др. Нельзя отрицать, что абсолютизация свободы личности, плюрализма и релятивизма в сфере ценностей фактически дискредитировали понятие добра и основанное на нем понятие гуманизма.

Идея гуманизма — эволюционирующая культурная парадигма, открытый, развивающийся комплекс знаний. Сегодня становится очевидным, что опорой дальнейшей социальной эволюции, логическим и диалектическим основанием человеческих отношений, служат те гуманистические ценности, которые требуют общественного согласия. Несмотря на то, что гуманизм, в его классической интерпретации, персоналистичен, это вовсе не свидетельствует об отрыве индивидуального от социального, а также о поглощении индивидуального общим. Нельзя отказываться от завоеваний индивидуализма, как справедливо отмечает Е.В. Беляева [20, с. 78]. Для того чтобы индивидуалистический гуманизм смог реализовать свою функцию нравственного принципа, он должен поддерживать общественную солидарность. И. Кант указывал, что высшей целью морали является гармонизация интересов личности и общества [21, с. 116].

В современных обществах закладываются новые основания нравственных отношений, считает Э. Этциони. Новое «золотое правило» звучит так: «уважай и поддерживай нравственный порядок в обществе, если хочешь, чтобы общество уважало и поддерживало твою независимость» [22, с. 315, 319]. Иными словами, индивидуализм должен уравновешиваться высокой социальной организованностью сообщества, которая формируется и держится на самодостаточной личности.

Современная парадигма гуманизма должна найти основания в целостности морали, учитывающей объективную реальность, опирающейся на внутреннее стремление человека к духовному совершенству и индивидуальной ответственности, на осознание того, что человечество — единая организованная общность, нуждающаяся в гуманизме как властном требовании времени, может стать инструментом духовного совершенствования и возрождения человечества.

Библиографический список

1. Емельянов А.В. Советский марксистский гуманизм: от классовой борьбы к ренессансу человека // Человек. 2023. Т. 34, вып. 5. С. 114–129.

2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. 744 с.
3. Межуев В.М. Гуманизм и современная цивилизация // Человек. 2013. № 2. С. 5–13.
4. Кудишина А.А. Современный гуманизм как феномен культуры (философско-культурологический анализ): автореф. дис. ... д-ра фил. наук. М., 2007. 40 с.
5. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2004. 219 с.
6. Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2022. 790 с.
7. Поляков А.В. Дефицит свободы как политико-правовая проблема // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 4. С. 37–56.
8. Власова О.В. Юридическая аномия и достоинство человека // Мониторинг правоприменения. 2023. № 2(47). С. 89–90.
9. Цыбулевская О.И., Власова О.В. Достоинство личности и гражданское общество. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2008. 207 с.
10. Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9–10. М.: Русская книга, 1999. 507 с.
11. Ильин И.А. Теория права и государства / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2014. 550 с.
12. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Свобода и достоинство личности: философский и правовой аспекты // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2(46). С. 55–60.
13. Лазарев В.В. Декларировать ли утверждение чести и достоинства россиянина? // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2000. № 1(39).
14. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства: в 3 т. М.: Изд-во Современ. гуманитар. ун-та, 2003. Т. 3: Правовое государство. 196 с.
15. Зеленцова М.Г., Солон Д.Б. Нравственные основания современного гуманизма // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. 2008. Спец. вып. С. 251–255.
16. Соммер Дарио Салас. Мораль XXI века: пер. с исп. М.: Кодекс, 2019. 518 с.
17. Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Судьба гуманизма в XXI веке: монография. Персиановский: Донской ГАУ, 2021. 155 с.
18. Цыбулевская О.И. Солидарность в праве в фокусе моральных проблем // Государственно-правовые исследования. 2022. Вып. 5. С. 63–68.
19. Пашенцев Д.А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 34–39.
20. Беляева Е.В. Некоторые особенности современного гуманизма и его нравственные приложения // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. 2009. № 7. С. 75–78.
21. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. Т. 4, ч. 1. М.: Мысль, 1965. 544 с.
22. Этциони Э. Новое золотое правило и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Akademia, 1999. С. 309–334.

References

1. Yemelyanov A. V. Soviet Marxist Humanism: from Class Struggle to the Renaissance of Man // Human. 2023. Vol. 34, Iss. 5. P. 114–129.
2. The New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes. M.: Thought, 2010. 744 p.
3. Mezhuuyev V.M. Humanism and Modern Civilization // Man. 2013. No. 2. P. 5–13.
4. Kudishina A.A. Modern Humanism as a Cultural Phenomenon (Philosophical and Cultural Analysis): extended abstract dis. ... Dr. Phil. sciences. M., 2007. 40 p.
5. Tsybulevskaya O.I. The Moral Foundations of Modern Russian Law / ed. by N.I. Matuzov. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2004. 219 p.

6. *Kononov A. V.* Principles of Law: monograph. M.: Norm, 2022. 790 p.
7. *Polyakov A. V.* The Deficit of Freedom as a Political and Legal Problem // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13, no. 4. P. 37–56.
8. *Vlasova O. V.* Legal Anomie and Human Dignity // Monitoring of Law Enforcement. 2023. No. 2(47). P. 89–90.
9. *Tsybulevskaya O. I., Vlasova O. V.* Dignity of the Individual and Civil Society. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2008. 207 p.
10. *Ilyin I. A.* The Main Tasks of Jurisprudence in Russia // Collection of works in ten volumes. Vol. 9–10. M.: Russian book, 1999. 507 p.
11. *Ilyin I. A.* Theory of Law and State / edited by V. A. Tomsinova. M.: Zertsalo – M, 2014. 550 p.
12. *Tsybulevskaya O. I., Milusheva T. V.* Freedom and Dignity of the Individual: Philosophical and Legal Aspects // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2(46). P. 55–60.
13. *Lazarev V. V.* Should I Declare the Statement of Honor and Dignity of a Russian? // Representative Government — the XXI Century: Legislation, Comments, Problems. 2000. No. 1(39).
14. *Kerimov D. A.* Problems of the General Theory of Law and State: in 3 volumes. M.: Publishing house of Sovrem. Humanitarian, 2003. Vol. 3: State of Law. 196 p.
15. *Zelentsova M. G., Solon D. B.* The Moral Foundations of Modern Humanism // Bulletin of the N. A. Nekrasov KSU. 2008. Special issue. P. 251–255.
16. Sommer Dario Salas Morality of the XXI Century: trans. from Spanish. M.: Codex, 2019. 518 p.
17. *Polomoshnov A. F., Polomoshnov P. A.* The Fate of Humanism in the XXI Century: a monograph. Persianovsky: Donskoy GAU, 2021. 155 p.
18. *Tsybulevskaya O. I.* Solidarity in Law in the Focus of Moral Problems // State-Legal Research. 2022. Iss. 5. P. 63–68.
19. *Pashentsev D. A.* Anthropology of the State: Humanization of Legal Reality as a Challenge to Leviathan // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2020. No. 3. P. 34–39.
20. *Belyaeva E. V.* Some Features of Modern Humanism and Its Moral Applications // Bulletin of Polotsk State University. Ser.: A., Humanitarian Sciences. 2009. No. 7. P. 75–78.
21. *Kant I.* Critique of Pure Reason // Op. In 6 vols. 4, part 1. M.: Mysl, 1965. 544 p.
22. *Etzioni E.* The New Golden Rule and Morality in a Democratic Society // The New Post-Industrial Wave in the West. M: Akademia, 1999. P. 309–334.

А.А. Никитин

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛ В ПРАВЕ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Введение: упорядоченность отношений в обществе достигается за счет действия всех социальных регуляторов. Особая роль в регулировании общественных отношений отводится морали и праву. Несмотря на специфику данных регуляторов, а также на наличие между ними отдельных противоречий, для обеспечения эффективности социальной регуляции необходимо взаимодействие права и морали. В связи с этим нравственные начала, заложенные в праве, должны сохраняться и претворяться в жизнь в процессе осуществления правоприменительной и иной юридической деятельности. В современных условиях, когда цифровые технологии проникают в новые сферы человеческой деятельности, необходимо оценить влияние, которое окажет использование искусственного интеллекта на применение права и другие виды юридической деятельности. **Цель** — определить возможность обеспечения реализации нравственных начал в праве при использовании искусственного интеллекта в правоприменительной и иной юридической деятельности. **Методологическая основа:** совокупность всеобщих, общенаучных и частнонаучных методов (диалектический, системный, функциональный подходы, а также иные методы научного познания). **Результаты:** приведена авторская позиция относительно возможности использования систем искусственного интеллекта в процессе применения юридических норм с учетом необходимости обеспечить при этом реализацию нравственных начал права. **Выводы:** уровень развития систем искусственного интеллекта, достигнутый на данный момент, не позволяет использовать их в правоприменительной и иной юридической деятельности в автоматическом режиме. Их применение должно осуществляться под управлением (контролем) человека как вспомогательные средства, упрощающие выполнение рутинных операций при осуществлении юридической деятельности.

Ключевые слова: мораль, право, нравственные начала, искусственный интеллект, правоприменение, социальная регуляция.

A.A. Nikitin

ENSURING MORAL PRINCIPLES IN LAW USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Background: the orderliness of relations in society is achieved through the action of all social regulators. Morality and law play a special role in the regulation of social relations. Despite the specificity of these regulators, as well as the presence of certain contradictions between them, the interaction of law and morality is necessary to ensure the effectiveness of social regulation. In this regard, the moral principles laid down in law should be preserved and implemented in the process of law enforcement and other legal activities. In today's environment, where digital technologies are penetrating all new spheres of human activity, it is necessary to assess the impact that the use of artificial intelligence will have on the application of law and other legal activities. **Objective** —

© Никитин Александр Александрович, 2024

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alexnik-82@mail.ru

© Nikitin Aleksandr Aleksandrovich, 2024

Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

to determine the possibility to ensure the realization of moral principles in law when using artificial intelligence in law enforcement and other legal activities. Methodology: a set of general, general scientific and particular scientific methods (dialectical, systemic, functional approaches, as well as other methods of scientific cognition). Results: the author's position on the possibility of using artificial intelligence systems in the process of applying legal norms is given, taking into account the need to ensure the implementation of the moral principles of law. Conclusions: the current level of development of artificial intelligence systems does not allow their use in law enforcement and other legal activities in automatic mode. Their application should be carried out under the management (control) of a human being as auxiliary means that simplify the performance of routine operations in the implementation of legal activities.

Keywords: *the moral, law, moral principles, artificial intelligence, law enforcement, social regulation.*

Взаимодействие права и других социальных регуляторов — вопрос, постоянно находящийся в поле зрения представителей различных отраслей гуманитарной науки, прежде всего правоведов. Основное внимание уделяется проблемам взаимодействия права с таким важнейшим социальным регулятором, как мораль. Такая расстановка приоритетов представляется абсолютно оправданной, поскольку «продолжительное время правовой и моральный регуляторы существовали в неразделенном виде, поэтому “родственные связи” не могут быть разорваны» [1, с. 103].

В современных условиях особую актуальность исследованию проблемы взаимодействия права и морали придают следующие обстоятельства.

Во-первых, стремительность изменений, которые происходят в общественной жизни, требующих адекватной реакции и со стороны морали, и со стороны права. Однако данные социальные регуляторы обладают разной «остротой» реакции на происходящие изменения, специфичным уровнем консерватизма, кардинально различающимися механизмами совершенствования. В связи с этим представляется необходимым обеспечить должный уровень синхронизации в развитии названных регуляторов — совершенствуя законодательство, переосмыслить через призму сегодняшнего дня моральные ценности, лежащие в основе права [2, с. 53].

Во-вторых, активное внедрение в различные сферы современных технологий, включая системы искусственного интеллекта. Рассматривая и оценивая применение современных технологий в сферах производства, транспорта, связи, медицины, появляются сторонники внедрения подобных технологий и в юридическую деятельность, причем не в качестве вспомогательных средств, а как замена человеку, осуществляющему правотворчество или правоприменение. Предполагается, что поскольку такие системы лишены человеческих качеств, то их использование позволит снизить уровень коррупции, минимизировать негативные проявления правового усмотрения, исключить человеческие ошибки в процессе применения права.

Анализируя потенциал имеющихся технологических решений, используемых в разных областях юриспруденции, нельзя не признать определенных преимуществ их применения. Например, использование комплексов фото-видеофиксации нарушений правил дорожного движения позволяет снизить нагрузку на сотрудников госавтоинспекции по выявлению и фиксации соответствующих правонарушений и направить их усилия на обеспечение иных

аспектов безопасности дорожного движения. Помимо названных комплексов достаточно широко применяются государственные информационные системы, средства автоматизированной идентификации, автоматические устройства дистанционного контроля и другие современные технологии. Так, в отдельных контрольно-надзорных органах разрабатываются и тестируются электронные инспекторы — системы, помогающие подконтрольным (поднадзорным) субъектам осуществлять самопроверку соблюдения обязательных требований [3, с. 175–176]. Соответствующие технологические системы позволяют повысить эффективность государственного и муниципального управления, контрольной (надзорной) деятельности, правотворчества.

Общей чертой используемых в настоящее время технологий является то, что они функционируют под управлением (контролем) человека и обладают невысоким уровнем автономности. Практика их применения показывает, что полагаться исключительно на искусственный интеллект не следует, поскольку результаты его функционирования не лишены ошибок. В частности, известны случаи, когда системы автоматизированной фиксации нарушений ПДД принимали за непристегнутого ремнем безопасности пассажира пакеты, стоящие на переднем пассажирском сиденье автомобиля¹.

Подобные примеры указывают на то, что преждевременно доверять существующим системам искусственного интеллекта принимать юридически значимые решения без контроля со стороны человека.

В качестве контраргумента можно было бы указать, что системы искусственного интеллекта развиваются, совершенствуются, избавляются от нелепых ошибок. С технологической точки зрения это верно. Так, по мнению одного из ведущих экспертов в мире по проблемам искусственного интеллекта, преподавателя компьютерных наук в Стэнфордском университете Эндрю Ына (Andrew Ng), в 2023 г. наибольшая часть функционирования систем искусственного интеллекта приходилась на процесс обучения «с учителем» и «с подкреплением» и гораздо меньший объем на обучение «без учителя» и собственно на осуществление искусственным интеллектом генеративной функции (формулирование определенных ответов, решений, текстов)².

Полагаем, что с этим тезисом следует согласиться — количество поверхностных, формальных ошибок в результатах функционирования систем искусственного интеллекта в ближайшее время, вероятно, будет уменьшаться.

Однако существует еще одно, на наш взгляд, более значимое препятствие к внедрению в юридическую деятельность систем искусственного интеллекта, автономно принимающих решения. Таким фундаментальным препятствием является невозможность согласования принимаемых искусственными системами решений с канонами других социальных регуляторов, и прежде всего морали. Следует согласиться с О.И. Цыбулевской, отмечающей, что право и мораль на протяжении истории своего существования теоретически обособлялись, но они, будучи включенными в единый социальный контекст, взаимодействуют, допол-

¹ См.: ГУ МВД отменило балаковцу штраф за непристегнутый пакет. URL: https://saratov.aif.ru/incidents/accident/gu_mvd_otmenilo_balakovcu_shtraf_zh_nepristegnutyu_paket?ysclid=lt2uyuvxpm945528270 (дата обращения: 26.02.2024).

² См.: Эндрю Ын. Возможности искусственного интеллекта в 2023 году. URL: <https://www.habr.com/ru/companies/serverspace/articles/776954/> (дата обращения: 26.02.2024).

няют друг друга и участвуют в достижении общих целей [4, с. 102–103]. В процессе применения права существование нравственных оценочных категорий осложняет деятельность правоприменителя, однако они выступают необходимым нравственным источником права. Разделение права и морали, их отсечение друг от друга приводит к сбоям во всем механизме социальной регуляции [5, с. 114].

Существующие сегодня системы искусственного интеллекта относятся к категории «слабых». Для «слабого» искусственного интеллекта характерна имитация отдельных функций человеческого мозга, позволяющая «мыслить» логически и абстрактно [6, с. 287]. При этом сознание и самосознание у таких систем отсутствует. При отсутствии названных свойств любая система искусственного интеллекта не сможет дать «собственную» оценку проблемной ситуации с позиции справедливости, равенства, добра и зла. Оценка искусственной системы будет основана на поступающей извне информации, содержащей различные определения названных категорий, которые могут быть как истинными, так и ложными. Подобная цифровизация и алгоритмизация правоприменительной деятельности может повлечь не только исчезновение справедливости и правосудия в праве, но и привести к обилию абсурдных правоприменительных решений [7, с. 258].

Данный вывод основывается на технологической характеристике принципов генерации ответов системами искусственного интеллекта (на примере текстовых систем). Как уже отмечалось, значительная часть функционирования системы искусственного интеллекта приходится на процесс обучения (преобладающими являются обучение «с учителем» и «с подкреплением», то есть с участием человека) — накопления системой данных, их классификация и систематизация. Затем размеченные данные используются системой для генерации определенного текста по поступившему запросу путем многократного прогнозирования наиболее вероятного последующего слова в фразе¹. Основываясь на таком алгоритме, искусственный интеллект сможет предложить, например, достаточно адекватное определение «справедливости», исходя из анализа различных философских, религиозных и иных текстов, к которым у него есть доступ, а предложить справедливое решение применительно к конкретной индивидуальной ситуации — нет.

Прежде чем внедрять искусственные системы, построенные на рассмотренных алгоритмах принятия решений, в правоприменительную и иную юридическую деятельность, необходимо разрешить ряд проблем.

Во-первых, следует оценить используемые системой технические ресурсы и характер ее обучения. Должно быть четкое представление, какие вычислительные мощности использует соответствующая система искусственного интеллекта, находятся ли они на территории государства или за его пределами, а также кто и на основе каких входных данных осуществляет обучение системы. В данном случае присутствует определенное противоречие. С одной стороны, чем больше задействовано вычислительных мощностей и шире охват поступающих данных, тем выше у такой системы потенциал развития, обучения. С другой — возможность участия в обучении системы искусственного интеллекта лиц, обладающих другой системой нравственных ценностей, создает риск найти отражение в генеративной деятельности искусственного интеллекта.

¹ См.: Эндрю Ын. Возможности искусственного интеллекта в 2023 году. URL: <https://www.habr.com/ru/companies/serverspace/articles/776954/> (дата обращения: 26.02.2024).

Во-вторых, взаимодействие с другими системами искусственного интеллекта, в том числе в процессе обучения. Это вопрос уязвимости «рабочей» системы искусственного интеллекта перед так называемыми ботами — системами (виртуальными роботами), имитирующими действия людей. В современных условиях боты могут использоваться и недобросовестно: для рассылки рекламного спама, для атаки на государственные и муниципальные интернет-ресурсы и т.д. Аналогичным образом боты могут быть задействованы для направления искусственному интеллекту недостоверных данных, их неправильной классификации.

В-третьих, должны быть четко определены пределы и условия использования систем искусственного интеллекта, а также сферы, в которых применение таких систем является оптимальным. Представляется, что в обозримом будущем использование искусственного интеллекта в юриспруденции возможно лишь в качестве вспомогательного средства без возможности автономного принятия решений искусственной системой.

Следует понимать, что ряд ключевых для юридической деятельности качеств неподвластны искусственному интеллекту. В частности в процессуальном законодательстве закреплено, что правоприменитель при оценке доказательств и принятии решения должен руководствоваться собственным внутренним убеждением, которое невозможно перевести в программные алгоритмы. В связи с этим не удастся обучить искусственную систему в зависимости от конкретных обстоятельств одни и те же доказательства в одном деле отвергать, а в другом брать за основу принимаемого решения [8, с. 50–51]. Необходимость правоприменительного усмотрения объективно обусловлена, поскольку абсолютно определенное правовое регулирование всех жизненных ситуаций невозможно. Так, недостижимой целью видится разработка универсальной схемы определения размера имущественного возмещения морального вреда, поскольку компенсируемые нравственные страдания переживаются индивидуально [9, с. 10].

Столь же индивидуально в юриспруденции определение справедливого и несправедливого (например, наказания). Справедливое решение — это решение, учитывающее все значимые обстоятельства в конкретном деле, а не усредненное значение, взятое из решений, принятых ранее по аналогичным делам. Если алгоритмы, на основе которых функционируют существующие системы искусственного интеллекта, не позволяют обеспечить принятие подлинно справедливых решений, то делегирование таким системам полномочий по разрешению юридических дел является недопустимым.

В заключение важно подчеркнуть, что обеспечение необходимого уровня упорядоченности общественных отношений — это результат воздействия всей системы социальных регуляторов, в которой ведущая роль отводится праву и морали. Несмотря на наличие определенных противоречий, право немислимо без морали. Забвение нравственных начал в праве приводит к негативным социальным последствиям, поэтому правоприменительная и другая юридическая деятельность должна создавать условия для реализации нравственных основ, заложенных в праве. Существующие сегодня системы искусственного интеллекта в условиях автономного функционирования не могут обеспечить достижение такого результата, а следовательно, их использование возможно лишь в качестве вспомогательного средства, упрощающего деятельность человека, применяющего право.

Библиографический список

1. Цыбулевская О.И. Правовое пространство в аспекте взаимодействия социальных регуляторов // Правовая культура. 2023. № 1(52). С. 102–104.
2. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17, № 5. С. 52–59.
3. Мартынов А.В. Актуальные вопросы применения искусственного интеллекта при осуществлении контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 175–186.
4. Цыбулевская О.И. Нравственная и правовая культура: вопросы взаимодействия // Правовая культура. 2021. № 3(46). С. 102–104.
5. Цыбулевская О.И. Вектор сближения права и морали в меняющемся мире: философский и правовой аспекты // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 113–118.
6. Мансуров Г.З. Понятие и признаки искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11. С. 286–287.
7. Овчинников А.И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 257–261.
8. Амианц К.А., Чемеринский К.В. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11-3. С. 49–52.
9. Цыбулевская О.И. Нравственно-правовые ограничения судейского усмотрения как фактор формирования гражданского общества в России // Судебная система и гражданское общество России: к 150-летию судебной реформы: сб. науч. тр.: [матер. Междунар. науч.-практ. конф. (20 ноября 2014 г.)]. Саратов: Поволж. ин-т управления им. П.А. Столыпина, 2015. С. 9–11.

References

1. Tsybulevskaya O.I. The Legal Space in the Aspect of Interaction of Social Regulators // Legal Culture. 2023. No. 1(52). P. 102–104.
2. Tsybulevskaya O.I., Milusheva T.V. Justice in Law: Axiological Approach // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2017. Vol. 17, no. 5. P. 52–59.
3. Martynov A.V. Topical Issues of the Use of Artificial Intelligence in the Implementation of Control and Supervisory Activities of Executive Authorities // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2020. No. 2. P. 175–186.
4. Tsybulevskaya O.I. Moral and Legal Culture: Issues of Interaction // Legal Culture. 2021. No. 3(46). P. 102–104.
5. Tsybulevskaya O.I. Vector of Convergence of Law and Morality in a Changing World: Philosophical and Legal Aspects // State-Legal Research. 2020. No. 3. P. 113–118.
6. Mansurov G.Z. The Concept and Features of Artificial Intelligence // Law and the State: Theory and Practice. 2023. No. 11. P. 286–287.
7. Ovchinnikov A.I. Risks in the Processes of Digitalization of Law // Legal Technique. 2019. No. 13. P. 257–261.
8. Amiyants K.A., Chemerinsky K.V. The Use of Artificial Intelligence in the Modern Judicial System and Human Rights // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 11-3. P. 49–52.
9. Tsybulevskaya O.I. Moral and Legal Limitations of Judicial Discretion as a Factor in the Formation of Civil Society in Russia // The Judicial System and Civil Society of Russia: to the 150th anniversary of Judicial reform: a collection of scientific papers: [materials of the International Scientific and Practical Conference (November 20, 2014)]. Saratov: The Volga Institute of Management named after P.A. Stolypin, 2015. P. 9–11.

А.Н. Зрячкин

**ОЛЬГА ИВАНОВНА ЦЫБУЛЕВСКАЯ.
О РОЛИ МОРАЛИ, ПРАВА И ВЛАСТИ
В ИСКОРЕНЕНИИ ИСКАЖЕНИЙ ПРАВОСОЗНАНИЯ**

Введение: Ольга Ивановна Цыбулевская, юбилей которой отмечается в эти дни, — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования, обладает уникальным спектром научных взглядов на наиболее актуальные проблемы современной государственно-правовой действительности. **Цель** — подчеркнуть важность обозначенного О.И. Цыбулевской многовекторного подхода к правовым исследованиям, позволяющего раскрывать новые горизонты для повышения эффективности научных и практических работ. **Методологическая основа:** с точки зрения О.И. Цыбулевской, различные методологические подходы к изучению соотношения права и морали могут быть применены в формировании нравственно-правового мировоззрения, позволяют представить развернутую характеристику моральных оснований современного российского права, создать прочную гносеологическую основу, с позиций которой появится возможность выявить новые аспекты в правовой системе России. **Результаты:** в статье анализируются основные аспекты научных размышлений профессора Ольги Ивановны Цыбулевской, связанные с искаженным правосознанием и путями его совершенствования. **Выводы:** особое внимание уделяется значению права и морали в деятельности представителей властных структур и значимости правового воспитания для каждой из сфер профессионального образования.

Ключевые слова: мораль, право, власть, добро, справедливость, правосознание, правовая культура, правовое воспитание, аномия, нигилизм, идеализм, релятивизм, субъективизм, юридическое образование.

A.N. Zryachkin

**OLGA IVANOVNA TSYBULEVSKAYA. ON THE ROLE OF MORALITY, LAW
AND POWER IN ERADICATING DISTORTIONS OF LEGAL CONSCIOUSNESS**

Background: Olga Ivanovna Tsybulevskaya, whose anniversary is celebrated these days, is a Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education, has a unique range of scientific views on the most pressing problems of modern state-legal reality. **Objective** — to emphasize the importance of the multi-vector approach to legal research outlined by O. I. Tsybulevskaya, which allows opening new horizons to improve the effectiveness of scientific and practical work. **Methodology:** from the point of view of O.I. Tsybulevskaya, various methodological approaches to the study of the relationship between law and morality can be applied in the formation of a moral and legal worldview, allow us to present a detailed description of the moral foundations of modern Russian law, to create a solid epistemological basis, from which it will be possible to identify new aspects in the legal system of Russia.

© Зрячкин Александр Николаевич, 2024
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alnikol@yandex.ru
© Zryachkin Aleksandr Nikolaevich, 2024
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

Results: the article analyzes the main aspects of Professor Olga Ivanovna Tsybulevskaya's scientific reflections related to distorted legal awareness and ways to improve it. **Conclusions:** special attention is paid to the importance of law and morality in the activities of representatives of power structures and the significance of legal education for each of the spheres of vocational education.

Keywords: morality, law, power, goodness, justice, legal awareness, legal culture, legal education, anomie, nihilism, idealism, relativism, subjectivism, legal education.

30 мая 2024 г. юридическая общественность торжественно отметила юбилей Ольги Ивановны Цыбулевской. Доктор юридических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования профессор О.И. Цыбулевская посвятила свой профессиональный путь ответам на самые актуальные вызовы и запросы государственно-правовой действительности. Написав диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, успешно защищенную в 1983 г. о категории гуманизма в советском праве, в 2004 г. она расширила исследование докторского уровня до анализа нравственных оснований современного российского права. Регулярно выступая на научных мероприятиях и публикуя статьи в источниках центральной печати, профессор Цыбулевская подчеркивает важность многовекторного подхода к правовым исследованиям, позволяющего раскрывать новые горизонты для повышения эффективности научных и практических работ.

Так, с ее точки зрения, «различные методологические подходы к изучению соотношения права и морали могут быть применены в формировании нравственно-правового мировоззрения, позволяют представить развернутую характеристику моральных оснований современного российского права, создать прочную гносеологическую основу, с позиций которой появится возможность выявить новые аспекты в правовой системе России» [1, с. 103–105].

С этим следует согласиться, особенно если учесть аргумент Ольги Ивановны, что единственно правильного метода исследования, будь то диалектический или системный, не существует. Любой метод имеет ограниченную область применения и обнаруживает свою зависимость от свойств объекта.

Этот аспект становится крайне важным, когда речь заходит о раскрытии такого спектра вопросов, как проблематика искаженного правосознания, присущего в числе прочих субъектам власти. Как правильно указывал бывший Председатель Конституционного Суда В.А. Туманов, «нет никаких оснований полагать, что лицо, впитавшее в себя юридико-нигилистические установки, будучи наделено властью, тотчас избавляется от них. Нередко случается как раз наоборот — слишком благоприятна почва для их активного бюрократического проявления» [2, с. 25]. Стоит добавить, что аналогичное положение касается и других искажений правосознания, иногда именуемых юридическими аномиями [3], будь то юридический инфантилизм как детский образ правового мышления, субъективизм как акцентуация на собственных правах и возможностях при отрицании должностных обязанностей, релятивизм как восприятие права в качестве чего-то далекого и относительного, идеализм как возложение на юридические нормы неоправданных надежд.

О.И. Цыбулевская, в том числе совместно со своими учениками, последовательно обращает внимание на то, что именно культура правотворчества ста-

новится фактором эффективности законодательных изменений. По ее мнению, правотворчество как интеллектуально-мыслительная деятельность субъектов сопряжена с высоким уровнем их нравственного сознания. «Многие нормативные акты, в частности, гражданское законодательство, содержат значительное количество этико-правовых категорий (справедливость, добросовестность, добропорядочность), которые помогают выразить правовые смыслы в тексте закона, позволяют учитывать развитие общественных отношений, придают гибкость и вместе с тем стабильность правовому регулированию. Означенные понятия должны быть органично присущими нравственно-правовому сознанию правотворцев, их формализация уместной, соответствующей сфере правового регулирования» [4, с. 193–195].

Формировать же нравственно-правовое сознание будущих специалистов необходимо, полагает ученый, со студенческой скамьи. «Воспитательная функция юридического образования должна реализовываться в ходе преподавания всех учебных дисциплин образовательной программы вуза, занимающегося подготовкой юристов. Особую роль в процессе целенаправленного духовного становления студенческой молодежи призвана выполнять теория государства и права, значимость которой в эпоху морального кризиса и нравственной турбулентности, трудно переоценить. Педагогу следует обратить особое внимание на теоретические и методологические аспекты взаимодействия права и морали, а также на конкретные исторические особенности их функционирования в современных обществах», — отмечает О.И. Цыбулевская [5, с. 234–236]. Считаю возможным и необходимым распространить этот тезис и на подготовку профессиональных кадров в других сферах, непосредственно связанных с юриспруденцией, поскольку подобная акцентуация позволит, на наш взгляд, если не в полной мере предотвратить, то в значительной степени предупредить и снизить проявления искажений правосознания. Тем более, что объединяющим право и мораль фактором, по мнению О.И. Цыбулевской, выступает феномен справедливости. «Право и справедливость имеют один этимологический корень: “прав”, “праведный”. Справедливость наряду со свободой, равенством является нравственным источником права. Мораль также немислима без справедливости. Представления о должном лежат в основе и справедливости, и морали. Справедливость — морально-правовая категория» [6, с. 113–118].

С этой точкой зрения солидарен и профессор В.К. Самигуллин, выпустивший несколько изданий монографии под названием «Правосознание: корень добра и справедливости». Правосознание современного российского общества крайне неоднородно, противоречиво, во многом деформировано, поэтому способно выступать на социальной арене двояко: с одной стороны, как фактор, способствующий прогрессивному, поступательному, ускоренному развитию, а с другой — как фактор, замедляющий развитие, ведущий к регрессу и даже катастрофе. «Да, правосознание — корень добра и справедливости. Но оно может стать также источником зла и несправедливости» [7, с. 155].

Во введении к одной из фундаментальных монографий «Мораль. Право. Власть» О.И. Цыбулевская подчеркнула, что сегодня на первый план выходит задача повышения нравственной и правовой культуры политика, в частности, такие грани этой культуры, как ответственность за свои действия, способность к согласованию противоречивых интересов. «Развитие и совершенствование

нравственной и правовой культуры органов власти способствует формированию нового социально-правового мышления, коренной ломке устаревших юридических догм и стереотипов, развитию прогрессивной юридической мысли» [8, с. 5]. Отрезок времени, прошедший с момента выхода в свет этой работы, показал, что данная идея своей актуальности не потеряла, а значит и каждая соответствующая разработка Ольги Ивановны Цыбулевской — одной из ведущих последователей научной школы профессора Николая Игнатьевича Матузова — вновь и вновь будет находить отклики в любой безразличной аудитории.

Библиографический список

1. Цыбулевская О.И. Многовекторность подходов к правовым исследованиям как фактор эффективности российского правоведения // Правовая культура. 2023. № 2(53). С. 103–105.
2. Туманов В.А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. 1989. № 10. С. 20–27.
3. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 264 с.
4. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Культура правотворчества как фактор эффективности законодательных изменений // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 193–195.
5. Цыбулевская О.И. Формирование нравственно-правового сознания студентов в системе юридического образования // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2023. № 3(63). С. 234–236.
6. Цыбулевская О.И. Вектор сближения права и морали в меняющемся мире: философский и правовой аспекты // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 113–118.
7. Самигуллин В.К. Правосознание: корень добра и справедливости. 3-е изд., испр. и доп. Уфа: Диалог, 2015. 180 с.
8. Цыбулевская О.И. Мораль. Право. Власть / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Поволж. акад. гос. службы, 2004. 124 с.

References

1. Tsybulevskaya O.I. Multi-Vector Approaches to Legal Research as a Factor of Effectiveness of Russian Jurisprudence // Legal Culture. 2023. No. 2(53). P. 103–105.
2. Tumanov V.A. On Legal Nihilism // The Soviet State and Law. 1989. No. 10. P. 20–27.
3. Kara-Murza S.G. Anomie in Russia: Causes and Manifestations. M.: Scientific Expert, 2013. 264 p.
4. Tsybulevskaya O.I., Milusheva T.V. Culture of Lawmaking as a Factor of Effectiveness of Legislative Changes // Legal Technique. 2023. No. 17. P. 193–195.
5. Tsybulevskaya O.I. Formation of Moral and Legal Consciousness of Students in the System of Legal Education // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Legal Science and Practice. 2023. No. 3(63). P. 234–236.
6. Tsybulevskaya O.I. Vector of Convergence of Law and Morality in a Changing World: Philosophical and Legal Aspects // State and Legal Studies. 2020. No. 3. P. 113–118.
7. Samigullin V.K. Legal Awareness: Root of Goodness and Justice. 3rd ed., rev. and suppl. Ufa: Dialog, 2015. 180 p.
8. Tsybulevskaya O.I. Morality. Law. Power / edited by N.I. Matuzov. Saratov: Publishing House of the Volga region. Academy of Public Services, 2004. 124 p.

О.В. Лазарева

ПРОЦЕДУРА БАНКРОТСТВА ГРАЖДАНИНА: ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Введение: российское законодательство регламентирует особенности судебного и внесудебного порядка банкротства физических лиц, правила и процедуры. Для достижения баланса интересов сторон спорного отношения, укрепления правовых гарантий и нравственных основ российского права продолжается конкретизация и совершенствование законодательства о несостоятельности (банкротстве) и формирование позитивной судебной практики. **Цель** — раскрыть правовые и нравственные аспекты процедуры банкротства физического лица. **Методологическая основа:** включает диалектический, логический, системный, функциональный, статистический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования. **Результаты:** исследованы на общетеоретическом уровне особенности судебного и внесудебного порядка банкротства физических лиц, правила и процедуры (реструктуризация долга, реализация имущества, мировое соглашение). На основе статистических данных с каждым годом прослеживается тенденция по увеличению количества судебных и внесудебных процедур банкротства граждан. **Выводы:** признать гражданина несостоятельным невозможно без соблюдения законодательно предусмотренных процедур. Процедурный характер данной деятельности позволяет обеспечивать правовые гарантии и нравственные основы законодательства о несостоятельности (банкротстве). В ходе судебной практики есть возможность выработки нового подхода и внедрения его в нормативный материал, в результате чего совершенствуются процедуры банкротства физических лиц.

Ключевые слова: порядок, судебный порядок, упрощенный порядок, банкротство, процедура, правила.

O. V. Lazareva

BANKRUPTCY PROCEDURE OF A CITIZEN: LEGAL AND MORAL ASPECTS

Background: Russian legislation regulates the specifics of the judicial and extrajudicial bankruptcy of individuals, rules and procedures. In order to achieve a balance of interests between the parties to the dispute, strengthen legal guarantees and the moral foundations of Russian law, the concretization and improvement of insolvency (bankruptcy) legislation and the formation of positive judicial practice continue. **Objective** — to reveal the legal and moral aspects of the bankruptcy procedure of an individual. **Methodology:** it includes dialectical, logical, systemic, functional, statistical, formal legal and comparative legal research methods. **Results:** peculiarities of judicial and extrajudicial bankruptcy of individuals, rules and procedures (debt restructuring, property realization, pretrial settlement) were studied at the general theoretical level. On the basis of statistical data every year there is a tendency to increase the number of judicial and out-of-court procedures of bankruptcy of citizens. **Conclusions:** it is impossible to recognize a citizen as insolvent

---

© Лазарева Ольга Владимировна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: mureksin_sar@mail.ru

© Lazareva Olga Vladimirovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

without following the legally prescribed procedures. The procedural nature of this activity allows to ensure legal guarantees and moral foundations of the legislation on insolvency (bankruptcy). In the course of judicial practice there is an opportunity to develop a new approach and introduce it into the normative material, as a result of which bankruptcy procedures for individuals are improved.

Keywords: procedure, judicial procedure, simplified procedure, bankruptcy, procedure, rules.

Российское законодательство предусматривает процедуру банкротства как юридических, так и физических лиц, но так было не всегда. В 2015 г. у гражданина появилась возможность признать себя банкротом в судебном порядке¹. До этого времени стать банкротом могло только юридическое лицо. За период существования процедуры потребительского банкротства несостоятельными стали 1 416 946 граждан. С 2015 по 2024 г. наблюдается увеличение количества судебных процедур². Еще одна процедура, применяемая к гражданам, а именно утверждение судом мирового соглашения, не получила отражения в статистических данных, хотя предусмотрена законом.

Диаграмма количества судебных процедур

В 2020 г. у гражданина появилась возможность признать себя банкротом в упрощенном порядке через многофункциональный центр³. За период существования внесудебного порядка также наблюдается увеличение количества возбужденных внесудебных процедур банкротства⁴.

¹ См.: Федеральный закон от 29 июня 2015 г. №154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 2015. № 27, ст. 3945; 2017. № 31, ч. 1, ст. 4815.

² См.: Банкротство в России. Статистический бюллетень федресурса: итоги I полугодия 2024 года // Официальный сайт федерального ресурса. URL: <https://fedresurs.ru/news/6c0127b8-b92d-40a1-a38a-d9ca84f523c1> (дата обращения: 11.08.2024).

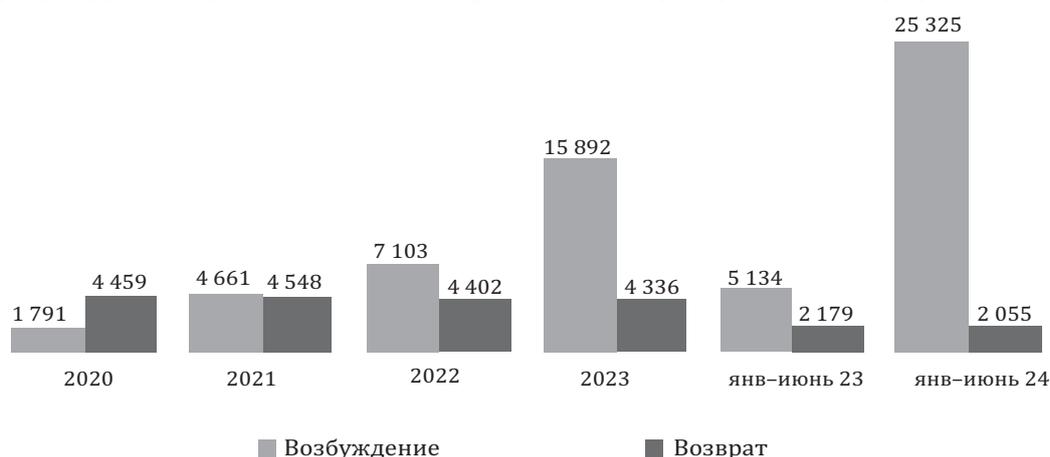
³ См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина» // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5048.

⁴ См.: Банкротство в России. Статистический бюллетень федресурса: итоги I полугодия 2024 года // Официальный сайт федерального ресурса. URL: <https://fedresurs.ru/news/6c0127b8-b92d-40a1-a38a-d9ca84f523c1> (дата обращения: 11.08.2024).

Процедура банкротства применяется к физическому лицу, если гражданин не может в полной мере расплатиться с долгами по своим кредитным обязательствам. Десятая глава Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее — Закон о банкротстве) регламентирует признания гражданина банкротом через арбитражный суд (параграф 1.1) и через многофункциональный центр (параграф 5).

Судебный порядок признания гражданина банкротом. Условия, при которых можно обратиться в арбитражный суд по месту регистрации: 1) наличие любой суммы долга (однако обращение в суд обязательно, при одновременном наличии двух предпосылок: размер долга свыше 500 000 руб. и удовлетворение требований одного или нескольких кредиторов приведет к невозможности исполнить требования перед другими кредиторами²); 2) отсутствие оплаты долга в течение трех месяцев с даты, когда она должна быть исполнена.

Список документов, которые подаются гражданином в суд, перечисляются в приложении к заявлению. Личные документы, документы о финансовом положении и имуществе, документы о семейном положении и документы по банкротству подаются в копиях. С оригиналами документов суд и кредиторы могут ознакомиться и сравнить их с копиями. К заявлению также прилагается информация о саморегулируемой организации, из которой будет выбран финансовый управляющий.

Диаграмма количества внесудебных процедур

Рассмотрев заявление, суд принимает одно из следующих решений: открывает процедуру реструктуризации долгов, признает гражданина банкротом и открывает процедуру реализации имущества, отказывает в признании гражданина банкротом (если должник готов все погасить или уже все погасил). Если есть возможность восстановить платежеспособность гражданина, то в отношении него применяется процедура реструктуризации долга сроком не более трех лет. Должник или кредитор могут предложить свой план погашения задолженности.

¹ См.: Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 43, ст. 4190; 2024. № 23, ст. 3045.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 12.

Этот план одобряется на собрании кредиторов и утверждается в суде. Гражданин следует этому плану и выплачивает задолженность. На время реструктуризации долга: суд назначает финансового управляющего, который занимается поиском имущества и контролирует все сделки гражданина (свыше 50 тыс. руб.); все кредиторы встают в очередь и ждут погашения своего долга в соответствии с графиком платежей; прекращается начисление неустойки (пеней, штрафов); снимаются аресты на имущество.

Если у гражданина отсутствует имущество для расчета с кредиторами, то в отношении него открывается процедура реализации имущества сроком на шесть месяцев. Все имущество должника собирается в конкурсную массу, оценивается финансовым управляющим и продается на торгах (кроме единственного жилья). После чего осуществляется расчет с кредиторами. Даже если имущества окажется недостаточно, то требования кредиторов считаются погашенными, а процедура банкротства — завершённой.

Внесудебный порядок признания гражданина банкротом. Условия, при которых можно обратиться в многофункциональный центр по месту жительства или по месту пребывания: наличие суммы долга от 50 000 руб. до 500 000 руб. и есть законченное исполнительное производство. Для МФЦ необходимо подготовить: 1) заявление по установленной форме; 2) список известных гражданину кредиторов, их реквизиты и размер требований; 3) копия паспорта.

По итогам рассмотрения заявления могут быть приняты следующие решения: на основании информации из банка данных в исполнительном производстве МФЦ в течение трех рабочих дней осуществляет включение в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве проекта сообщения о возбуждении процедуры внесудебного банкротства гражданина. Если отсутствуют жалобы кредитора, а заявление не было возвращено, через шесть месяцев задолженности списываются, должник признается банкротом. Процедура банкротства завершается.

В ходе применения процедур банкротства граждан возникают проблемы правового и морального измерения, требующие своевременного решения. Пути решения проблем давно известны: внесение изменений в законодательство; формирование и применение на практике нового подхода к разрешению дел в отсутствие законодательной регламентации. Такая оперативная мера позволяет сохранить и обеспечить правовые гарантии и баланс интересов сторон спорного отношения.

Приведем пример, когда сложившаяся судебная практика способствовала выработке и закреплению в законодательстве нового подхода к рассмотрению дел о банкротстве граждан. Конституция РФ гарантирует каждому право на жилище (ст. 40). Следовательно, в ходе процедуры банкротства на единственное жилье, в котором проживает должник и члены его семьи, не может быть обращено взыскание (ст. 446 ГПК РФ). Однако такое правило не распространяется на жилое помещение, которое является предметом договорной или законной ипотеки, и в данном случае отсутствует препятствие для обращения на него взыскания. Такая правовая позиция была сформулирована в судебных актах Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ на основе положений ГПК РФ (абз. 2 и 3 п. 1 ст. 446) и Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (ст. 50 и 78)¹.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1301524982> (дата обращения: 13.08.2024).

Суды стали руководствоваться данной правовой позицией, принимать решения об удовлетворении заявления о включении задолженности по кредитному договору в реестр требований кредиторов, в результате чего должник и члены его семьи стали лишаться единственного жилья при условии отсутствия просрочки по кредитному обязательству. Это происходило потому, что суды не учитывали особенности рассмотрения таких дел, в частности отсутствие просрочки перед банком и обеспеченность прав кредитора залогом единственного жилья должника¹.

Для того чтобы обеспечивались правовые гарантии и сохранялся баланс интересов сторон спорного отношения, была выработана новая правовая позиция, получившая закрепление в Обзоре судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 год, утвержденном Президиумом Верховного Суда 15 мая 2024 г. Суть позиции заключается в том, что суд в отношении единственного жилья должника обязан предложить сторонам заключить мировое соглашение (разработать локальный план реструктуризации), по условиям которого «взыскание на данное имущество не обращается», а «залогодатель не освобождается от исполнения обязательства перед залоговым кредитором после завершения процедуры банкротства»². Таким образом, при надлежащем исполнении кредитных обязательств иным лицом на единственное жилое помещение взыскание не обращается, а при нарушении — банк сохраняет право взыскать предмет залога.

Выработанный подход (правовой механизм) позволил сохранить баланс между принципом добросовестного исполнения обязательства и правом на жилище, получив закрепление в Федеральном законе от 8 августа 2024 г. № 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”»³. Как справедливо отмечает О.И. Цыбулевская, в отношении процессов правотворчества и правоприменения действует нравственное измерение [1, с. 14]. Приведенный пример позволил продемонстрировать правовую и нравственную составляющие современного права, его ценностные черты и положительную роль в обществе.

Библиографический список

1. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. 58 с.

References

1. *Tsybulevskaya O.I.* The Moral Foundations of Modern Russian Law: extended abstract. dis. ... Dr. of Law. Saratov, 2004. 58 p.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020.

² Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 год: утв. Президиумом Верховного суда 15 мая 2024 г. // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/33548/> (дата обращения: 13.08.2024).

³ См.: Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202408080109> (дата обращения: 13.08.2024).

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2024-3-42-48
УДК 342

И.Н. Плотникова

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Введение: обеспечение экономического суверенитета России особенно актуально в условиях применения жестких экономических санкций против России европейскими странами, США и Японией и введения военного положения в четырех новых субъектах России. Актуализация данной проблематики связана с новыми глобализационными вызовами, стремлением западных стран изолировать Россию от мирового сообщества, вызвать деструктивные процессы в ее экономическом и социальном развитии. **Цель** — исследовать понятие, конституционные основы, формы и способы реализации экономического суверенитета России. **Методологическая основа:** формально-юридический, системный, структурно-функциональный методы, метод правового мониторинга. **Результаты:** проанализированы конституционные основы, отдельные формы и способы обеспечения экономического суверенитета, выявлена особая роль поправок Конституции РФ 2020 г., положений о создании условий для экономического роста в реализации экономического суверенитета России. **Выводы:** в целях обеспечения экономического суверенитета России необходимо упорядочить и взаимно согласовать все документы стратегического планирования в экономической сфере, принять на федеральном уровне стратегию социально-экономического развития России (которая сегодня отсутствует); осуществлять в рамках данной стратегии дальнейшую разработку и выполнение национальных проектов и федеральных программ (с опубликованием аналитических отчетов об их исполнении), предусматривая системные, результативные меры поддержки предпринимателям, с учетом обоснованности и соразмерности налагаемых на субъектов экономических прав ограничений в процессе правового регулирования.

Ключевые слова: Конституция, поправки, экономические принципы, права, экономический суверенитет, экономический рост.

I.N. Plotnikova

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF ECONOMIC SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN STATE

Background: ensuring Russia's economic sovereignty is especially relevant in the context of the application of tough economic sanctions against Russia by European countries, the United States and Japan and the introduction of martial law in four new constituent entities of Russia.

© Плотникова Инна Николаевна, 2024

Доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: innap17@mail.ru

© Plotnikova Inna Nikolaevna, 2024

Doctor of Law, Associate Professor at the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

*The actualization of this issue is associated with new globalization challenges, the desire of Western countries to isolate Russia from the world community, to cause destructive processes in its economic and social development. **Objective** — study of the concept, constitutional foundations, forms and methods of realizing the economic sovereignty of Russia. **Methodology:** formal legal, systemic, structural and functional methods, method of legal monitoring. **Results:** the constitutional foundations, certain forms and ways of ensuring economic sovereignty were analyzed, the special role of amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020, provisions on creating conditions for economic growth in the implementation of Russia's economic sovereignty was revealed. **Conclusions:** in order to ensure Russia's economic sovereignty, it is necessary to streamline and mutually coordinate all strategic planning documents in the economic sphere, to adopt at the federal level a strategy for Russia's socio-economic development (which does not exist today); to further develop and implement national projects and federal programs within the framework of this strategy (with the publication of analytical reports on their implementation), providing for systemic, effective measures to support entrepreneurs, taking into account the substantiation of the economic and social development of Russia; and to develop and implement a strategy for the development and implementation of national projects and federal programs (with the publication of analytical reports on their implementation).*

Keywords: Constitution, amendments, economic principles, rights, economic sovereignty, economic growth.

Необходимым атрибутом любого государства в современном мире является его суверенитет. В соответствии со ст. 4 Конституции нашей страны суверенитет России является неотъемлемой частью основ ее конституционного строя. По мнению Ю.А. Тихомирова, «суверенитет охватывает весь объем публичных дел государства и в определенных пределах международных дел — в экономической, социальной, политической и иных сферах» [1, с. 7].

Что касается экономического суверенитета, то в Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года «экономический суверенитет Российской Федерации» определяется как объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств¹.

В научной литературе данное понятие трактуется несколько шире, а именно как возможность (право) государства определять направления своей экономической политики и осуществлять ее; независимость государства в экономической сфере, экономическая самодостаточность и экономическая безопасность; сбалансированность экономических интересов Российской Федерации с экономическими интересами других государств; контроль Российской Федерации за всеми экономическими ресурсами [2, с. 144], способность национального правительства принимать решения независимо от решений, принимаемых другими правительствами [3, с. 3].

Россия имеет право регулировать и контролировать иностранные инвестиции, деятельность транснациональных корпораций (в пределах действия своей юрисдикции), принимать соответствующие меры, чтобы такая деятельность соответствовала экономической и социальной политике государства, участвовать в международном экономическом сотрудничестве, вступать в экономические союзы, реализуя внешнюю и внутреннюю формы экономического суверенитета.

¹ См.: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

В связи с этим отметим, что вопрос об обеспечении экономического суверенитета России особенно остро встал в условиях применения жестких экономических санкций западными странами и введения военного положения в четырех новых субъектах России. Актуализация данной проблематики связана с новыми глобализационными вызовами, стремлением изолировать Россию от мирового сообщества, вызвать деструктивные процессы в ее экономическом и социальном развитии.

В каких же нормах Конституции РФ находят свое отражение положения об основах экономического суверенитета России? Прежде всего это нормы гл. 1, закрепляющие важнейшие демократические принципы экономических основ конституционного строя, такие как свобода экономической деятельности, принцип единства экономического пространства, принцип свободного перемещения товаров и услуг, поддержка конкуренции, признание и защита равным образом всех форм собственности, включая публичную и частную формы собственности, закрепление прав частной собственности на землю, ее свободный оборот с учетом передового мирового опыта конституционного строительства, международных норм и принципов, признанных мировым сообществом. Данные принципы базируются на демократических устоях, сформировавшихся на протяжении всей истории существования человечества.

Подчеркнем, что весь ход общественного прогресса указывает на значимость функционирования свободных рыночных отношений для дальнейшего экономического развития государства, обеспечение его независимости, что подтверждает и сравнение экономического положения стран, основанных на социалистической системе хозяйствования, запрете частной собственности и предпринимательства, и стран, провозгласивших рыночную экономику с элементами социализации (в качестве примера можно привести социальное, политическое и экономическое развитие Северной и Южной Кореи).

Основу обеспечения экономического суверенитета России, наряду с экономическими принципами конституционного строя, составляют закрепленные в гл. 2 права: на свободную предпринимательскую деятельность, частную собственность, на свободный труд и их гарантии, а также нормы Конституции РФ о праве Российского государства на денежную эмиссию, участие в межгосударственных объединениях, о едином валютном регулировании, единой системе налогов и сборов, об обеспечении защиты и устойчивости рубля Центральным банком РФ (ст. 71, 72, 79), социальных гарантиях прав граждан, закрепленных в ст. 75 Конституции РФ.

В современном конституционном развитии России особо следует отметить значение внесенной в Конституцию РФ в 2020 г. поправки, касающейся создания условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, взаимного доверия государства и общества, социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности, закрепленной в ст. 75.1. Эти положения, эксплицирующие новые конституционные ценности, детализировали принципы экономических основ конституционного строя, дополнили и углубили их нормативно-правовое содержание.

Данные положения явились новым конституционным приоритетом, касающимся главной цели конституционно-правовой политики в сфере экономики, нормативно-правового опосредования экономических принципов основ кон-

ституционного строя, обеспечения реализации экономических прав граждан, ее экономического суверенитета. Важность их закрепления трудно переоценить, поскольку в настоящее время экономический рост рассматривается как одна из основных целей экономической политики любой современной страны, позволяет улучшить материальное и социальное положение каждого члена общества, повысить ВВП государства, обеспечить его независимость в экономической сфере, экономическую самодостаточность и экономическую безопасность. Так, в стратегии национальной безопасности РФ создание условий для экономического роста в России отнесено к целям обеспечения одного из стратегических национальных приоритетов России — экономической безопасности, провозглашается также, что темпы экономического роста в России должны превысить мировые¹. При этом предпринимательство (как сектор, производящий работы и услуги), в особенности инновационное, признание и защита частной собственности, свобода труда являются ключевыми факторами экономического роста. В связи с этим публичная власть должна разрабатывать и принимать эффективные меры по обеспечению прав предпринимателей, частных собственников, работодателей и работников.

Однако обеспечение устойчивого экономического роста на долгосрочную перспективу продолжает оставаться одной из главных и пока не решенных проблем российской экономики. Отметим, что для России на протяжении последних лет был характерен более экстенсивный, а не интенсивный способ осуществления экономического роста². Тем не менее исчерпание экспортно-сырьевой модели социально-экономического развития и резкое снижение роли традиционных факторов обеспечения роста экономики, связанное с научно-технологическими изменениями, являются одними из основных вызовов и угроз экономической безопасности России³.

Среди внутренних условий повышения темпов экономического роста экспертами-предпринимателями выделяются: необходимость снижения налоговой нагрузки на предприятия (в первую очередь), создание новых рынков для отечественных производителей и стимулирование спроса, снижение административного давления на бизнес. В числе наиболее действенных мер в сфере доступности финансовых ресурсов с точки зрения экономического роста предприятий указываются: общее снижение процентных ставок в экономике, субсидирование процентных ставок по кредитам, снижение требований к заемщикам⁴. Таким образом, вопросы повышения темпов экономического роста, благосостояния населения в России продолжают оставаться весьма актуальными (принимая во внимание и общую ситуацию в мировой экономике, разрыв экономических и правовых связей Российского государства с недружественными государствами, возможный выход страны из ВТО и целесообразность налаживания более тесных взаимоотношений со странами СНГ, Индией, Китаем).

¹ См.: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

² См.: Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2017 год и период 2018 и 2019 годов (утв. Банком России) // Вестник Банка России. 2016. № 108.

³ См.: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2902.

⁴ См.: Доклад Президенту РФ — 2022. Индекс «Административное давление» // Официальный сайт Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2022/4-22.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

В свете изложенного актуальность конституционализации конституционного приоритета о создании государством условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан не вызывает сомнений. Необходимость выполнения функции, обязывающей государство создавать условия для экономического роста и повышения благосостояния граждан, должно оказывать самое непосредственное воздействие на конституционно-правовую политику в области экономики, правотворческий и правоприменительный процесс, ориентируя законодателя на принятие законов, направленных на стимулирование экономического роста, а исполнительных органов — на претворение законодательных предписаний в жизнь.

Особая роль в выполнении функции, обязывающей государство создавать условия для экономического роста и повышения благосостояния граждан принадлежит Правительству РФ. Конституционной новацией является дополнение полномочий Правительства РФ положениями о содействии развитию предпринимательства и частной инициативы, обеспечении государственной поддержки научно-технологического развития России (ст. 114 Конституции РФ).

В целях содействия развитию предпринимательства и частной инициативы Правительством РФ принимаются планы, стратегии, программы в рамках реализации Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹. Так, в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года в качестве национальной цели развития определено направление «достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство», которым предусмотрены меры по обеспечению темпа роста ВВП страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности, роста инвестиций в основной капитал и экспорта несырьевых неэнергетических товаров, увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства до 25 млн человек.²

Мероприятия государственной программы РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика» направлены на достижение целей обеспечения экономической безопасности России, повышения конкурентоспособности российской экономики и создания условий для экономического роста, оказание мер поддержки предпринимателям³. Однако повышение ключевой ставки Центральным банком РФ может частично нивелировать эффективность тех мер поддержки бизнесу, которые предпринимаются Правительством РФ⁴. Согласно мониторингу реализации государственных программ РФ за I полугодие 2021 г. эффективность

¹ См.: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. 2020. № 159.

² См.: Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года: утв. Правительством РФ 7 мая 2019 г. № 4043п-П13. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celey_razvitiya_do_2024g.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

³ См.: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”» (в ред. от 5 октября 2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.10.2023).

⁴ См.: Банк России принял решение повысить ключевую ставку на 200 б.п., до 15,00 % годовых. URL: <https://www.cbr.ru/press/keuypr/> (дата обращения: 29.10.2023).

реализации данной программы составила 85 %¹. Вместе с тем аналитические отчеты по выполнению данной государственной программы на сайтах Правительства и Минэкономразвития России за 2021, 2022 годы отсутствуют, что не позволяет оценить эффективность ее реализации в современный период.

Очевидно, что устойчивое экономическое развитие России невозможно без активного инновационного развития, особенно в период наложения жестких экономических санкций. Применение инновационных технологий, наряду с производством высокотехнологичной продукции, признается во всем мире одним из важнейших факторов стимулирования роста экономики, конкурентоспособности государств, повышения благосостояния населения. В связи с чем в целях обеспечения экономического суверенитета перед российским государством в первую очередь стоят задачи поддержки технологического паритета с ведущими странами мира и обладания ключевыми технологиями, определяющими возможность решения стратегических, социально-экономических и оборонных целей, вызванных закрытием доступа к зарубежной высокотехнологичной продукции.

Вместе с тем отметим, что комплексное, логически взаимосвязанное нормативное правовое регулирование отношений в сфере развития сектора высоких технологий в России отсутствует. Так, 18 июля 2022 г. на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам первым вице-премьером А.Р. Белоусовым был отмечен тот факт, что в целях достижения обеспечения технологического суверенитета необходимо достичь высокой инновационной активности бизнеса, однако существует огромное количество разрозненных проектов, программ, инициатив, инструментов, которые должны быть объективно связаны между собой, ввиду чего необходим верхнеуровневый стратегический документ, который бы охватывал все пространство технологического развития². Как положительный фактор отметим принятие Правительством РФ (по итогам заседания Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам) Концепции технологического развития на период до 2030 года, реализация которой направлена на развитие высокотехнологичных отраслей экономики Российской Федерации³. Концепция предполагает принятие комплекса законодательных мер («пятый антимонопольный пакет»), нацеленного на развитие конкуренции на цифровых рынках, разработку антимонопольных программ для других рынков высокотехнологичной продукции и услуг, закрепление в законодательстве Российской Федерации новой организационно-правовой формы — исследовательский консорциум и многих других мер.

Таким образом, в целях обеспечения экономического суверенитета России необходимо упорядочить в иерархической последовательности и взаимно согласовать документы стратегического планирования в экономической сфере, принять на федеральном уровне стратегию социально-экономического развития

¹ См.: Мониторинг реализации государственных программ Российской Федерации за I полугодие 2021 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/999cf345122f4bc1a489ba544eb9fdc0/monitoring_realizacii_gosprogramm_I-II_2021.pdf (дата обращения: 29.10.2023).

² См.: Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. 18 июля 2022 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/1029/69019> (дата обращения: 15.09.2023).

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с Концепцией технологического развития на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2023. № 22, ст. 3964.

России (которая сегодня отсутствует); осуществлять в рамках данной стратегии дальнейшую разработку и выполнение национальных проектов и федеральных программ (с опубликованием аналитических отчетов об их исполнении). В свою очередь, конкретизация конституционных экономических принципов в отраслевом законодательстве должна производиться с учетом обоснованности и соразмерности налагаемых на субъектов экономических прав обязанностей и ограничений, прежде всего в налоговой сфере, предусматривать системные результативные меры поддержки предпринимателям. Не стоит забывать, что в сложившихся непростых условиях, как указал В.В. Путин в Послании Федеральному собранию РФ в 2023 г.¹, именно частный бизнес способен обеспечивать рост экономики России, а свобода предпринимательства выступает важнейшим элементом экономического суверенитета.

Библиографический список

1. *Тихомиров Ю.А.* Правовой суверенитет: сферы и гарантии // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 5–20.
2. *Болдырев О.Ю.* Экономический суверенитет государства: элементы и механизмы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3. С. 144–155.
3. *Сапир Ж.* Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации // Проблемы прогнозирования. 2020. № 2. С. 3–12.

References

1. *Tikhomirov Yu.A.* Legal Sovereignty: Spheres and Guarantees // Journal of Russian Law. 2013. No. 3. P. 5–20.
2. *Boldyrev O.Yu.* Economic Sovereignty of the State: Elements and Mechanisms of Protection // Comparative Constitutional Review. 2014. No. 3. P. 144–155.
3. *Sapir Zh.* Fundamentals of Economic Sovereignty and the Question of the Forms of Its Implementation // Problems of Forecasting. 2020. No. 2. P. 3–12.

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. // Российская газета. 2023. № 39.

Е.А. Отставнова**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГУМАННОГО
ОТНОШЕНИЯ К ЖИВОТНЫМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Введение: в статье рассмотрены нормы российского законодательства, регулирующие сферу обращения с животными и содержащие принцип гуманности по отношению к ним. **Цель** — выявить содержание принципа гуманного отношения к животным в российском законодательстве, а также пробелы в нормативно-правовом регулировании данного вопроса, сформулировать предложения по их устранению. **Методологическая основа:** общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный) и частные (логико-юридический, сравнительно-правовой) методы исследования. **Результаты:** установлено, что изучаемый принцип в полной мере относится к животным-компаньонам. По отношению к другим представителям фауны более применим принцип рационального использования, что становится предпосылкой для их иерархического деления. Осложняет вопрос отсутствие понятия «животного» в законодательстве России. **Выводы:** необходима кодификация общих принципов взаимоотношений человека и животных, а также специальных, исходя из специфики группы животных. Следует четко определить понятие «животное», их классификацию в праве, ориентируясь на модельный закон СНГ «Об обращении с животными».

Ключевые слова: Конституция РФ, Основной Закон, законы, животные, животные-компаньоны, аквакультура, гуманизм, гуманное отношение.

E.A. Otstavnova**CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF HUMANE
TREATMENT OF ANIMALS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Background: the article considers the norms of the Russian legislation regulating the sphere of treatment of animals and containing the principle of humane treatment of animals. **Objective** — to identify the content of the principle of humane treatment of animals in Russian legislation, as well as gaps in the legal regulation of this issue, to formulate proposals for their elimination. **Methodology:** general scientific (analysis, synthesis, system-structural) and private (logical-legal, comparative-legal) research methods allowed. **Results:** it was established that the principle under study is fully applicable to companion animals. In relation to other fauna representatives, the principle of rational use is more applicable, which becomes a prerequisite for their hierarchical division. The issue is complicated by the absence of the concept of “animal” in the Russian legislation. **Conclusions:** it is necessary to codify general principles of human-animal relations, as well as special principles based on the specificity of animal groups. It is also necessary to clearly define the concept of “animal”, their classification in law, focusing on the CIS Model Law “On the Treatment of Animals”.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Basic Law, laws, animals, companion animals, aquaculture, humanism, humane attitude.

© Отставнова Елена Александровна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: elenaotstavnova@yandex.ru

© Otstavnova Elena Aleksandrovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

На протяжении столетий взаимоотношения между животным миром и людьми складывались на основании культурного, технологического развития человеческого общества. В последние десятилетия вектор таких взаимоотношений меняется в сторону гуманного отношения к животным, что обусловлено изменением условий жизни человека и, как следствие, трансформацией роли представителей животного мира в ней.

Наибольшее внимание данному вопросу уделяется учеными-философами [1; 2], а в юриспруденции — цивилистами [3; 4]. В последнем случае большинство научных работ посвящено рассмотрению животных как объектов гражданских прав [4]. Некоторые исследователи рассматривают правовой статус животных с точки зрения прав человека, что имеет под собой вполне логическое обоснование [5]. Во-первых, человек является высшим разумным существом на планете; во-вторых, он влияет на существование и развитие всех процессов на Земле, включая жизнь животных; в-третьих, животные всегда служили человеку, помогая ему выживать (являясь пищей, сторожем, развлечением и т.д.). Исходя из этого на человеке лежит не только право распоряжаться представителями животного мира, но и ответственность за их благополучное существование и воспроизводство. Этот вопрос касается также морали, нравственности человеческого общества, религиозных убеждений каждого индивида.

Основы ответственного отношения к животным заложены в Конституции РФ. В частности, в ее преамбуле закреплено, что народ принимает Конституцию с целью обеспечить благополучие и процветание России, руководствуясь ответственностью за свою Родину перед нынешним и будущим поколениями¹. Достижение указанных целей невозможно без сохранения фауны, гуманного и ответственного отношения к ней. В 2020 г. в Основной Закон были внесены изменения, дополнившие полномочия Правительства РФ обязанностью сохранять уникальное природное и биологическое многообразие страны, формировать в обществе ответственное отношение к животным².

В настоящее время в Российской Федерации принято значительное количество законов, регулирующих обращение с различными видами животных в зависимости от среды их обитания и целях использования человеком. К ним относится Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» (в ред. от 13 июня 2023 г.)³, устанавливающий правила поведения с дикими животными, находящимися в естественной среде обитания. В Законе дано определение «животного мира» как «совокупности живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации». Он является достоянием народов страны, используемым для удовлетворения духовных и материальных потребностей граждан и подлежит всемерной охране и рациональному использованию.

¹ См.: Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., в ред. от 6 октября 2022 г.) // Российская газета. 2020. 1 июля; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

² См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 17, ст. 1462; 2023. № 25, ст. 4436.

Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 148-ФЗ «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2023 г.)¹ распространяет свое действие на общественные отношения, связанные с рыборазведением и принят с целью защиты юридических и физических лиц, занимающихся данным видом деятельности.

В отношении редких и исчезающих животных действует ст. 60 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 25 декабря 2023 г.)², где сказано, что в отношении них учреждается Красная книга. Занесенные в нее животные должны быть изъяты из хозяйственного использования, а их генетический фонд подлежит сохранению. Запрещается деятельность, нарушающая среду обитания таких животных и приводящая к сокращению их численности.

Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 27 ноября 2023 г.)³ регулирует отношения в сфере защиты животных с целью гуманного и ответственного отношения к ним, защиты нравственности. Однако в нем сказано, что его нормы не распространяются на сельскохозяйственных, лабораторных животных, а также тех, что относятся к объектам охоты и рыболовства. Следовательно, данные отношения можно отнести к цирковым, выставочным и служебным животным, а также к тем, что содержатся человеком в качестве животных-компаньонов. Модельный закон «Об обращении с животными», принятый в рамках СНГ 31 октября 2007 г., относит к последним животных, «к которым человек испытывает привязанность и которых содержит в домашних условиях без цели извлечения прибыли для удовлетворения потребностей в общении, в эстетических и воспитательных целях, а также собак-поводырей, охотничьих собак и ловчих птиц»⁴. Благотворительная деятельность в данной сфере общественных отношений регулируется Федеральным законом от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (в ред. от 27 ноября 2023 г.)⁵.

Перечень законов в области ответственного отношения к животным не является исчерпывающим. Их анализ показывает, что целью нормативно-правового регулирования данной сферы является благополучие человека, как физического, так и нравственного. Неслучайно некоторые авторы утверждают, что справедливое и гуманное отношение к животным в настоящее время основывается на антропоцентризме, где все подчинено интересам человека, и «является препятствием для формулирования значимых принципов, лежащих в основе благополучия животных» [6, с. 94]. А законодательство о защите животных должно быть отделено от права прав человека. С точки зрения гуманизма отношения человека с животными имеют достаточно сложный характер. С одной стороны, они нуждаются в человеческой заботе и любви, поскольку, согласно словарю С.И. Ожегова, животные — это живые существа, которые не только двигаются,

¹ См.: СЗ РФ 2013. № 27, ст. 3440; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6186.

² См.: СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133; 2023. № 18, ст. 3254.

³ См.: СЗ РФ. 2018. № 53, ч. 1, ст. 8424; 2023. № 49, ч. 3, ст. 8675.

⁴ См.: Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «Об обращении с животными» от 31 октября 2007 г. // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 41. С. 443–485.

⁵ См.: СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3340; 2023. № 43, ст. 7602.

но и чувствуют [7, с. 188]. Они так долго служат человеку, что сами имеют право на заботу о них и на счастливую жизнь. С другой стороны, данный вопрос требует своего разрешения с целью защиты самого человека от опасности переноса различных заболеваний, агрессии диких и бездомных животных. Кроме того, отношения между животными и людьми в своей основе имеют нравственные начала.

Статистика показывает, что более 60 % будущих серийных убийц прежде обнаруживали специфически жестокое отношение к животным. Около 75 % из тех, кто обвинялся в преступлениях, связанных с насилием над личностью, в детстве издевались над животными. Свыше 85 % подростков, совершивших тяжкие преступления против личности, ранее обращали на себя внимание жестокостью к животным [8].

В современном российском законодательстве отсутствует определение понятия «животное», что препятствует адекватному восприятию предмета правового регулирования. Так, многие авторы, основываясь на нормах Гражданского кодекса РФ, относят их к вещам (ст. 137). Другие наделяют их правами и пытаются определить правовой статус. На наш взгляд, оба подхода не имеют под собой адекватной основы. Прежде всего необходимо установить биологические особенности животных, отличающие их от вещей. Следует согласиться с теми авторами, которые выделяют такие их признаки, как одушевленность (религиозные основы); способность иметь чувства, которые являются основой проявления воли; питание сложными органическими соединениями; наличие имени (клички), необходимой для общения с животными [9, с. 78].

Слово «гуманный» трактуется как человеческий, отзывчивый, культурный [7, с. 144]. Можно говорить, что гуманное отношение к животным — это любовь к ним, уважение особенностей их биологического строения, образа жизни, поведения, чувств и инстинктов, защита среды обитания. Гуманное отношение к живым существам — это естественное состояние человека, поскольку он «в отличие от других живых существ не приспособливается к миру, а преобразует его, общается с ним и потребляет результаты практической деятельности» [10, с. 61].

Это подтверждается тем, что в ст. 245 Уголовного кодекса РФ установлена уголовная ответственность за жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, если такое деяние совершено из хулиганских, или корыстных побуждений, или с применением садистских методов, или в присутствии малолетних¹. Статья 137 Гражданского кодекса устанавливает запрет на обращение с животными, противоречащее принципам гуманности².

Исходя из этого следует, что животные, в отличие от неодушевленных предметов, не могут быть объектом вещных прав, поскольку собственник животного ограничен в праве им распоряжаться по своему усмотрению. Кроме того, он обязан создавать условия для его безопасного и благополучного существования. Следует согласиться с мнением В.С. Хижняк о необходимости законодательного отграничения животных от неживых видов имущества [11, с. 81].

Другое воззрение на данный вопрос, наделяющее животных правами, не имеет под собой научной основы, поскольку согласно конструкции правосубъектности

¹ См.: Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2023. № 52, ст. 9522.

² См.: Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5777.

[12, с. 6] права существуют в неразрывной связи с обязанностями, право- и дееспособностью. В данном случае животные не могут нести обязанности, поскольку в силу своих биологических особенностей не могут осознавать, а следовательно, отвечать за свое юридически значимое поведение, нести уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность.

На основании вышеизложенного следует, что животные являются промежуточным звеном между человеком и предметами вещных прав. В данном случае речь должна идти об особом правовом режиме объектов животного мира.

В Российской Федерации принято значительное количество нормативно-правовых актов в данной сфере, которые устанавливают отличающиеся правовые режимы для разных групп животных. Например, в Федеральном законе «Об аквакультуре (рыболовстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не закреплен принцип гуманного отношения к объектам аквакультуры, поскольку Закон имеет другие цели. Федеральный закон «О животном мире», имея направленность на сохранение среды обитания и воспроизводство животных, обитающих в естественной среде, закрепляет принцип, согласно которому пользование животным миром должно осуществляться способами, не допускающими жестокого обращения с животными, и в соответствии с общими принципами гуманности. Наиболее полно данный принцип содержится в Федеральном законе «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В частности, в ст. 4 устанавливается, что обращение с животными основывается на нравственных принципах и принципах гуманности, к которым отнесены: отношение к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания; ответственность человека за судьбу животного; воспитание у населения нравственного и гуманного отношения к животным; научно обоснованное сочетание нравственных, экономических и социальных интересов человека, общества и государства. Закономерно возникает вопрос о распространении данного принципа на все объекты животного мира или только на животных-компаньонов. Российское законодательство основано на видовом разнообразии животного мира, что, по справедливому мнению некоторых конституционалистов, отражено в психоэмоциональных особенностях животных и отношения к ним человека. Это может привести к иерархии животных, дискриминации их по видовому признаку и, как следствие, к запутанности законодательства. Принцип гуманности по отношению к животным наиболее явно проявляется в отношении животных-компаньонов, то есть тех животных, с которыми у человека устанавливается психологическая связь.

Поскольку Россия является участником СНГ, она обязана придерживаться правил поведения, установленных в рамках соответствующих соглашений. Так, модельный закон «Об обращении с животными», принятый странами СНГ, дословно воспроизводит принцип гуманности, содержащийся в Гражданском кодексе России. В 2017 г. Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ в него внесены дополнения, касающиеся принципа ответственного отношения к животным: гуманное отношение к животным, результатом которого является благополучие животных и человека в рамках общепринятых этических ценностей; отношение к животным как к существам, обладающим способностью чувствовать, в том числе испытывать страх и боль; обеспечение удовлетворения

физиологических и поведенческих потребностей животных; защита животных от жестокого обращения; соблюдение при обращении с животными прав и свобод человека; персональная ответственность ответственного лица за жизнь, здоровье и благополучие животного; научно обоснованное сочетание при обращении с животными нравственных, экономических и социальных интересов человека, общества и государства¹. Согласно Закону жестокое обращение с животным — это «умышленные действия, которые привели или могут привести к гибели, увечью животного, истязание животного голодом, жаждой, побоями, иными насильственными действиями или нарушением правил и условий содержания, причинившими вред здоровью животного, оставление ответственным лицом животного без попечения, а также неоказание им, несмотря на наличие такой возможности, помощи пострадавшему животному, находящемуся в опасном для жизни состоянии»². В ст. 9 Закона говорится о том, что собственник животного обязан создавать для него условия жизни, приближенные к естественным, обеспечивать его потребности в корме, сне, воде, движении, учитывая при этом индивидуальные особенности животного. Если причинение страданий животному неизбежно, то человек обязан их минимизировать. Принятый Закон нацелен на принятие государствами — участниками Содружества соответствующих внутригосударственных законов, что должно привести к унификации правового регулирования в данной сфере общественных отношений и сохранению биологического разнообразия животного мира на планете, а также сближению нравственных установок и более тесному культурному взаимодействию народов стран СНГ.

Российская Федерация, являясь участником Содружества, при разработке законов в области охраны животных учитывает указанные международные нормы. Однако значительное количество нормативно-правовых актов в данной сфере осложняет понимание принципа гуманного отношения к животным. Если рассуждать о рыболовстве и диких животных, то на основе анализа перечисленных законов уместнее говорить не о гуманном, а о рациональном отношении к животному миру. Понятие гуманности законодатель, скорее, распространяет на животных-компаньонов. Отсутствие в российском законодательстве понятия «животное» осложняет понимание предмета правового регулирования, приводит к неверному истолкованию взаимоотношений человека с ним. Исходя из буквального толкования дефиниции «животное» и его признаков следует, что его нельзя отнести ни к объекту вещных прав, ни к субъекту правовых отношений. В отношении представителей животного мира логичнее использовать понятие «правовой режим». На наш взгляд, необходима кодификация единых принципов взаимоотношений человека и животных, а также их особенностей с учетом специфики последних. В данном случае следует ориентироваться на модельный закон СНГ «Об обращении с животными», где его представители делятся на группы: домашние животные, животные-компаньоны, животные, используемые в культурно-зрелищных мероприятиях, служебные животные, лабораторные животные, дикие животные.

¹ См.: Постановление № 46-15 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «О новой редакции модельного закона “Об ответственном обращении с животными” // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2017. № 67, ч. 1.

² Там же.

Библиографический список

1. Мальцева Ю.М., Лузина К.М. Эволюция отношения к животным в праве // ANNALI DITALIA. 2022. № 27. С. 12–14.
2. Тюгашев Е.А. Права животных как объект философско-правовой рефлексии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Право. 2007. Т. 3, № 1. С. 30–38.
3. Корнилова Н.В. К вопросу о терминологии, используемой при характеристике приобретения права собственности на безнадзорных животных // Аграрное и земельное право. 2019. № 2. С. 80–82.
4. Егоров П.Н. Животные как объекты гражданских прав // Вестник научной мысли. 2022. № 7. С. 132–135.
5. Бобров Д.В. Понятие и проблемы классификации животных как объектов права собственности // Сибирский юридический вестник. 2022. № 1. С. 43–49.
6. Цыганцова С.И. Защита животных через призму прав человека: практика Европейского Суда по правам человека // Международные отношения и общество. 2020. Т. 2, № 2. С. 93–96.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 4-е изд., испр. и доп. М.: ГИС, 1960. 1200 с.
8. Светлова Е. Серийные убийцы начинали с животных // Московский комсомолец. 2014. 21 марта.
9. Пузевич А.Н. Понятие и признаки животных как объекта гражданского права // Юридическая наука. 2011. № 4. С. 77–78.
10. Есюкова А.Ю. Мировоззренческие и методологические основы гуманного отношения к лабораторным животным как составная часть биоэтики // Крымский журнал экспериментальной и клинической медицины. 2019. Т. 9, № 2. С. 60–65.
11. Хижняк В.С. Конституционно-правовая политика в области защиты прав животных в странах Латинской Америки // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 73–81.
12. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Юрид. лит., 1985. 366 с.

References

1. Maltseva Yu.M., Luzina K.M. The Evolution of Attitudes Towards Animals in Law // ANNALI DITALIA. 2022. No. 27. P. 12–14.
2. Tyugashev E.A. Animal Rights as an Object of Philosophical and Legal Reflection // Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. Law. 2007. Vol. 3, no. 1. P. 30–38.
3. Kornilova N.V. On the Issue of Terminology Used in the Characteristics of the Acquisition of Ownership of Neglected Animals // Agrarian and Land Law. 2019. No. 2. P. 80–82.
4. Egorov P.N. Animals as Objects of Civil Rights // Bulletin of Scientific Thought. 2022. No. 7. P. 132–135.
5. Bobrov D.V. The Concept and Problems of Classifying Animals as Objects of Property Rights // Siberian Legal Bulletin. 2022. No. 1. P. 43–49.
6. Tsygantsova S.I. Animal Protection Through the Prism of Human Rights: Practice of the European Court of Human Rights // International Relations and Society. 2020. Vol. 2, no. 2. P. 93–96.
7. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language. 4th ed., rev. and supplemented. M.: GIS, 1960. 1200 p.
8. Svetlova E. Serial Killers Started with Animals // Moskovsky Komsomolets. 2014. March 21st.
9. Puzevich A.N. The Concept and Signs of Animals as an Object of Civil Law // Legal Science. 2011. No. 4. P. 77–78.
10. Yesyukova A.Y. Ideological and Methodological Foundations of Humane Attitude to Laboratory Animals as an Integral Part of Bioethics // Crimean Journal of Experimental and Clinical Medicine. 2019. Vol. 9, no. 2. P. 60–65.
11. Khizhnyak V.S. Constitutional and Legal Policy in the Field of Animal Rights Protection in Latin American Countries // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. No. 2. P. 73–81.
12. Bratus S.N. Subjects of Civil Law. M.: Legal Literature, 1985. 366 p.

О.Н. Шупицкая

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В БЕЛАРУСИ В АСПЕКТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Введение: совершенствование правовой системы на основе изменений конституции страны — процесс, характеризующий современные постсоветские государства, включая Республику Беларусь. В феврале 2022 г. в Республике Беларусь состоялся референдум, на решение которого был вынесен Проект изменений и дополнений Конституции белорусского государства. Граждане Беларуси поддержали предложения конституционной комиссии и проголосовали за предложенный законопроект. Новации Конституции призваны обеспечить как частные, так и публичные интересы на современном этапе развития белорусского государства и общества. **Цель** — рассмотреть изменения и дополнения, внесенные в Конституцию Республики Беларусь, с точки зрения интересов государства и личности, то есть публичных и частных интересов. **Методологическая основа:** общенаучные и частнонаучные методы познания: анализ, синтез, обобщение, формально-логический, сравнительно-правовой и др. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно того, что обновление норм Конституции белорусского государства связано в определенной степени с углублением защиты как частного интереса, так и обеспечением публичного интереса, изначального основания формы бытия государства как политически организованного общества, целей его существования и иерархии ценностей, которым оно призвано служить в процессе своего существования и развития. **Выводы:** тенденция повышения ответственности индивида перед государством и обществом, проявившаяся в новациях, внесенных в белорусскую Конституцию, прежде всего отвечает публичным интересам.

Ключевые слова: конституция, конституционные новации, конституционные нормы, конституционные принципы, публичные интересы, частные интересы.

O.N. Shupitskaya

CONSTITUTIONAL REFORM IN BELARUS IN THE ASPECT OF REALISATION OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS

Background: improvement of the legal system on the basis of amendments to the country's constitution is a process that characterizes modern post-Soviet states, including the Republic of Belarus. In February 2022, a referendum was held in the Republic of Belarus to decide on the Draft of Amendments and Additions to the Constitution of the Belarusian State. The citizens of Belarus supported the proposals of the constitutional commission and the proposed draft law. The innovations of the Constitution are designed to ensure both private and public interests at the present stage of development of the Belarusian state and society. **Objective** — analyzing the amendments and additions made to the Constitution of the Republic of Belarus from the point of view of the interests of the state and the individual, i.e. public and private interests. **Methodology:** general scientific and special scientific methods of cognition: analysis, synthesis, generalization, formal-logical, com-

© Шупицкая Оксана Николаевна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы); e-mail: oshupitskaya@mail.ru

© Shupitskaya Oksana Nickolaevna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of International Law (Yanka Kupala State University of Grodno)

parative legal, etc. Results: the author's position that the updating of the norms of the Constitution of the Belarusian state is connected to a certain extent with the deepening of the protection of both private interest and public interest, the original basis of the existence of the state as a politically organized society, the purposes of its existence and the hierarchy of values it is called to serve in the process of its existence and development was argued. Conclusions: the trend of increasing the responsibility of the individual to the state and society, manifested in the innovations introduced in the Belarusian Constitution, is primarily in the public interest.

Keywords: constitution, constitutional innovations, constitutional norms, constitutional principles, public interests, private interests.

Конституция — особый правовой феномен государства и общества, постоянно привлекающий внимание исследователей. С одной стороны, общественные отношения постоянно меняются, а значит, меняются взгляды людей на конституционные институты. С другой стороны, конституция представляет собой многогранное явление, относительно новое и до конца не изученное, но обладающее огромным потенциалом в части регулирования социальных связей, обеспечения правового положения индивида, стабилизации государства и общества. Успешно выполнять эти задачи конституция государства может в случае сбалансированного закрепления, а значит и обеспечения реализации в обществе публичного и частного интереса. В той или иной степени данный вопрос раскрывается в трудах таких известных конституционалистов, как С.А. Авакьян [1], Г.А. Василевич [2], А.Н. Кокотов [3], И.А. Кравец [4], А.А. Ливеровский [5; 6], Ж.И. Овсепян [7], Т.Я. Хабриева [8] и др. Между тем проблемные вопросы по-прежнему остаются, некоторые из которых рассмотрим далее.

Нормы конституции как выражение публичных и частных интересов. В научной литературе широко представлена точка зрения, согласно которой конституция является формой «верховой легализации основ существующего общественно-государственного строя, определенного порядка» [9, с. 60–61] или актом, который «закрепляет и регулирует механизм власти, упорядочивает политический процесс и социально-политические институты...»¹. Указанные подходы, как представляется, подчеркивают сущность конституции как выразителя публичных интересов. Между тем с учетом закрепления во все большем числе конституций положений о правовом, социальном, демократическом характере государства, видится обоснованной и позиция, рассматривающая конституцию как феномен, обеспечивающий, в первую очередь, интересы индивидов, то есть частные интересы. М.В. Баглай подчеркивает, что конституция является элементом определенной философии государства и эта философия основывается на понимании опасности ничем не ограниченной власти государства для свободы и благополучия человека [10, с. 61]. «Целью принятия конституции является утверждение прав и свобод, а институирование государственной власти является средством достижения указанной цели», — утверждает Ж.И. Овсепян [7, с. 7]. По мнению Н.В. Варламовой, первостепенная задача конституции — обеспечение «индивидуальных и групповых (общественных объединений) правовых позиций, служащих основанием... государственного устройства» [11 с. 125]. Оче-

¹ См.: Бойцова В.В., Бойцова Л.В., Сорокин Л.В. Конституционное право России и зарубежных стран в сравнительной перспективе: образовательный и научный проект при поддержке Института «Открытое общество». URL: www.osi.ru (дата обращения: 20.02.2024).

видно, что сущность конституции заключается в обеспечении как публичных, так и частных интересов, и их баланса. В реальности решение данного вопроса зависит, говоря словами Ю.А. Юдина, от модели конституции: либеральной, этатистской или либерально-этатистской [12, с. 82].

Система законодательства по Конституции Республики Беларусь в контексте реализации публичных и частных интересов. Правовые нормы, включая конституционные, содержащиеся в источниках права, представляют собой модели поведения общеобязательного характера, которые можно рассматривать как выражение правового опыта законодателя и правоприменителя. Они, с одной стороны, обобщают практику жизни людей и их групп, а с другой — нацеливают на совершенствование общественных отношений. Выполняя указанные задачи, конституционные нормы всегда представляет собой синтез публичных и частных интересов, существующих в обществе на определенном этапе его развития.

27 февраля 2022 г. на республиканском референдуме были приняты изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь 15 марта 1994 г. (в редакции республиканских референдумов 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) — Основного Закона белорусского государства. Новации Конституции Беларуси затронули конституционные нормы многих разделов и, как представляется, отразили тенденции современной Республики Беларусь, связанные с закреплением и обеспечением публичных и частных интересов.

К изменениям правового характера, повышающим авторитет Конституции Беларуси как нормативного правового акта, относятся изменения системы источников белорусского национального права и положения, относящиеся к юридическим свойствам Основного Закона Республики Беларусь. Согласно ч. 2 ст. 7 действующей редакции Конституции Белорусского государства, «Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь. Иные правовые акты издаются на основе и в соответствии с Конституцией»¹. На основании ст. 85 Президент Беларуси имеет право издавать указы и распоряжения. По своей юридической силе названные акты ниже законов, поскольку в соответствии с требованиями упомянутых выше норм должны им соответствовать. Согласно ранее действовавшей системе источников белорусского права Президент Республики Беларусь имел право издавать декреты и указы, которые обладали такой же юридической силой, как и законы. Более того, в большинстве случаев их юридическая сила была выше законов. Указанное вытекало из нормы, установленной ч. 3 ст. 137 Конституции Республики Беларусь (в ред. 2004 г.)². Внесенные в текст Конституции страны изменения и дополнения, включая исключение из текста Основного Закона ст. 137, означают, что Беларусь вернулась к так называемой классической иерархии нормативных правовых актов, в соответствии с которой Конституция, обладая высшей юридической силой, возглавляет систему источников национального права, законы ему соответствуют, а иные акты законодательства не противоречат законам и Конституции.

В этом же ряду изменений — включение в текст Конституции Беларуси принципа об ее прямом действии. Принцип прямого действия Основного За-

¹ См.: Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024.

² См.: Там же.

кона, предполагающий непосредственное использование конституционных принципов и конституционных норм в регулировании общественных отношений, безусловно, повышает его значимость не только в национальной правовой системе, но и в обществе в целом. Определенную роль в установлении иерархии источников белорусского национального права играла ст. 116 старой редакции Конституции Республики Беларусь, содержащая нормы, регламентировавшие организацию и функционирование органа конституционной юстиции страны — Конституционного Суда Республики Беларусь. В новой редакции Конституции названному институту посвящено уже две статьи. На источники права указано в норме, содержащейся в ст. 116-1. Согласно ч. 2 ст. 116-1 белорусской Конституции Конституционный Суд Республики Беларусь дает заключения по предложениям Президента страны о конституционности «проектов законов о внесении проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию»; законов парламента до их подписания Президентом; «о соответствии Конституции не вступивших в силу международных договоров Республики Беларусь».

Частью 1 ст. 8 Конституции Республики Беларусь устанавливается принцип приоритета в Беларуси общепризнанных принципов международного права. Формулировка указанной нормы позволяет сделать вывод о том, что общепризнанные принципы международного права занимают в системе источников права место выше, чем Конституция страны. Что же касается международных договоров, то в Беларуси не допускается заключение международных договоров, противоречащих Основному Закону (ч. 3 ст. 8). В соответствии с Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах»¹ международные договоры могут иметь форму законов, постановлений Совета Министров, то есть Правительства, ведомственных актов — нормативных актов министерств и государственных комитетов.

Названные конституционные новации упорядочивают систему источников права, облегчают возможности индивидов ими пользоваться, а принцип прямого действия Конституции способствует более эффективной защите прав и свобод личности. В связи с этим они, безусловно, направлены на обеспечение интересов людей, то есть частных интересов. Между тем изменения конституционных норм, коснувшиеся источников белорусского права, нацелены и на укрепление правовой системы, стабилизацию порядка общественных отношений, что отвечает публичным интересам.

Конституционные права и обязанности индивида и государства. В ходе модернизации Конституции Республики Беларусь изменения и дополнения были внесены в раздел II Основного Закона «Личность, общество, государство». Усиление идеологической роли Конституции Республики Беларусь, по мнению законодателя, является еще одной потребностью современного этапа развития белорусского государства и общества. С этим связано, как представляется, внесение в преамбулу Основного Закона Республики Беларусь указания на важность для белорусского народа «сохранения его национальной самобытности и суверенитета, культурных и духовных традиций», а также положения о необходимости сохранения исторической правды и памяти, о чем автор статьи указывал ранее [13].

¹ См.: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах» (в ред. от 7 апреля 2023 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024.

С одной стороны, повышение идеологического авторитета Конституции Республики Беларусь нацелено на обеспечение публичных интересов. Любое государство заинтересовано в том, чтобы его идеология поддерживалась членами общества, обеспечивая существующий в нем порядок. С другой стороны, формирование мировоззрения индивида, основанного на знании истории своего народа, способствует гармоничному развитию личности, ее совершенствованию. Являться активным членом общества — это не только интерес государства, но и интерес индивида. Соответственно, и названные выше новации Конституции Республики Беларусь отвечают как публичным, так и частным интересам.

В соответствии с изменениями Основного Закона белорусского государства последнее создает условия для защиты персональных данных; поддерживает семьи, воспитывающие детей, способствует развитию молодежи. Указанные нормы, по сути, раскрывают конституционные обязанности белорусского государства по отношению к его гражданам. Справедливое общество, защита семей с детьми и молодежи — это то, что призвано укрепить положение индивида во взаимоотношениях государство–человек, а значит отвечать частным интересам. Кроме того, в Конституции Республики Беларусь увеличено число конституционных обязанностей индивида (проявление социальной ответственности и патриотизма, сохранение исторической памяти и др.) как обозначение тенденции к обеспечению государственных публичных интересов.

В связи с названными изменениями Основного Закона Республики Беларусь возникают и определенные вопросы. Так, если каждый ответственен перед государством за внесение своего вклада в его развитие, не совсем ясно, как будет определяться, в чем именно должен заключаться данный вклад. В необходимости работать, платить в государственные фонды определенные денежные средства, всегда и во всем разделять поддерживаемые государством взгляды? Не будет ли такая конституционная обязанность вступать в конфликт с конституционными правами и свободами? Правом на труд (ст. 42 Конституции Республики Беларусь), например, или свободой мнений, убеждений и их свободным выражением (ст. 33 Конституции Республики Беларусь). Еще один вопрос состоит в том, что в силу различий, существующих между индивидами, их вклад в государство и общество может быть различным по своей форме и по своему объему. Инвалиды или пенсионеры, как правило, не работают. Каким образом они должны реализовывать конституционную обязанность о своей социальной ответственности перед государством и в какой мере? Неопределенность относительно форм выполнения данной конституционной обязанности, ее меры, возможных сложностей с оценкой может создать почву для злоупотреблений со стороны государственных органов или должностных лиц, а также нарушения конституционных принципов равенства и справедливости. В целом новации Конституции Республики Беларусь, затронувшие основы правового статуса индивида в этой части, несколько смещают баланс преимущественного обеспечения государственных интересов.

Новации в системе государственных органов в аспекте публичных и частных интересов. Обновленная Конституция белорусского государства повысила авторитет отдельных государственных органов, закрепив их конституционно-правовой статус либо конкретизировав и дополнив его. Статья 71 Конституции Республики Беларусь в настоящее время содержит конституционные нормы, регламентирующие порядок создания и деятельности Центральной избира-

тельной комиссии Республики Беларусь. Центральная избирательная комиссия будет избираться Всебелорусским народным собранием сроком на пять лет и обеспечивать избирательный процесс, связанный с формированием всех представительных органов государственной власти: Президента Республики Беларусь, Всебелорусского народного собрания, парламента, местных Советов депутатов. Учитывая значимость данного государственного органа, внимание граждан к вопросам его формирования и функционирования, подобная новация, как представляется, призвана в большей мере гарантировать права и свободы граждан, то есть частный интерес.

Впервые в истории конституционного развития в Основном Законе белорусского государства закреплён статус Верховного Суда Республики Беларусь. Согласно ст. 112-1 Конституции Республики Беларусь он является высшей судебной инстанцией и возглавляет систему судов общей юрисдикции страны. Конституционный Суд Республики Беларусь в связи с уточнением его конституционно-правового положения будет рассматривать конституционные жалобы граждан, исчерпавших все предусмотренные законодательством способы защиты их прав и интересов, вынося окончательные решения. И судьи Верховного Суда Республики Беларусь, и судьи органа конституционной юстиции будут избираться опосредованно гражданами, а именно: делегатами Всебелорусского народного собрания. Думается, что модернизация текста Конституции в этой части будет в определенной мере способствовать защите частного интереса. Вместе с тем с точки зрения поддержания равновесия в обществе и его стабильности она также будет отвечать и государственным интересам.

Конституционные изменения значительно затронули систему высших органов государственной власти Республики Беларусь: Президента страны, Национальное собрание (парламент), Правительство. Конституционная комиссия, готовившая Проект обновленной Конституции, как представляется, ставила перед собой задачу сбалансировать интересы индивидов, различных социальных групп, государственных органов, в том числе и путем учреждения нового представительного органа государства — Всебелорусского народного собрания. К полномочиям Всебелорусского народного собрания отнесены важнейшие вопросы, касающиеся государственного и общественного развития. При этом законодатель подчеркнул, что Всебелорусский форум призван обеспечить гражданское согласие при сохранении конституционного строя. К полномочиям Всебелорусского народного собрания отнесено утверждение основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины, концепции национальной безопасности; утверждение программ социально-экономического развития страны и заслушивание премьер-министра об их выполнении; внесение предложений по изменению и дополнению Конституции и проведению республиканских референдумов; рассмотрение вопросов легитимности выборов и так называемые кадровые полномочия. Всебелорусское народное собрание будет, как указывалось ранее, избирать судей Верховного Суда Республики Беларусь и Конституционного Суда Республики Беларусь, Центральную избирательную комиссию. Всебелорусское народное собрание также будет полномочно смещать с должности Президента Республики Беларусь.

Конституция Республики Беларусь ужесточила требования к кандидатам на должность Президента Республики Беларусь. Главой белорусского государства может стать лишь гражданин страны по рождению, не имеющий и не имевший

ранее гражданства другого государства или вида на жительство, иного документа, дающего право на льготы, достигший 40-летнего возраста и постоянно проживающий в Беларуси не менее 20 лет непосредственно перед выборами. Иными словами, к кандидату на высший пост страны законодатель повысил требования. Вместе с тем Конституция Республики Беларусь снизила требования к избирательной процедуре. Так, выборы будут признаны состоявшимися, если в них примет участие более половины граждан, обладающих избирательными правами, а избранным будет считаться лицо, за которое проголосовало более половины граждан, принявших участие в голосовании. Еще одна новация — часть третьей статьи 89 Конституции Республики Беларусь. Согласно закрепленной в ней конституционной норме «Президент, прекративший исполнение своих полномочий, не может быть привлечен к ответственности за действия, совершенные в связи с осуществлением им президентских полномочий».

Изменения, внесенные в Конституцию Республики Беларусь на референдуме 2022 г., призваны обеспечивать как частные, так и публичные интересы на современном этапе развития Белорусского государства. Совершенствование источников белорусского права, норм, регламентирующих конституционные права и свободы, а также регулирующих систему государственных органов, с одной стороны, отвечают интересам личности (частному интересу), с другой — нацелены на развитие системы права, государственного механизма, повышение ответственности индивида перед государством и обществом, что соответствует публичным интересам.

Библиографический список

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: Сашко, 2000. 528 с.
2. Василевич Г.А. Право и национальные интересы: взгляд из Беларуси // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 70–73.
3. Кокотов А.Н. Конституционный Суд России и защита прав и свобод // Lex russica. 2020. № 73(10). С. 9–20.
4. Кравец И.А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и Международный контексты) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 202–215.
5. Ливеровский А.А. Развитие понятийного аппарата конституционного права // Журнал Высшей школы экономики. Право. 2018. № 2. С. 229–247.
6. Ливеровский А.А. Право Конституции. Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности // Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву (Санкт-Петербург, 20–22 мая 2016 г.) / под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2017. С. 182–193.
7. Овсепян Ж.И. Лекции о конституциях России: учебный курс. Ростов н/Д: Феникс, 2016. 398 с.
8. Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 19–29.
9. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 319 с.
10. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для юрид. вузов и фак-в. М.: Норма : Инфра-М, 1998. 752 с.
11. Варламова Н.В. Конституционный процесс в России (1990–1993 гг.) М.: Изд-во Центра конституц. исслед. МОНФ, 1998. 156 с.

12. Юдин Ю.А. Современные модели конституции // Сравнительное конституционное право. М.: Ин-т гос-ва и права РАН : Манускрипт, 1996. С. 61–157.

13. Шупицкая О.Н. Новеллы белорусской конституции как выражение публичных и частных интересов // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь: матер. республ. науч.-практ. конф. (Минск, 18–19 ноября 2022 г.) / [редкол. Г.А. Василевич (отв. ред.) и др.]. Минск: БГУ, 2022. С. 104–106.

References

1. Avakyan S.A. The Constitution of Russia: Nature, Evolution, Modernity. М.: Sashko, 2000. 528 p.

2. Vasilevich G.A. Law and National Interests: a View from Belarus // Journal of Russian Law. 2005. No. 12. P. 70–73.

3. Kokotov A.N. The Constitutional Court of Russia and the Protection of Rights and Freedoms // Lex russica. 2020. No. 73(10). P. 9–20.

4. Kravets I.A. Teleological Constitutionalism, Constitutional Identity and Public Law and Order (Scientific Knowledge, Russian, Comparative and International Contexts) // Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 439. P. 202–215.

5. Liverovsky A.A. Development of the Conceptual Apparatus of Constitutional Law // Journal of the Higher School of Economics. Law. 2018. No. 2. P. 229–247.

6. Liverovsky A.A. The Law of the Constitution. Methodology of Modern Constitutionalism: Constitutionalization of Positive Law; Constitutional Axiology of Proportionality. // Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference on Constitutional Law (St. Petersburg, May 20–22, 2016) / General. ed. A.A. Liverovsky, V.P. Salnikov. St. Petersburg: University Foundation, St. Petersburg State Economic University, 2017. P. 182–193.

7. Ovsepyan Zh.I. Lectures on the Constitutions of Russia: training course. Rostov n/D: Phoenix, 2016. 398 p.

8. Khabrieva T.Ya. National Interests and Legislative Priorities of Russia // Journal of Russian Law. 2005. No. 12. P. 19–29.

9. Khabrieva T.Ya. Theory of Modern Constitution / T.Ya. Khabrieva, V.E. Chirkin. М.: Norma, 2005. 319 p.

10. Baglay M.V. Constitutional Law of the Russian Federation. Textbook for law schools and faculties. М.: Norm : Infra-M, 1998. 752 p.

11. Varlamova N.V. Constitutional Process in Russia (1990–1993). М.: Publishing House of the Constitution Center. research MONF, 1998. 156 p.

12. Yudin Yu.A. Modern Models of the Constitution // Comparative Constitutional Law. М.: Institute of State and Law RAS : Manuscript company, 1996. P. 61–157.

13. Shupitskaya A.N. Novels of the Belarusian Constitution as an Expression of Public and Private Interests // Current Problems of Achieving Sustainable Development Goals in the Context of Digital Transformation of State and Law in the Republic of Belarus: materials of the Republican Scientific and Practical. conference (Minsk, November 18–19, 2022) / [editor: G.A. Vasilevich (chief editor), etc.]. Minsk: BSU, 2022. P. 104–106.

DOI 10.24412/2227-7315-2024-3-64-71
УДК 342.92

А.Ю. Соколов, О.А. Лакаев

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВИНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В СОВЕРШЕНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРОСТУПКОВ

Введение: актуальность статьи связана с необходимостью учета вины государственных служащих в совершении коррупционных дисциплинарных проступков в условиях недостаточной определенности положений законодательства о государственной службе и противодействии коррупции по данному вопросу. **Цель** — на основе комплексного анализа указанного законодательства определить наиболее существенные недостатки нормативно-правового регулирования вины государственных служащих в совершении коррупционных дисциплинарных проступков и перспективы их преодоления. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности, включая анализ, синтез, абстрагирование, формально-юридический и другие методы научного познания. **Результаты:** выявлен современный подход законодателя к правовому регулированию вины государственных служащих в совершении коррупционных правонарушений, состоящий в ее учете при решении вопроса об освобождении от дисциплинарной ответственности, и присущие этому подходу недостатки. **Вывод:** целесообразно продолжение работы по оптимизации текущего варианта законодательного регулирования освобождения государственных служащих от дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения для устранения его наиболее существенных недостатков в части формулировки о прогнозируемых и регулярно повторяющихся явлениях и событиях, на основе чего может быть выработан приемлемый механизм нормативной регламентации учета вины государственного служащего в их совершении.

Ключевые слова: правовое регулирование, государственные служащие, дисциплинарная ответственность, коррупционное правонарушение, степень вины.

© Соколов Александр Юрьевич, 2024

Доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала (Институт государства и права Российской академии наук); e-mail: aysokolov@mail.ru

© Лакаев Олег Анатольевич, 2024

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала (Институт государства и права Российской академии наук); e-mail: olegoleg81@mail.ru

© Sokolov Aleksandr Yurievich, 2024

Doctor of Law, Professor, Director of the Saratov branch (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

© Lakaev Oleg Anatolievich, 2024

Candidate of Law, Senior Researcher of the Saratov branch (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

A.Yu. Sokolov, O.A. Lakaev

LEGAL REGULATION OF THE GUILT OF CIVIL SERVANTS IN COMMITTING CORRUPT DISCIPLINARY OFFENCES

Background: the relevance of the article is related to the need to take into account the guilt of civil servants in committing corruption disciplinary offenses in conditions of insufficient certainty of the provisions of legislation on public service and anti-corruption on this issue. **Objective** — on the basis of a comprehensive analysis of the above legislation to identify the most significant shortcomings of the normative-legal regulation of the guilt of civil servants in committing corrupt disciplinary offenses and the prospects for overcoming them. **Methodology:** general and particular scientific methods of cognition of objective reality, including analysis, synthesis, abstraction, formal legal and other methods of scientific cognition. **Results:** the modern approach of the legislator to the legal regulation of the guilt of civil servants in committing corruption offenses, consisting in its consideration when deciding on exemption from disciplinary liability, and the inherent disadvantages of this approach, is revealed. **Conclusion:** it is advisable to continue work on optimizing the current version of the legislative regulation of the exemption of civil servants from disciplinary liability for corruption offenses in order to eliminate its most significant shortcomings in terms of the formulation of predictable and regularly recurring phenomena and events, on the basis of which an acceptable mechanism for regulatory regulation of accounting for the guilt of a civil servant in their commission can be developed.

Keywords: legal regulation, civil servants, disciplinary responsibility, corruption offense, degree of guilt.

Дисциплинарная ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения имеет большое значение для обеспечения режима законности в их деятельности, поскольку применение дисциплинарных взысканий позволяет предотвратить возникновение опасного для общества явления — коррупционной преступности, дезорганизующей работу государственного аппарата и снижающей гарантии защищенности прав и законных интересов граждан и организаций в их взаимоотношениях с органами государственной власти. Между тем государственный служащий также должен быть защищен от чрезмерного внутриорганизационного воздействия со стороны представителя нанимателя и иных должностных лиц и структур, уполномоченных осуществлять дисциплинарное производство по делам о коррупционных правонарушениях на государственной службе. Для этого должна быть отлажена система правовых норм, определяющих основания, условия и порядок привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности [1, с. 29] как по общим правилам, так и за совершение коррупционных правонарушений. Это относительно новое явление для российской правовой действительности, что стало результатом усиления антикоррупционной политики государства, ориентированной в большей степени на предупреждение коррупционных преступлений, чем на борьбу с ними. Нормативно она была оформлена через внесение комплекса изменений и дополнений в законодательство о противодействии коррупции и о государственной службе¹, в результате чего была сформирована группа правовых норм,

¹ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (в ред. от 21 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6730; 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973.

обособляющих дисциплинарную ответственность за совершение коррупционных правонарушений на фоне традиционного механизма дисциплинарной ответственности на государственной службе. Данная разновидность получила свою специфику, включая унификацию правил привлечения к ней на всех видах государственной службы, признание принципа неотвратимости наказания за совершение коррупционного правонарушения, наличие собственных сроков давности применения взысканий, возможность оценки деяния в качестве малозначительного и увольнения в связи с утратой доверия.

Особое значение имеет правовое регулирование вины государственных служащих за совершение коррупционных дисциплинарных проступков, с чем также связана специфика рассматриваемых правоотношений. Общая теория права, определяя базовые характеристики правонарушений и юридической ответственности за их совершение, исходит из необходимости установления вины делинквента. С одной стороны, она является одним из ключевых признаков правонарушения, отсутствие которого исключает юридическую ответственность, с другой — рассматривается как выражение психического отношения лица к содеянному и его последствиям и в этом смысле образует содержание субъективной стороны правонарушения, подлежащей установлению в ходе осуществления производства по соответствующему делу [2, с. 625–628; 3, с. 429–435]. С точки зрения нормативно-правового регулирования в течение длительного времени отдельные отступления от принципа вины лица при привлечении его к ответственности наблюдались лишь в гражданском законодательстве, что обусловлено спецификой цивилистических отношений, возникающих вследствие причинения вреда и имеющих компенсационную, а не карательную направленность (ст. 1095, 1100 ГК РФ¹). В административно-деликтном законодательстве указанный принцип остался незыблемым, несмотря на включение в перечень субъектов административной ответственности юридических лиц, в деяниях которых отсутствует субъективная сторона, а их виновность выражена в объективных признаках (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ²).

Теория административного права в части учения о дисциплинарной ответственности государственных служащих всегда исходила из необходимости привлечения к ней только в случае виновно совершенных деяний. В частности, по мнению Ю.С. Адушкина, дисциплинарный проступок возможен лишь при наличии умысла или неосторожности как форм вины [4, с. 37–38]. Д.Н. Бахрах считал главным родовым признаком дисциплинарной ответственности наличие основания в виде совершения дисциплинарного проступка как виновного непроступного правонарушения, за которое может быть назначено дисциплинарное взыскание [5, с. 24].

Упомянутая коррекция законодательства, проведенная в 2011 г., привела к изменению данной позиции. Вина по-прежнему является имманентным признаком дисциплинарного проступка государственного служащего. В частности, согласно законодательству о государственной гражданской службе под таковым понимается неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим

¹ См.: Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410; 2023. № 31, ч. 3 ст. 5765.

² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 8 июля 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2024. № 29, ч. 2, ст. 4094.

возложенных на него служебных обязанностей. Помимо того, правовые нормы ориентируют правоприменителя на необходимость установления степени вины государственного служащего в его совершении среди прочих обстоятельств, подлежащих выяснению по дисциплинарному делу¹.

Введение новых правил о дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения ознаменовало формирование параллельного механизма назначения дисциплинарных взысканий. Очевидным выступает неприменимость легальной дефиниции дисциплинарного проступка к коррупционным правонарушениям. Толкование последних с точки зрения выявления их сущности законодатель не дает, а в качестве фактического основания привлечения к ответственности приводит их перечень (несоблюдение гражданским служащим требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, запретов и ограничений и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции) без указания каких-либо признаков правонарушения (противоправности, виновности, наказуемости). Более того, нормативно модифицирован перечень обстоятельств, которые должны быть учтены при назначении дисциплинарного взыскания, среди которых отсутствует степень вины делинквента. Совокупность названных правовых установлений дает основание полагать, что не требуется учитывать не только степень вины, но и саму вину.

Данное решение законодателя на протяжении более десяти лет было предметом широкого обсуждения на страницах научной печати. Высказывались идеи о противоречии такого подхода традиционным представлениям о дисциплинарной ответственности. А.Л. Юсуповым была выработана позиция, направленная на восполнение перечня обстоятельств, подлежащих учету при назначении взыскания за совершение коррупционного правонарушения, степенью вины государственного служащего [6, с. 11–12], которая находит поддержку у других представителей науки административного права [7, с. 106–107; 8, с. 98].

Отдельные авторы указывают, что вину государственного служащего в любом случае устанавливать необходимо при решении вопроса о привлечении к ответственности за коррупционные дисциплинарные проступки, поскольку это вытекает из сущности совершаемых деяний. В качестве примеров называются правонарушения, которые иначе как с прямым умыслом совершить невозможно, в частности представление заведомо неполных сведений о своих доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера [9, с. 192], а также непринятие мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов [10, с. 141]. Вместе с тем непредставление сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера супруга, формально являясь нарушением антикоррупционных правил, может быть совершено в отсутствие вины государственного служащего при объективной невозможности исполнить соответствующую обязанность. В различных государственных органах разработан однотипный алгоритм выхода из подобной ситуации посредством принятия государственным служащим мер, направленных на получение данной информации², что может быть

¹ См. ч. 1 ст. 57, ч. 3 ст. 58 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 22 апреля 2024 г.) (СЗ РФ. 2004. № 31, ст. 3215; 2024. № 18, ст. 2400).

² См., например: Официальный сайт Федерального агентства воздушного транспорта. URL: <https://favt.gov.ru/antikorrupcionnaja-dejatelnost-faq?id=3521> (дата обращения: 09.08.2024).

учтено при решении вопроса о возбуждении дисциплинарного производства. Однако этот алгоритм не является нормативно установленным, а само его наличие обусловлено изложенными в ненормативном акте рекомендациями¹. Поэтому вопрос установления вины не утрачивает актуальность в контексте возможного совершенствования механизма дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений.

Следует отметить, что законодатель не воспринимает доминирующий в научной литературе подход к решению этого вопроса. Очевидно, что отсутствие упоминания о вине государственного служащего в совершении коррупционного правонарушения является осознанным его решением, направленным на достижение целей антикоррупционной политики. Тем не менее он вынужден был внести поправки в законодательство о противодействии коррупции и о государственной службе, чтобы повысить уровень защищенности прав и законных интересов государственных служащих при осуществлении производства по делам о коррупционных дисциплинарных проступках. Во все законы, регулирующие государственную службу, была введена одинаковая норма императивного характера об освобождении служащего от ответственности за совершение коррупционного правонарушения при том условии, что невыполнение антикоррупционных правил стало следствием не зависящих от него обстоятельств². Таким образом, речь идет о наличии объективной стороны коррупционного дисциплинарного проступка в виде несоблюдения требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, запретов и ограничений, а также неисполнения антикоррупционных обязанностей. Однако препятствием для привлечения к дисциплинарной ответственности в данном случае выступают объективные факторы, которые исключили возможность соблюсти правила, установленные в целях противодействия коррупции. Осознание неизбежности неисполнения антикоррупционных требований лежит в плоскости функционирования психики государственного служащего, что предполагает возможное негативное отношение к последствиям собственного бездействия, которое вызвано не зависящими от воли государственного служащего обстоятельствами. Между тем исследуемое законоположение, прямо не называя отсутствие вины в качестве обстоятельства, препятствующего привлечению служащего к дисциплинарной ответственности, фактически посвящено необходимости учета вины как обязательного условия применения взыскания.

Вместе с тем избранный для этого способ нормативной регламентации данного вопроса сомнителен. Виновность как внутренне присущий правонарушению признак предполагает исключение возможности привлечения к ответственности при ее отсутствии (в этом случае нет самого правонарушения). Термин «освобождение от ответственности» в ином законодательстве употребляется для других целей. Данный акт осуществляется правоприменителем при наличии виновно

¹ См. п. 8.4–8.5 Методических рекомендаций по организации работы комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационных комиссий) в федеральных государственных органах: одобрены президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, протокол от 13 апреля 2011 г. № 24. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 286-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 29, ст. 5304.

совершенного деяния (административного деликта, преступления) в том случае, если реализация соответствующих видов ответственности нецелесообразна ввиду возникновения предусмотренных в законе обстоятельств. Так, по уголовному законодательству освобождение от ответственности возможно в ситуациях примирения с потерпевшим, деятельного раскаяния, истечения сроков давности, возмещения ущерба и т.п.¹ Административно-деликтное законодательство также предусматривает основания для освобождения от административной ответственности, в том числе малозначительность деяния, совершение его несовершеннолетним, совершение отдельных положительных действий, показывающих намерение отказаться от продолжения противоправной деятельности (добровольная сдача наркотических средств, добровольное обращение за наркологической помощью и др.). Таким образом, предусмотренное законодательством о государственной службе освобождение от ответственности за коррупционное правонарушение не вписывается в общую логику нормативно-правового регулирования подобного рода освобождения ввиду специфики основания реализации данного акта — отсутствия вины государственного служащего.

Несмотря на то, что предпочтительным вариантом законодательной регламентации вины государственных служащих в совершении коррупционного дисциплинарного проступка является введение легальной дефиниции последнего с указанием вины в качестве одного из его признаков и дополнение перечня подлежащих учету при назначении дисциплинарного взыскания обстоятельств таким фактором, как степень вины, очевидно, что законодатель в дальнейшем будет руководствоваться собственной «концепцией» коррупционного правонарушения, которая может так или иначе совершенствоваться.

Первым шагом на пути к подобной оптимизации стало упомянутое внесение 10 июля 2023 г. поправок в законодательство о противодействии коррупции и о государственной службе. Однако общее несовершенство названной «концепции» усугубилось новыми положениями ст. 13 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 19 декабря 2023 г.)² в силу их недостаточной определенности. Особо обращает на себя внимание правило о том, что не зависящими от государственного служащего обстоятельствами не могут быть признаны прогнозируемые и регулярно повторяющиеся явления и события.

Во-первых, в тексте закона уже заложено противоречие, поскольку к числу обстоятельств, не зависящих от государственного служащего, прямо отнесены ураганы, землетрясения и наводнения, которые с учетом современных достижений в области гидрометеорологии вполне могут быть прогнозируемыми явлениями.

Во-вторых, непонятна связь перечисленных в законе обстоятельств, не зависящих от воли государственного служащего, в том числе распространения массовых заболеваний, с возможностью выполнения антикоррупционных требований, например о предотвращении или урегулировании конфликта интересов. Даже наиболее опасное в современной мировой истории явление в виде пандемии коронавируса каким-то кардинальным образом не повлияло на взаимоотношения государственных служащих с подразделениями государственных органов по про-

¹ См. гл. 11 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 12 июня 2024 г.) (СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2024. № 25, ст. 3397).

² См.: СЗ РФ. 2008. № 5, ч. 1, ст. 6228; 2023. № 52, ст. 9518.

тивоедействию коррупции с точки зрения представления деклараций о доходах, имуществе и совершения иных действий антикоррупционной направленности.

В-третьих, оценивать прогнозируемость и регулярность повторения явлений и событий надлежит комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов. Эти понятия являются неопределенными, в силу чего соответствующее законоположение представляет собой коррупциогенный фактор, поскольку предполагается неограниченное расширение пределов усмотрения¹ указанной комиссии, в связи с чем могут быть ущемлены права государственного служащего, подвергаемого дисциплинарному преследованию, либо, напротив, он может быть необоснованно освобожден от дисциплинарной ответственности.

С учетом изложенного представляется целесообразным продолжать работу по оптимизации текущего варианта законодательного регулирования освобождения государственных служащих от дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения для устранения его наиболее существенных недостатков. Особенно это касается формулировки о прогнозируемых и регулярно повторяющихся явлениях и событиях. Без должной проработки соответствующее законоположение может причинить существенный ущерб интересам государственной службы, в связи с чем законодателю следует определить субъект государственного управления, ответственный за подготовку подзаконного акта, в котором будет установлен алгоритм выявления прогнозируемости и регулярности повторения событий и явлений. На основе решения этих вопросов может быть выработан приемлемый механизм нормативной регламентации учета вины государственного служащего при принятии решения о привлечении его к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционного правонарушения в рамках существующей в настоящее время схемы реализации данного направления дисциплинарного принуждения.

Библиографический список

1. *Гришковец А.А.* Некоторые административно-процессуальные аспекты государственной гражданской службы Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8(12). С. 28–37.
2. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Велби; Проспект, 2004. 640 с.
3. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 512 с.
4. *Адушкин Ю.С.* Дисциплинарное производство в СССР. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. 128 с.
5. *Бахрах Д.Н.* Дисциплинарное принуждение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1985. № 3. С. 17–25.
6. *Юсупов А.Л.* Дисциплинарная ответственность за нарушения законодательства о противодействии коррупции: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 204 с.
7. *Добробаба М.Б.* Дисциплинарная ответственность в системе государственно-служебных правоотношений: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2014. 463 с.

¹ См. ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (в ред. от 5 декабря 2022 г.) (СЗ РФ. 2009. № 29, ст. 3609; 2022. № 50, ч. 3, ст. 8792).

8. *Добробаба М.Б., Чаннов С.Е.* Ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения: проблемы оптимизации модели // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 11. С. 88–101.

9. *Шалагинов П.Д.* О составе дисциплинарного коррупционного проступка на государственной гражданской службе // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1(29). С. 190–194.

10. *Терещук С.С.* К вопросу о разграничении дисциплинарного проступка и дисциплинарного коррупционного правонарушения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1(150). С. 137–142.

References

1. *Grishkovets A.A.* Some Administrative and Procedural Aspects of the State Civil Service of the Russian Federation // Bulletin of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2015. No. 8(12). P. 28–37.

2. *Marchenko M.N.* Theory of State and Law: textbook. 2nd ed., revised and suppl. by M.: Velbi; Prospect, 2004. 640 p.

3. *Matuzov N.I., Malko A.V.* Theory of State and Law: textbook. M.: Jurist, 2004. 512 p.

4. *Adushkin Y.S.* Disciplinary Proceedings in the USSR. Saratov: Publishing House of Saratov University, 1986. 128 p.

5. *Bakhrakh D.N.* Disciplinary Coercion // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1985. No. 3. P. 17–25.

6. *Yusupov A.L.* Disciplinary Responsibility for Violations of Anti-Corruption Legislation: dis. ... Cand. of Law. Saratov, 2014. 204 p.

7. *Dobrobaba M.B.* Disciplinary Responsibility in the System of Public-Service Legal Relations: dis. ... Doc. of Law. Saratov, 2014. 463 p.

8. *Dobrobaba M.B., Channov S.E.* Responsibility of Civil Servants for Corruption Offenses: Problems of Model Optimization // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25, no. 11. P. 88–101.

9. *Shalaginov P.D.* On the Composition of Disciplinary Corruption Misconduct in the State Civil Service // Legal Science and Practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1(29). P. 190–194.

10. *Tereshchuk S.S.* On the Issue of Distinguishing Between a Disciplinary Offense and a Disciplinary Corruption Offense // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. No. 1(150). P. 137–142.

Д.С. Вечернин

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ВНУТРЕННЕЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОМОЩИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью совершенствования в текущих социально-экономических условиях основ регулирования общественных отношений в сфере оказания продовольственной помощи малоимущим гражданам Российской Федерации. **Цель** — на основе комплексного анализа законов и подзаконных актов выявить ключевые проблемные моменты реализации механизма внутренней продовольственной помощи и сформулировать предложения по совершенствованию правовых основ данного механизма. **Методологическая основа:** общие и частные методы научного познания, в том числе абстрагирование, анализ, синтез, сравнительно-правовой и формально-юридический. **Результаты:** в целях удовлетворения потребностей граждан Российской Федерации с низкими доходами в пище и поддержки отечественных производителей пищевых продуктов исследователем предложен комплекс мер, направленный на повышение эффективности правового регулирования государственной системы предоставления внутренней продовольственной помощи. **Выводы:** автор приходит к выводу, что современная модель нормативного регулирования внутренней продовольственной помощи и механизм ее реализации требуют существенной актуализации в связи с изменением законодательства в данной сфере и ростом внимания к проблеме поддержки малоимущих граждан со стороны органов публичной власти всех уровней.

Ключевые слова: продовольственная помощь, продовольственная безопасность, качество продуктов питания, социальное обеспечение.

D.S. Vechernin

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE DOMESTIC FOOD AID MECHANISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Background: the relevance of this study is due to the need to improve the fundamentals of regulating public relations in the field of providing food aid to poor citizens of the Russian Federation in the current socio-economic conditions. **Objective** — on the basis of a comprehensive analysis of laws and by-laws to identify key problematic aspects of the implementation of the mechanism of domestic food aid and formulate proposals, to improve the legal framework of this mechanism. **Methodology:** general and specific methods of scientific cognition, including abstraction, analysis, synthesis, comparative-legal and formal-legal methods. **Results:** in order to meet the needs of low-income citizens of the Russian Federation in food and support domestic food producers the researcher proposed a set of measures aimed at improving the effectiveness of legal regulation of the state system for providing domestic food assistance. **Conclusions:** the author concludes that the modern model of normative regulation of domestic food aid and the mechanism of its implementation

© Вечернин Денис Сергеевич, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических и общеобразовательных дисциплин (Гжельский государственный университет); e-mail: d.vechernin@yandex.ru

© Vechernin Denis Sergeevich, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Law and General Education Disciplines (Gzhel State University)

require significant updating in connection with changes in legislation in this area and the growing attention to the problem of supporting poor citizens by public authorities at all levels.

Keywords: *food aid, food security, food quality, social security.*

В настоящее время в связи с высокими темпами роста цен на продовольственные товары и ухудшением социально-экономического положения различных категорий населения в Российской Федерации особую актуальность приобретает изучение правовых основ оказания продовольственной помощи малоимущим и реализации соответствующей государственной политики в данной сфере.

Несмотря на очевидную важность и востребованность указанной темы научных исследований, проблема предоставления продовольственной помощи является объектом главным образом экономических исследований [1–4], в то время как правоведы не уделяют этому вопросу достаточного внимания. Поэтому целью данного исследования выступает анализ нормативно-правовых основ механизма внутренней продовольственной помощи, на основе которого формируются предложения по внесению необходимых изменений в действующую нормативную правовую базу с целью формирования единого подхода к оказанию внутренней продовольственной помощи и повышению эффективности ее предоставления. В соответствии с Конституцией России — социальное государство, которое создает необходимые условия для социального обеспечения нуждающихся граждан¹.

В настоящее время в рамках проводимой государственной политики реализуются различные меры социальной поддержки граждан с доходами ниже прожиточного минимума²: в частности, Федеральным законом от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» предусматриваются такие виды оказания государственной социальной помощи, как денежные выплаты (социальные пособия, субсидии и др.) и натуральная помощь (топливо, продукты питания, одежда, обувь, медикаменты и другие виды натуральной помощи)³. Оказание (предоставление) государственной социальной помощи является расходным обязательством субъектов РФ.

В утвержденной в январе 2010 г. Доктрине продовольственной безопасности РФ была заявлена необходимость формирования механизмов оказания адресной помощи группам населения, уровень доходов которых не позволяет им обеспечить полноценное питание. В связи с этим в рамках реализации данной Доктрины в 2014 г. была утверждена Концепция развития внутренней продовольственной помощи (далее — Концепция)⁴, а также план мероприятий по ее реализации⁵.

¹ См.: Конституция РФ: принята 12 декабря 1993 г. (с изм. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 6933.

² По данным Росстата, за январь–сентябрь 2023 г. численность населения с денежными доходами ниже границы бедности по Российской Федерации составила 10,2 % от общей численности населения (14,8 млн человек).

³ См.: Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1999. № 29, ст. 3699; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5768.

⁴ См.: Распоряжение Правительства РФ от 3 июля 2014 г. № 1215-р «Об утверждении Концепции развития внутренней продовольственной помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 28, ст. 4106.

⁵ См.: Распоряжение Правительства РФ от 11 октября 2014 г. № 2028 «Об утверждении плана мероприятий по реализации Концепции развития внутренней продовольственной помощи в Российской Федерации, утвержден Распоряжением Правительства РФ от 3 июля 2014 г. № 1215-р» // СЗ РФ. 2014. № 43, ст. 592.

Под внутренней продовольственной помощью в Концепции понимается система государственной помощи населению РФ в форме прямых поставок продуктов питания заинтересованным лицам или предоставление денежных средств для приобретения ими продовольствия с целью улучшения питания и достижения его сбалансированности с учетом рациональных норм потребления пищевых продуктов.

Необходимо отметить, что параллельно с разработкой федеральной Концепции в субъектах РФ было инициировано проведение «пилотных» проектов в целях самостоятельной апробации механизмов внутренней продовольственной помощи. В частности, Минсельхозом России было принято решение о реализации в 2013–2015 гг. «пилотных» проектов в пяти субъектах РФ: в республиках Мордовия и Бурятия, Ульяновской, Омской и Саратовской областях [5, с. 2].

Представляется, что данный формат может быть принят к рассмотрению для возможной реализации в федеральном масштабе при условии готовности торговых сетей взять на себя затраты по выпуску и техническому обслуживанию продовольственных карт и финансирования федеральным бюджетом данной программы.

По информации Департамента регулирования рынков Минсельхоза России, реализация региональных «пилотных» проектов продемонстрировала высокую результативность как с точки зрения решения важной социальной задачи поддержки нуждающихся граждан, так и направления косвенной поддержки сельскохозяйственных производителей за счет стимулирования спроса на их продукцию.

Необходимо отметить, что указанная Концепция была разработана на основании положений Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120¹. Так как с 21 января 2020 г. действует новая Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации², представляется, что Концепция развития внутренней продовольственной помощи подлежит актуализации.

В 2016–2018 гг. Минпромторг России в рамках проектной группы совместно с Минсельхозом России, Минэкономразвития России, Минтрудом России, Минздравом России, Роспотребнадзором, Банком России разработал и согласовал проект Программы поддержки потребительского спроса на продовольствие (далее — Программа). Работа над Программой ведется в соответствии с поручением Минпромторгу России по итогам Заседания Правительства РФ от 11 февраля 2016 г. № 4³.

Данная программа является инструментом поддержки отечественной экономики за счет стимулирования потребительского спроса на отечественное продовольствие. Параллельно выполняется социальная задача в виде помощи малоимущим гражданам.

Механизм Программы предусматривает, что социально незащищенные категории граждан будут получать из федерального бюджета на специальную карту (электронный продовольственный сертификат платежной системы

¹ См.: Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 5, ст. 502.

² См.: Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 4, ст. 345.

³ См.: Официальный портал Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/meetings/21755/decisions/> (дата обращения: 26.12.2023).

«МИР») фиксированную денежную сумму с целью приобретения широкого набора отечественных продуктов питания, за исключением алкогольных, сладких безалкогольных напитков и других продуктов не для здорового питания. Получателями денежных средств должны стать граждане с доходами ниже величины прожиточного минимума в конкретном регионе.

Важная особенность Программы заключается в том, что она не искажает рыночные механизмы, так как купить продукты питания можно будет в любом продуктовом магазине при условии оплаты покупки банковской картой российской платежной системы «МИР». Точно так же любой российский производитель или торговая организация смогут заявить производимые ими продукты для участия в данной Программе.

Разработчики предполагали, что после согласования в рамках проектной группы дорожная карта по реализации Программы поддержки потребительского спроса на продовольствие будет внесена на утверждение в Правительство РФ, но в 2018 г. работа проектной группы была приостановлена.

Между тем актуальность данной Программы не только не снизилась, но в условиях экономических трудностей и существенного сокращения доходов различных категорий граждан значительно повысилась. Поэтому представляется целесообразным актуализировать Концепцию развития внутренней продовольственной помощи с учетом опыта ее реализации и особенностей текущей социально-экономической ситуации, а также возобновить работу над Программой поддержки потребительского спроса на продовольствие с участием общероссийских и отраслевых предпринимательских союзов.

По мнению автора, при реализации Программы поддержки потребительского спроса на продовольствие необходимо предусмотреть:

осуществление внутренней помощи в виде адресной продовольственной поддержки и социального питания малоимущих слоев населения;

реализацию мер поддержки отечественных производителей, задействованных в оказании внутренней продовольственной помощи;

использование современных информационных технологий для учета и обеспечения адресности пищевой продукции.

Необходимо отметить, что реализация Программы поддержки потребительского спроса на продовольствие будет также способствовать более полному раскрытию инструментария «зеленой корзины» Всемирной торговой организации, а также достижению целей Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 г.¹

Учитывая изложенное, в целях удовлетворения потребностей граждан РФ с низкими доходами в сбалансированном питании и поддержки предприятий российского агропромышленного комплекса и пищевой промышленности считаем целесообразным рекомендовать:

подготовить и принять новую редакцию Концепции развития внутренней продовольственной помощи в Российской Федерации (утвержденную Распоряжением Правительства РФ от 3 июля 2014 г. № 1215-р) с учетом анализа эффективности реализации действующей Концепции;

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 8 сентября 2022 г. № 2567-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» (в ред. от 23 ноября 2023 г.) // СЗ РФ. 2022. № 38, ст. 6481; 2023. № 50, ст. 9093.

актуализировать проект Программы поддержки потребительского спроса на продовольствие, разработанный в 2016–2018 гг., с участием представителей отраслевых предпринимательских союзов и ассоциаций и принять данную программу с финансированием мероприятий по оказанию внутренней продовольственной помощи из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ;

рассмотреть вопрос определения ответственного федерального органа исполнительной власти, уполномоченного за разработку мероприятий проекта Программы поддержки потребительского спроса на продовольствие, разработанный в 2016–2018 гг., наделение данного федерального органа полномочиями по координации вопросов, связанных с оказанием внутренней продовольственной помощи, а также предусмотреть участие в данной программе производителей продовольственных товаров и торговых организаций;

совершенствовать действующую нормативную правовую базу с целью формирования единого подхода к реализации механизма внутренней продовольственной помощи;

определить на федеральном уровне порядок и критерии оказания внутренней продовольственной помощи, а также нормативные пороговые показатели нуждаемости в субъектах РФ;

возобновить работу Рабочей группы по формированию системы внутренней продовольственной помощи при Комиссии Правительства РФ по вопросам агропромышленного, рыбохозяйственного комплексов и устойчивого развития сельских территорий, образованной в соответствии с решением от 17 декабря 2013 г. № 7699п-П11.

Библиографический список

1. *Иванова В.Н., Серегин С.Н.* Внутренняя продовольственная помощь — региональный аспект реализации социального проекта // Пищевая промышленность. 2016. № 8. С. 32–35.
2. *Воронин Б.А., Чупина И.П., Воронина Я.В.* К вопросу о реальности развития внутренней продовольственной помощи в Российской Федерации // International Agricultural Journal. 2020. Т. 63, № 6. С. 17–28.
3. *Миненко А.В.* Внутренняя продовольственная помощь как механизм обеспечения продовольственной безопасности // Экономика и предпринимательство. 2018. № 4(93). С. 126–130.
4. *Роднина Н.В.* Внутренняя продовольственная помощь в Российской Федерации: проблемы и решения // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16, № 3. С. 484–494.
5. *Стукач В.Ф.* Продовольственная помощь нуждающимся слоям населения // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. № 5. С. 25.

References

1. *Ivanova V.N., Seregin S.N.* Domestic Food Aid — a Regional Aspect of the Implementation of a Social Project // The Food Industry. 2016. No. 8. P. 32–35.
2. *Voronin B.A., Chupina I.P., Voronina Ya.V.* On the Issue of the Reality of the Development of Domestic Food Aid in the Russian Federation // International Agricultural Journal. 2020. Vol. 63, no. 6. P. 17–28.
3. *Minenko A.V.* Internal Food Aid as a Mechanism for Ensuring Food Security // Economics and Entrepreneurship. 2018. No. 4(93). P. 126–130.
4. *Rodnina N.V.* Domestic Food Aid in the Russian Federation: Problems and Solutions // Regional Economics: Theory and Practice. 2018. Vol. 16, no. 3. P. 484–494.
5. *Stukach V.F.* Food Aid to Needy Segments of the Population // Electronic Scientific and Methodological Journal of Omsk State University. 2018. No. 5. P. 25.

И.Н. Дехтярь, Е.Э. Стародубцев

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ ЛИЦАМ, НАХОДЯЩИМСЯ
В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО, НАРКОТИЧЕСКОГО
ИЛИ ИНОГО ТОКСИЧЕСКОГО ОПЬЯНЕНИЯ**

Введение: в 2020 г. Государственная Дума Федерального Собрания РФ приняла ряд законов, регламентирующих общественные отношения в части оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения. Упраздненные ранее специализированные учреждения для помощи обозначенным лицам, так называемые вытрезвители, вновь начали свою деятельность в некоторых субъектах РФ. Однако по-прежнему открытыми остаются вопросы организации и деятельности данных учреждений, целесообразности их существования. **Цель** — рассмотреть исторические аспекты деятельности вытрезвителей, обосновать целесообразность их существования, предложить решение отдельных проблем их организации и функционирования. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности: анализ, синтез, абстрагирование, системный, сравнительно-исторический, формально-юридический. **Результаты:** проанализированы нормативные источники правового регулирования организации и деятельности вытрезвителей, их финансирования, определены основные направления совершенствования положений правовых актов в целях повышения эффективности их деятельности. **Вывод:** вытрезвители представляют собой перспективное звено государственного механизма защиты прав и свобод человека и личности, охраны и обеспечения законных интересов общества и государства. Однако следует решить отдельные вопросы их организации, финансирования и деятельности.

Ключевые слова: вытрезвитель, обеспечение безопасности, законные интересы государства, социальная значимость, медицинская помощь, общественный порядок, законность.

© Дехтярь Иван Николаевич, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ivandehtyar@mail.ru

© Стародубцев Евгений Эдуардович, 2024

Обучающийся Института прокуратуры (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: starodubtzeff.evgeny2017@yandex.ru

© Dekhtyar Ivan Nikolaevich, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (Saratov State Law Academy)

© Starodubtsev Evgeny Eduardovich, 2024

Student of the Institute of Prosecution (Saratov State Law Academy)

I.N. Dekhtyar, E.E. Starodubtsev

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE ORGANISATION
AND FUNCTIONING OF SPECIALISED INSTITUTIONS
TO PROVIDE ASSISTANCE TO PERSONS UNDER THE INFLUENCE
OF ALCOHOL, DRUGS OR OTHER TOXIC INTOXICANTS

Background: in 2020 the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation adopted a number of laws regulating social relations in terms of providing assistance to persons under the influence of alcohol, drugs or other toxic substances. The previously abolished specialized institutions for assisting such persons, the so-called sobering-up centers, have started operating again in some constituent entities of the Russian Federation. However, there are still open questions about the organization and operation of these institutions and the expediency of their existence.

Objective — to analyze historical aspects of the activities of sobering-up centers, to substantiate the expediency of their existence, to propose solutions to certain problems of their organization and functioning. **Methodology:** general and specific scientific methods of cognition of objective reality: analysis, synthesis, abstraction, systemic, comparative historical, formal legal. **Results:** the normative sources of legal regulation of the organization and activity of sobering centers, their financing were analyzed, the main directions for improving the provisions of legal acts in order to increase the efficiency of their activity were determined. **Conclusion:** sobering-up centers represent a promising link in the state mechanism for protecting human and individual rights and freedoms, protecting and ensuring the legitimate interests of society and the state. However, certain issues of their organization, financing and activities should be resolved.

Keywords: detention center, ensuring security, legitimate interests of the state, social significance, medical care, public order, legality.

Для того чтобы выявить социальную сущность учреждений для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, именуемых в простонародье вытрезвителями, проанализировать практику их деятельности в настоящее время, определить существующие проблемы и перспективы развития системы подобных учреждений, необходимо, по нашему мнению, обратиться к историческому опыту их существования в России на различных этапах развития государственности.

История вытрезвителей начинается на заре XX в. Обозначенные учреждения появились в Киеве, Ярославле, Туле и Саратове. Инициатива в их организации принадлежала, как правило, медицинским работникам. Например, у истоков создания самого известного подобного заведения в дореволюционной России — Тульского приюта для опьяневших — стоял авторитетный врач того времени Федор Сергеевич Архангельский. Он видел цель создания вытрезвителя в предоставлении бесплатного помещения, ухода и медицинской помощи тем лицам, «которые будут подбираемы чинами полиции и иным способом на улицах города Тулы в тяжелом и бесчувственном пьяном виде» [1].

Исследователи Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко А.В. Морозов и С.Г. Гончарова отмечали, что уже спустя год существования Тульского вытрезвителя смертность «от опоя» уменьшилась в 1,7 раза, к 1909 г. число лечившихся в «приюте» составило 3 029 человек, а процент успешного излечения достиг 60 [2]. Таким образом, сложно не заметить столь высокую эффективность деятельности вытрезвителей, проявившуюся с первых дней их учреждения.

В свою очередь, Советское государство даже в рамках государственного социалистического строительства не пренебрегало значимостью вытрезвителей в обеспечении правопорядка и законности на городских улицах. Первый советский вытрезвитель появился в 1931 г. в Ленинграде. В дальнейшем подобные организации создавались и в других городах и населенных пунктах при районных отделах милиции [2].

Таким образом, стоит обратить внимание на зарождавшийся полицейский характер открывающихся повсеместно вытрезвителей. Теперь же их перво-степенной задачей становилось не предоставление необходимой медицинской помощи, а предупреждение правонарушений.

Так, на данном этапе вытрезвители приобретают функции общей и частной превенции антисоциальной, вредоносной деятельности. Поэтому на основании Приказа наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии от 1940 г. вытрезвители выведены из подчинения Наркомата здравоохранения и переданы в подчинение НКВД, а после — милиции [1].

Между тем гуманистические идеи и задачи рассматриваемых учреждений не были сведены к нулю, хотя они и имели прямое административное подчинение органам внутренних дел. Вытрезвители стали базой научных социально-гигиенических исследований феномена алкоголизма [2].

На протяжении всего советского периода существования вытрезвителей некоторые аспекты их организации и деятельности претерпевали изменения, однако общая концепция, цели, задачи и методы оставались прежними. Советская модель вытрезвителя сохранилась и в перестроечный период, просуществовав с некоторыми изменениями вплоть до 2011 г. Несмотря на то, что с начала нулевых годов XXI в., как отмечает профессор А.С. Дугенец, граждане все чаще заявляли жалобы на противоправность действий сотрудников вытрезвителей, увеличение объемов собираемости денежных средств с клиентов навязываемых им услуг [1].

Проанализировав исторический опыт организации и функционирования вытрезвителей, можно с уверенностью сделать вывод об их высокой эффективности, общественной полезности и объективно высокой социальной значимости существования и деятельности. Поэтому российский законодатель не оставил вытрезвители скромной вехой в истории дореволюционной медицины и советской системы администрирования.

Так, 22 декабря 2020 г. Государственная Дума Федерального Собрания РФ приняла ряд важнейших актов в обсуждаемом контексте: Федеральные законы «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения»¹ и «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона “О полиции”»².

В силу обозначенных поправок органы местного самоуправления были наделены правом на осуществление мероприятий по оказанию помощи лицам,

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 464-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения» (в ред. от 21 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. 2021. № 1, ч. 1, ст. 3; 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973.

² См.: Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 465-ФЗ «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона “О полиции”» // СЗ РФ. 2021. № 1, ч. 1, ст. 4.

находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения¹, а сотрудники полиции уполномочены доставлять граждан, находящихся в общественных местах в состоянии любого вида опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, либо при наличии оснований полагать потенциальную вредоносность их действий в медицинские организации или в специализированные организации².

По данным пресс-центра МВД России, сегодня вытрезвители действуют уже в 26 регионах, среди которых Татарстан, Бурятия, Самарская, Тамбовская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа и другие субъекты. За первое полугодие 2023 г. в вытрезвители было доставлено более 75 тысяч человек, что на 9 тысяч превышает показатели 2022 г.³

Настоящие данные говорят о высокой востребованности подобных учреждений. В свою очередь, министр внутренних дел В.А. Колокольцев обратил внимание на положительную динамику «сокращения количества преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения»⁴.

Выявляя проблемные аспекты функционирования вытрезвителей, необходимо, на наш взгляд, анализировать их организацию и деятельность по следующим положениям: нормативное регулирование, экономический базис, правовые основания применения меры в виде помещения лица в специальное учреждение.

Так, правовой статус вытрезвителей определяется преимущественно актами органов местного самоуправления в силу положений ст. 14.1, 15.1, 16.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁵ и регионального законодательства о делегировании полномочий органам публичной власти муниципалитетов в части осуществления мероприятий по оказанию помощи лицам, находящимся в состоянии опьянения⁶.

¹ См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 14 февраля 2024 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822; 2024. № 8, ст. 1044.

² См.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 900; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6172.

³ См.: В трети регионов России создали медицинские вытрезвители // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19669055> (дата обращения: 21.02.2024).

⁴ См.: В 26 регионах России уже работают вытрезвители // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/09/13/pianum-mesto.html> (дата обращения: 21.02.2024).

⁵ См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 14 февраля 2024 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822; 2024. № 8, ст. 1044.

⁶ См., например: Закон Тамбовской области от 27 декабря 2022 г. № 226-З «О наделении администраций отдельных городских округов Тамбовской области отдельными государственными полномочиями Тамбовской области по организации и осуществлению мероприятий по оказанию помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, включая создание специализированных организаций для оказания помощи указанным лицам» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6800202212300025>; Закон Республики Татарстан от 10 июля 2017 г. № 50-ЗРТ «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов государственными полномочиями Республики Татарстан по оказанию в специализированных учреждениях услуг лицам, находящимся в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения и утратившим способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1600201707140001?rangeSize=50> (дата обращения: 21.02.2024).

Пункты «б» и «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ относят обеспечение правопорядка и общественной безопасности, оказание доступной и качественной медицинской помощи (на чем и базируются основные задачи вытрезвителей) к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов¹.

Однако ввиду того, что функция общественной безопасности имеет значение для всего общества в целом, представляется логичной централизованная модель правового регламентирования деятельности вытрезвителей.

В данном контексте была бы предпочтительней двухуровневая система нормативной регламентации: акты федерального законодателя закрепляли бы базовые, типичные модели правоотношений (в части полномочий органов государственной власти, вопросов финансирования, юридических последствий доставления в вытрезвитель), возникающих в процессе деятельности вытрезвителей, а нормативные правовые акты субъектов РФ осуществляли бы детальную регламентацию исходя из демографических и иных особенностей конкретного региона.

В аспекте финансового обеспечения деятельности рассматриваемых учреждений следует отметить, что межведомственный приказ устанавливает, что финансирование организации и осуществления мероприятий по оказанию помощи лицам, находящимся в состоянии опьянения, в специализированных организациях осуществляется органами государственной власти субъекта РФ самостоятельно, за счет средств его бюджета. Однако предусматриваются и федеральные субвенции².

Ранее высказывалась позиция о возможности организации платных учреждений для помощи гражданам, находящимся в состоянии опьянения, на основах государственно-частного партнерства³. Реализация данного предложения, на первый взгляд, позволила бы снизить финансовую нагрузку на бюджеты регионов с учетом того аспекта, что действующие в настоящее время Правила⁴ предусматривают вариант самостоятельного обращения граждан в соответствующие учреждения. Вместе с тем остается открытым вопрос о допустимости взыскания денежных средств с граждан, помещаемых в специализированные учреждения без их согласия.

Рассмотрение помещения гражданина в специализированное учреждение в качестве медицинской помощи позволило бы обратиться к положениям ст. 32

¹ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 1 июля; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

² См.: Приказ Минздрава России № 796н, Минтруда России № 788н, МВД России № 962 от 19 декабря 2022 г. «Об утверждении Правил организации деятельности специализированных организаций для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения»: зарег. в Минюсте России 29 декабря 2022 г. № 71875 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.06.2024).

³ См.: В России откроются платные вытрезвители // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/01/01/v-rossii-otkroiutsia-platnye-vytrezviteli.html> (дата обращения: 23.06.2024).

⁴ См.: Приказ Минздрава России № 796н, Минтруда России № 788н, МВД России № 962 от 19 декабря 2022 г. «Об утверждении Правил организации деятельности специализированных организаций для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения»: зарег. в Минюсте России 29 декабря 2022 г. № 71875 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.06.2024).

и 35 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, согласно которым в случае, если лицо находится в состоянии, требующем срочного медицинского вмешательства, ему оказывается скорая медицинская помощь. При этом лицо может находиться в состоянии, которое не позволяет ему выразить свою волю. В любом случае скорая медицинская помощь гражданам должна оказываться бесплатно.

Существует также точка зрения, что расходы по финансированию специализированных учреждений могут быть внесены в систему обязательного медицинского страхования, поскольку «ограничения этического характера не помешали включить в нее аборт, которые в целом для общества являются более социально приемлемыми, чем злоупотребление алкоголем» [3, с. 99].

Однако представляется, что ключевая проблема состоит в том, что при анализе формулировок Правил невозможно сделать вывод о том, относится помещение гражданина в специализированное учреждение к числу мер административного принуждения или нет. Так, помещение и временное пребывание лица в специализированном учреждении осуществляются с его согласия, которое оформляется на бумажном носителе, а в случае, если состояние лица не позволяет ему выразить свою волю, оно оформляется в течение периода его пребывания в специализированном учреждении.

В то же время данная мера должна иметь характер административного принуждения, поскольку направлена прежде всего на обеспечение общественного порядка и предотвращение правонарушений. Для ее применения не требуется согласия лица, к которому она применяется, поскольку это противоречит сущности административного принуждения. Финансирование применения мер административного принуждения осуществляется за счет средств бюджета, что связано с тем, что они опосредуют реализацию публичного интереса.

Таким образом, прежде всего необходимо надлежащим образом решить вопрос о правовом основании принудительного доставления гражданина в специализированное учреждение.

По своей характеристике помещение лица в специальные учреждения вследствие доставления должно выступать мерой административного принуждения [4, с. 173], поскольку реализуется независимо от воли адресата. Она обеспечивает предупреждение правонарушений, которые могут быть совершены как самими лицами, находящимися в состоянии опьянения, так и в отношении них, а также предупреждение угрозы жизни и здоровью помещаемых в учреждения лиц.

Нахождение лица в общественном месте в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, является административным правонарушением. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (КоАП РФ)² регламентирует порядок направления лица на медицинское освидетельствование, что является самостоятельной мерой обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Если данная мера имеет своей целью

¹ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724; 2024. № 1, ч. 1, ст. 59.

² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 29 мая 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2024. № 23, ст. 3054.

установление наличия или отсутствия состояния опьянения, то помещение лица в специальное учреждение преследует цель его вытрезвления, что в дальнейшем обеспечит составление протокола по делу. В то же время процедура помещения лица в специальное учреждение, способствуя реализации производства, регламентирована подзаконным актом, а не КоАП РФ, что должно быть устранено в рамках закрепления данной меры в числе мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении.

Подводя итог, следует сделать вывод о необходимости изменения установленного законодателем подхода к деятельности специализированных учреждений для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения. Она направлена на обеспечение общественного порядка и предотвращение правонарушений, в связи с чем следует закрепить в гл. 27 КоАП РФ отдельную меру обеспечения производства по делу об административном правонарушении — «помещение лица в специализированное учреждение для вытрезвления».

Библиографический список

1. Дугенец А.С. Несколько слов о медицинских вытрезвителях: исторический аспект // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4(37). С. 123–126.
2. Морозов А.В., Гончарова С.Г. Вытрезвители, исторический опыт // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2015. № 3. С. 130–132.
3. Карлов И.В., Зарипов Р.Р. К вопросу о возвращении в России системы вытрезвителей // Право и государство: теория и практика. 2021. № 2. С. 98–101.
4. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2018. 352 с.

References

1. Dugenets A.S. A Few Words About Medical Sobering-Up Centers: Historical Aspect // Bulletin of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4(37). P. 123–126.
2. Morozov A.V., Goncharova S.G. Detoxification Centers, Historical Experience // Bulletin of N.A. Semashko National Research Institute of Public Health. 2015. No. 3. P. 130–132.
3. Karlov I.V., Zaripov R.R. On the Issue of Returning the Sobering-Up Center System to Russia // Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 2. P. 98–101.
4. Administrative Law of the Russian Federation: a textbook for bachelors / ed. by A.Yu. Sokolov. 2nd ed., revised and suppl. M.: Norma : INFRA-M, 2018. 352 p.

К.А. Тихонов

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Введение: институт государственно-частного партнерства, имея большие перспективы, динамично развивается на территории Российской Федерации. **Цель** — исследовать указанный правовой институт, раскрыть его недостатки и предложить свои нововведения в действующее законодательство. **Методологическая основа:** исторический и сравнительный методы, а также диалектический анализ процесса и результата правотворчества. **Результаты:** проанализированы минусы и плюсы государственно-частного партнерства, предложены пути решения проблем, возникающих на практике. **Выводы:** относительно новый институт государственно-частного партнерства зарекомендовал себя с позитивной стороны, ведь его развитие способствует экономическому благосостоянию России.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство (ГЧП), концессия, проблемные вопросы, экономика.

К.А. Tikhonov

PROBLEMATIC ISSUES OF THE INSTITUTE OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP

Background: the institute of public-private partnership, having great prospects, is dynamically developing in the Russian Federation. **Objective** — to investigate the specified legal institution, to reveal its shortcomings and to propose its innovations in the current legislation. **Methodology:** historical and comparative methods, as well as dialectical analysis of the process and result of law-making. **Results:** the disadvantages and advantages of public-private partnership are analyzed, ways to solve problems that arise in practice are proposed. **Conclusions:** the relatively new institution of public-private partnership has proven itself on the positive side: its development contributes to the economic well-being of Russia.

Keywords: public-private partnership (PPP), concession, problematic issues, economy.

Научная трактовка термина «государственно-частное партнерство» (далее — ГЧП) закреплена в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее — Закон № 224-ФЗ) как юридически оформленное на кон-

© Тихонов Константин Алексеевич, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Shtirlec2201@yandex.ru

© Tikhonov Konstantin Alekseevich, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (Saratov State Law Academy)

¹ См.: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29, ч. 1, ст. 4350.

кретный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество партнеров: публичного с одной стороны и частного — с другой. ГЧП регулируется также Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»¹ (далее — Закон № 115).

Концессия (концессионное соглашение) представляет собой одну из приоритетных форм ГЧП, которая подразумевает вовлечение частного сектора в эффективное управление государственной собственностью или в оказание услуг, предоставляемых государством, как правило, на взаимовыгодных условиях².

Основа ГЧП и концессий очень проста — это возможность привлечения частного инвестора, который разделит бы вместе с государством все риски, а главное инвестировал бы свои денежные средства в строящийся объект. Как известно, государство финансирует многие жизненно важные, приоритетные проекты в различных областях: в здравоохранении — строительство новых и реконструкция старых поликлиник и больниц; в образовании — введение в эксплуатацию новых школ и учебных корпусов вузов; в культуре — реставрация памятников и объектов культурного наследия; в инфраструктуре — ремонт старых дорог и прокладка новых скоростных шоссе и др.

К сожалению, приходится констатировать нехватку бюджетных средств на эти и другие проекты. Для решения подобных проблем относительно недавно был создан институт ГЧП, который, несмотря на законодательную новизну в Российской Федерации, имеет глубокие исторические корни.

Так, еще купцы и помещики на протяжении веков, вплоть до Революции 1917 г., помогали Российской империи, субсидируя деньги на возведение храмов, строительство школ, железных путей сообщения и т.д. А государство в благодарность выделяло им земельные наделы, освобождало от уплаты налогов и предоставляло различные льготы. Например, с помощью ГЧП в середине XIX в. началась масштабная прокладка железнодорожных путей сообщения, протяженность которых увеличилась на 20 тысяч километров, часть из них соединила города Рязань и Саратов. Высокие темпы строительства железных дорог помогли решить одну из главнейших государственных задач — развитие транспорта [1].

Приведенные исторические примеры иллюстрируют суть ГЧП и в настоящее время: государство в связи с нехваткой бюджетных ресурсов для создания того или иного объекта приглашает к сотрудничеству частных лиц, которые инвестируют в данный объект свои денежные средства взамен на определенные льготы от государства.

Направлениями ГЧП выступают различные объекты, начиная с транспортной инфраструктуры и заканчивая объектами здравоохранения³. В качестве конкретных современных примеров следует привести:

а) в области дорожного строительства — проект платной автомобильной дороги «Северный обход г. Омска» с бюджетом в 63,2 млрд руб.;

¹ См.: Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // СЗ РФ. 2005. № 30, ч. 2, ст. 3126.

² См.: Официальный сайт «АЛЬТЕРНАТИВА». URL: <https://alt-nn.ru/information/koncessionnoe-soglasenie> (дата обращения: 22.05.2024).

³ См.: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29, ч. 1, ст. 4350.

б) в сфере транспортной инфраструктуры — проект по созданию и эксплуатации транспортной инфраструктуры наземного городского электрического транспорта в г. Краснодаре с бюджетом 28,4 млрд руб.;

в) в сфере здравоохранения — проект по строительству онкологического центра в Камской долине г. Перми стоимостью 17,7 млрд руб.;

г) в области социальной инфраструктуры — универсальный спортивный комплекс с искусственным льдом в Нижнем Новгороде с бюджетом 15 млрд руб.¹

Данные примеры свидетельствуют о крупных вложениях инвесторов и, несомненно, о масштабности и огромных возможностях института ГЧП.

Неоспоримыми преимуществами ГЧП являются экономия бюджетных средств, наглядная эффективность подобных проектов, поскольку граждане ежедневно пользуются транспортными, образовательными и медицинскими услугами. Вместе с тем необходимо указать и на законодательные пробелы, а также выявить возникающие на практике проблемы.

Первый проблемный вопрос — отсутствие у государства официального списка (реестра) поощрительных льгот для частного инвестора. Как известно, на практике в качестве поощрения частной стороне могут быть предоставлены на безвозмездной основе налоговые льготы и квоты; отчисление согласованного процента от прибыли (в случае реконструкции производства), бесплатное получение в собственность земельного участка и другие льготы.

Однако, во-первых, виды этих льгот законодательно не закреплены, что не дает возможности инвестору выбрать вид поощрения заранее и самостоятельно. Во-вторых, поощрения в виде предоставления земельного надела вызывают множество дискуссионных вопросов: каков его размер (площадь), место нахождения (центр города или окраина), и главное, эквивалентна ли стоимость участка вложениям инвестора?

Автором настоящей статьи ранее был приведен пример ГЧП с выкупом частным инвестором гаражных кооперативов, находящихся на прибрежной территории г. Саратова, для продления новой набережной [2]. Тогда инвестору за это был бесплатно предоставлен земельный участок под постройку многоэтажного жилого комплекса. Однако место расположения участка, его площадь и цена остаются коммерческой тайной, что вызывает множество вопросов о целесообразности такого поощрения.

В связи с этим предлагается: во-первых, ввести в Закон № 224-ФЗ статью «Виды поощрений для частной стороны», в которой должны быть прописаны конкретная классификация наград для инвесторов, а также правовая возможность выбрать интересный для них вид; во-вторых, предлагаем создать особый Реестр поощрений для частной стороны при осуществлении ГЧП, в котором будут указаны конкретные земельные участки и другое недвижимое и движимое имущество, которые будут предоставляться частным инвесторам в виде поощрения.

Необходимо законодательно закрепить, что в предложенный Реестр не должны входить природные зоны, а также стратегически важные для страны территории. Помимо этого должно быть закреплено эквивалентное соотношение

¹ См.: Отличники ГЧП. URL: https://www.vedomosti.ru/industry/infrastructure_development/articles/2023/10/26/1002821-otlichniki-gchp (дата обращения: 11.05.2024).

стоимости награды и вложений частного инвестора, то есть цена земельного участка не должна быть выше вложений частной стороны.

Второй проблемный вопрос ГЧП заключается в злоупотреблении частных партнеров. Часто инвесторы, оформив концессионное соглашение и получив определенную льготу от государства, выдают себя банкротами, а следовательно, не могут более вкладывать свои денежные средства в проект ГЧП. В связи с этим предлагаем ужесточить процедуру банкротства, а также создать условия для наиболее качественного отбора кандидатов для заключения концессионных соглашений.

Третий проблемный вопрос — ответственность и риски инвесторов. В ст. 15 «Гарантии прав и законных интересов частного партнера...» Закона № 224-ФЗ не прописана защита инвесторов от необоснованных рисков. А поскольку ГЧП, как правило, является долгосрочным сотрудничеством, то вследствие инфляции вложения инвестора могут возрасти. В связи с этим предлагаем внести в указанную статью часть 12, в которой будут закреплены конкретные гарантии для инвесторов при инфляции и удорожании объекта.

Четвертый проблемный вопрос — отсутствие в Российской Федерации тренда ГЧП. В последнее время стали популярны различные обучающие и развивающие семинары, а также тренинги по разным экономическим направлениям. Однако подобных мероприятий в отношении ГЧП не проводится, что, бесспорно, было бы полезно для поиска будущих потенциальных инвесторов. Для решения данной проблемы представляется возможным предложить методические рекомендации по проведению заявленных занятий.

В заключение необходимо констатировать: хотя институт ГЧП является достаточно новым в Российской Федерации, однако он имеет глубокие исторические корни. Сегодня ГЧП характеризуется с позитивной стороны, обладая большими перспективами для своего развития.

По мнению ведущих ученых школы административного права Саратовской государственной юридической академии, в настоящее время государственное управление в области экономики ведется на основе более гибких косвенных форм и методов, что способствует возрастанию роли государственного регулирования, задающего определенные нормативные рамки деятельности управляющих органов [3].

Следует сделать вывод: эффективное использование ГЧП и его популяризация внесут весомый вклад в экономическое развитие России, одновременно сэкономят огромные бюджетные средства.

Библиографический список

1. Дроздова Н.П. Государственно-частное партнерство в России при строительстве и эксплуатации железных дорог в XIX – начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Менеджмент. 2015. № 2. С. 74–123.
2. Тихонов К.А. Административно-правовое регулирование института государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4(147). С. 64–70.
3. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2018. 352 с.

References

1. *Drozdova N.P.* Public-Private Partnership in Russia in the Construction and Operation of Railways in the XIX – Early XX Century. // Bulletin of St. Petersburg University. Ser.: Management. 2015. No. 2. P. 74–123.
2. *Tikhonov K.A.* Administrative and Legal Regulation of the Institute of Public-Private Partnership in the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 4(147). P. 64–70.
3. Administrative Law of the Russian Federation: textbook for bachelors / ed. by A.Y. Sokolov. 2nd ed., rev. and suppl. M.: Norm : INFRA-M, 2018. 352 p.

Ю.И. Сидорова

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ
В СФЕРЕ ДЕКЛАРИРОВАНИЯ СООТВЕТСТВИЯ**

Введение: в статье рассматриваются составы административных правонарушений в сфере декларирования соответствия: нарушение порядка реализации и маркировки продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия, а также предоставление недостоверных результатов исследований, проводимых для целей оценки соответствия.

Цель — проанализировать правовые основы и практику применения мер административной ответственности за правонарушения в сфере декларирования соответствия, выявить проблемные зоны и сделать предложения по их устранению. **Методологическая основа:** общенаучные и частноправовые методы научного познания, а именно сравнительно-правовой, формально-юридический, толкование и др. **Результаты:** выявлено, что диспозиция статьи 14.45 КоАП РФ не позволяет привлекать к ответственности в некоторых случаях, когда это объективно необходимо. В ст. 14.48 КоАП РФ совершенные деяния не дифференцированы в случаях, когда они повлекли и когда не повлекли тяжкие последствия. **Выводы:** следует изменить диспозицию ст. 14.45 КоАП РФ, изложив ее в новой редакции, а также дополнить ст. 14.48 КоАП РФ частью 2, содержащей квалифицированный состав того же правонарушения.

Ключевые слова: техническое регулирование, подтверждение соответствия, административная ответственность, объективная сторона, угроза причинения вреда, общественная опасность, квалифицированный состав.

Yu.I. Sidorova

**PROBLEMS OF IMPROVING LEGISLATION
ON ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR OFFENCES
IN THE SPHERE OF CONFORMITY DECLARATION**

Background: the article considers the elements of administrative offenses in the sphere of declaration of conformity: violation of the order of sale and labeling of products subject to mandatory confirmation of conformity, as well as the provision of unreliable results of research conducted for the purposes of conformity assessment. **Objective** — to analyze the legal basis and practice of application of measures of administrative responsibility for offenses in the field of declaration of conformity, to identify problem areas and to make proposals for their elimination. **Methodology:** general scientific and private-law methods of scientific cognition, namely comparative-legal, formal-legal, interpretation and others. **Results:** it is revealed that the disposition of Article 14.45 of the CAO RF does not allow bringing to responsibility in some cases when it is objectively necessary. In Article 14.48 of the CAO RF the committed acts are not differentiated in cases when they caused and when they did not cause serious consequences. **Conclusions:** the disposition of Article

© Сидорова Юлия Игоревна, 2024

Аспирант кафедры служебного и трудового права (Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал РАНХиГС); e-mail: julia.simshina1@yandex.ru

© Sidorova Yulia Igorevna, 2024

Postgraduate at the Department of Service and Labor Law (Stolypin Volga Region Institute of Management — branch of RANERA)

14.45 of the CAO RF should be amended, stating it in a new wording, and Article 14.48 of the CAO RF should be supplemented with Part 2 containing a qualified corpus delicti of the same offence.

Keywords: *technical regulation, confirmation of conformity, administrative liability, objective side, threat of harm, public danger, qualified corpus delicti.*

Техническое регулирование — административно-правовой институт, в основе которого лежит группа особых технико-юридических норм права, имеющих структуру «человек–природа», «человек–машина» [1, с. 40] и направленных на регулирование общественных отношений по обеспечению безопасности продукции и связанных с ней процессов. Эти нормы, являющиеся важной частью института обязательных требований, закрепляются в технических регламентах и представляют собой базовый уровень мер безопасности. Второй уровень формируют организационно-методические и информационные меры, обеспечивающие непрерывное, системное и корректное применение технико-технологических мер всеми вовлеченными субъектами, в частности институтом подтверждения соответствия. Отношения в области подтверждения соответствия имеют двойную природу. С одной стороны, они выполняют контрольную функцию, так как обеспечивают проверку соблюдения обязательных требований, с другой — служат для информирования конечного потребителя, предоставляя ему сведения о качестве и безопасности продукции (товара, работ, услуг) и позволяя принять обоснованное решение.

Третий уровень мер безопасности составляют правовые меры, которые служат гарантией требуемого поведения вовлеченных субъектов. Особую роль играет институт административной ответственности за правонарушения в сфере технического регулирования. Так, ст. 14.43 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение обязательных требований технических регламентов, а ст. 14.44 — ответственность за недостоверное декларирование соответствия продукции. Однако при всей их важности не меньшую роль играет ряд иных обеспечивающих составов административных правонарушений, связанных с подтверждением соответствия [2, с. 143].

Согласно ч. 4 ст. 7 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг не допускаются без информации об обязательном подтверждении их соответствия требованиям, обеспечивающим безопасность для жизни и здоровья потребителя, окружающей среды, а также предотвращение причинения вреда имуществу потребителя. По каждому наименованию товара должны указываться номер сертификата соответствия (декларации о соответствии), срок его действия и другие сведения, предусмотренные формами сопроводительных документов [3]. Нарушение этой обязанности влечет ответственность по ст. 14.45 КоАП РФ.

Объектом рассматриваемого правонарушения являются общественные отношения в области обеспечения безопасности. Дополнительным объектом выступают отношения в области подтверждения соответствия.

Объективную сторону правонарушения составляет реализация продукции, которая подлежит обязательному подтверждению соответствия без указания в сопроводительной документации сведений о сертификате соответствия или декларации о соответствии.

Как справедливо отмечает Г.Г. Ячменев, реализация продукта без самого сертификата соответствия не образует объективную сторону данного административного правонарушения [4] и может быть квалифицирована лишь по специальным нормам, которые действуют в отношении определенного вида продукции, например по ст. 13.6 КоАП РФ за использование средств связи без сертификата (ч. 1) или декларации о соответствии (ч. 2) (это справедливо, если продукция реализуется вообще без сопроводительной документации). На наш взгляд, данная ситуация свидетельствует о пробеле в законодательстве. Для его устранения диспозицию ст. 14.45 предлагается изложить в следующей редакции:

«Реализация продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия, без сопроводительной документации или без указания в сопроводительной документации сведений о сертификате соответствия или декларации о соответствии.»

Если на продукцию в принципе отсутствует сертификат или декларация о соответствии, это также попадает под объективную сторону указанной статьи (на наш взгляд, эти составы следовало бы разграничить в виду существенно различающихся угроз безопасности и, соответственно, общественного вреда). Так, Управление Россельхознадзора привлекло главу крестьянского (фермерского) хозяйства за реализацию товара, не прошедшего оценку соответствия (не содержащего в сопроводительной документации сведений о декларации соответствия), по ч. 1 ст. 14.43 и по ст. 14.45 КоАП РФ. Суды первой и апелляционной инстанций согласились, что в действиях (бездействии) индивидуального предпринимателя усматриваются составы данных правонарушений, однако, руководствуясь ч. 2 и 6 ст. 4.4 КоАП РФ, отменили постановление уполномоченного органа о привлечении к ответственности по ст. 14.45. Суд кассационной инстанции не согласился с их выводами в части назначения наказания и постановил, что, поскольку наибольший административный штраф предусмотрен ст. 14.45, административное наказание по двум составам правонарушений, вытекающим из одного деяния, должно быть назначено по данной статье¹.

Субъектом данного правонарушения является заявитель (изготовитель, продавец). С субъективной стороны деяние может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. В рассматриваемом случае следует не согласиться с авторами комментария к КоАП РФ под редакцией Л.В. Чистяковой о том, что данное административное правонарушение может быть совершено только с умыслом [5, с. 243]. Продавец, его должностные лица могут невнимательно отнестись к сопроводительной документации и не знать о ее недостатках. Однако, как справедливо указывают суды, если заявителем не представлены доказательства принятия необходимых и достаточных мер, направленных на соблюдение требований действующего законодательства при реализации продукции, это свидетельствует о наличии состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.45 КоАП РФ².

Для конечного потребителя (на обеспечение безопасности жизни, здоровья и имущества которого преимущественно направлены обязательные требова-

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20 февраля 2023 г. № Ф10-6582/2022 по делу № А64-9965/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 сентября 2020 г. № Ф04-3830/2020 по делу № А75-23956/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

ния технических регламентов) при выборе продукции обычно имеет значение не конкретная информация (номер сертификата соответствия и т.д.), а более общее и наглядное свидетельство того, что продукция соответствует требованиям безопасности и прошла необходимые испытания и процедуры. Одним из таких способов информирования конечного потребителя выступает единый знак обращения. Продукция маркируется единым знаком обращения для подтверждения того, что она соответствует требованиям всех распространяющихся на данную продукцию технических регламентов Евразийского экономического союза (Таможенного союза) и прошла все установленные в них процедуры подтверждения соответствия¹.

Объекты, сертифицированные в системе добровольной сертификации, могут маркироваться знаком соответствия названной системы, порядок применения которых устанавливается ее правилами (в качестве примера можно привести российскую систему добровольной сертификации натуральной и органической парфюмерно-косметической продукции, добровольную систему сертификации продукции по качеству (СКК) и др.).

Если продукция безосновательно маркируется знаком обращения на рынке либо знаком соответствия, это образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.46 КоАП РФ. Объектом правонарушения также будут являться отношения в области обеспечения безопасности и подтверждения соответствия. Объективную сторону образует нанесение на экземпляр продукции, ее упаковку или сопроводительную документацию знака обращения продукции на рынке или знака соответствия продукции, если ее соответствие требованиям технических регламентов не подтверждено в установленном порядке.

Субъектом правонарушения является изготовитель продукции. С субъективной стороны правонарушение может быть совершено только умышленно, при этом сам факт нанесения такой маркировки свидетельствует о наличии умысла.

Отметим, что КоАП не предусматривает административную ответственность за реализацию такой продукции. Представляется, что это не упущение, а вполне рациональное решение, поскольку продавец, который не осуществлял такую маркировку непосредственно (в частности, занимался перепродажей продукции), часто не имеет и не должен иметь возможности устанавливать основания нанесения маркировки. Кроме того, с каждым конкретным товаром, имеющим такую маркировку, связано вполне конкретное лицо, подлежащее административной ответственности за нарушение требований, связанных с подтверждением соответствия.

Часть 1 ст. 14.46 имеет формальный состав независимо от последствий совершенного деяния. Если же действия виновного лица привели к причинению вреда жизни или здоровью людей, животных или растений, окружающей среде либо создали угрозу причинения такого вреда или привели к причинению вреда имуществу, административная ответственность наступает по ч. 2 ст. 14.46. При квалификации деяния необходимо учитывать, что вред или угроза такого вреда должны возникнуть не по причине несоответствия продукции требова-

¹ См.: Решение Комиссии Таможенного союза от 15 июля 2011 г. № 711 «О едином знаке обращения продукции на рынке Евразийского экономического союза и порядке его применения» // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза. URL: <http://www.tsouz.ru/> (дата обращения: 25.05.2024).

ниям технических регламентов (ч. 3 ст. 14.43), а по прямой причине введения в заблуждение потребителя, например при использовании электроприбора в сетях, предназначенных для определенного стандарта, которому он фактически не соответствует, но имеет маркировку. Как верно отмечает Н.А. Морозова, «теория косвенных причинных связей в административном праве отсутствует» [6].

КоАП РФ содержит два состава правонарушений в области подтверждения соответствия, совершаемых особыми субъектами — органами, уполномоченными на проведение работ по сертификации продукции, и испытательными лабораториями. В ст. 14.47 устанавливается ответственность за нарушение правил работ по сертификации, которое может заключаться в выдаче сертификата соответствия с нарушением требований законодательства, необоснованной выдаче или отказе в выдаче, приостановлении или прекращении его действия либо нарушении установленной формы сертификата.

В соответствии со ст. 14.48 испытательная лаборатория и ее должностные лица могут быть привлечены к административной ответственности за предоставление недостоверных или необъективных результатов исследований, испытаний или измерений продукции, осуществляемых для целей подтверждения (оценки) соответствия. Результаты расцениваются как недостоверные, в том числе, если протоколы испытаний оформлены с нарушением требований либо проведены не все требуемые испытания (исследования, изменения), которые включены в область аккредитации испытательной лаборатории, либо выданы протоколы испытаний, не входящих в область аккредитации¹.

Неверные результаты испытаний, выданные лабораторией, могут иметь каскадные последствия и привести к недостоверному декларированию соответствия, а далее — к выпуску в обращение продукции, не соответствующей обязательным требованиям. Мы считаем, что заявитель и продавец должны нести ответственность по ст. 14.44 и 14.43 КоАП РФ в тех случаях, если они знали или должны были знать о недостоверности (необъективности) результатов испытаний. Предлагаем дополнить ст. 14.48 частью 2 с квалифицированным составом следующего содержания:

«Действия, предусмотренные частью 1 данной статьи, повлекшие причинение вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений вследствие введения в заблуждение заказчика испытаний, —

влекут наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пятидесяти до семидесяти тысяч рублей либо дисквалификацию на срок от одного года до трех лет; на юридических лиц — от семисот тысяч до одного миллиона рублей.»

Таким образом, административно-деликтное законодательство в сфере подтверждения соответствия требует определенного совершенствования с учетом накопленных материалов правоприменительной практики.

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10 декабря 2020 г. № Ф10-4734/2020 по делу № А48-511/2020; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 7 декабря 2018 г. № Ф09-8397/18 по делу № А60-16682/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Библиографический список

1. Лукьянова В.Ю. Технический регламент в системе российского законодательства: монография. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ИЗиСП, Контракт, 2017. 208 с.
2. Липатов Э.Г., Филатова А.В., Чаннов С.Е. Административная ответственность: учеб.-практ. пособ. М.: Волтерс Клувер, 2010. 390 с.
3. Ячменев Г.Г. Комментарий к Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.07.2014 № 47 // Арбитражные споры. 2014. № 4. С. 87–148.
4. Ячменев Г.Г. Новеллы законодательства об обороте алкогольной продукции в судебно-арбитражной практике // Арбитражные споры. 2013. № 1. С. 143–170.
5. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Т. 2, ч. 1 / под общ. ред. Л.В. Чистяковой. М.: ГроссМедиа, Росбух, 2019. 1337 с.
6. Морозова Н.А. Составы создания абстрактной и конкретной опасности в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях // Российский юридический журнал. 2022. № 5. С. 96–97.

References

1. *Lukyanova V.Y.* Technical Regulation in the System of Russian Legislation: a monograph. 2nd ed., suppl. and revised. M.: IZiSP, Contract, 2017. 208 p.
2. *Lipatov E.G., Filatova A.V., Channov S.E.* Administrative Responsibility: practical manual. M.: Walters Kluwer, 2010. 390 p.
3. *Yachmenev G.G.* Commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation from 11.07.2014 No. 47 // Arbitration Disputes. 2014. No. 4. P. 87–148.
4. *Yachmenev G.G.* Novels of the Legislation on the Turnover of Alcoholic Beverages in Judicial and Arbitration Practice // Arbitration Disputes. 2013. No. 1. P. 143–170.
5. Article-by-article Commentary to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. Vol. 2, part 1 / ed. by L.V. Chistyakova. M.: GrossMedia, Rosbuh, 2019. 1337 p.
6. *Morozova N.A.* Compositions of Creation of Abstract and Concrete Danger in the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // Russian Law Journal. 2022. No. 5. P. 96–97.

DOI 10.24412/2227-7315-2024-3-95-102
УДК 340

Н.Н. Ковалева, П.В. Ересько, В.Ф. Изотова

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Введение: актуальность статьи обусловлена внедрением подхода к оказанию медицинских услуг с использованием искусственного интеллекта (ИИ) и необходимостью его оценки и разработки, совершенствования правовой базы. **Цель** — проанализировать проблемы и перспективы ИИ в сфере здравоохранения для повышения эффективности медицинских услуг, выявить недостатки существующей правовой базы. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности, анализ, синтез, абстрагирование, формально-юридический и прочие методы научного познания. **Результаты:** обоснована необходимость разработки, совершенствования правовой базы использования ИИ в Единой государственной информационной системе здравоохранения (ЕГИСЗ). **Выводы:** внедрение ИИ в ЕГИСЗ должно сопровождаться обязательной регистрацией, но осложняется правовыми проблемами, что требует разработки, совершенствования правовой базы, в том числе внесения соответствующих изменений в локальные нормативные акты медицинской организации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Единая государственная информационная система здравоохранения, правовое регулирование цифровой трансформации Единой государственной информационной системы здравоохранения.

© Ковалева Наталия Николаевна, 2024

Доктор юридических наук, профессор, руководитель департамента права цифровых технологий и биоправа (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), профессор кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kovaleva.natalia@mail.ru

© Ересько Полина Владимировна, 2024

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: pv.eresko@yandex.ru

© Изотова Вера Филипповна, 2024

Кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vf-izotova@yandex.ru

© Kovaleva Natalia Nikolaevna, 2024

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Digital Technology Law and Bio-law (National Research University Higher School of Economics), Professor at the Department of Information Law and Digital Technologies (Saratov State Law Academy)

© Eresko Polina Vladimirovna, 2024

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Information Law and Digital Technologies (Saratov State Law Academy)

© Izotova Vera Filippovna, 2024

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Information Law and Digital Technologies (Saratov State Law Academy)

N.N. Kovaleva, P.V. Eresko, V.F. Izotova

PROBLEMS AND PROSPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE
IN THE UNIFIED STATE INFORMATION SYSTEM OF HEALTH CARE

Background: the relevance of the article is conditioned by the introduction of the approach to the provision of medical services using artificial intelligence (AI) and the need for its evaluation and development, improvement of the legal framework. **Objective** — to analyze the problems and prospects of AI in the healthcare sector to improve the efficiency of medical services, to identify shortcomings of the existing legal framework. **Methodology:** general and specific scientific methods of knowledge of objective reality, analysis, synthesis, abstraction, formal legal and other methods of scientific knowledge. **Results:** the necessity to develop and improve the legal basis for the use of AI in the Unified State Health Information System (USHIS) will be substantiated. **Conclusions:** introduction of AI in the EGISZ should be accompanied by mandatory registration is complicated by legal problems, which requires the development and improvement of the legal framework, including the introduction of relevant amendments to the local regulations of the medical organization.

Keywords: artificial intelligence, Unified State Health Information System, legal regulation of digital transformation of the Unified State Health Information System.

Современным приоритетным направлением национальной политики РФ является поддержание и сохранение здоровья нации как залога успешного развития экономики государства. В рамках национальных проектов «Здравоохранение»¹ и «Цифровая экономика»² ожидается качественная трансформация здравоохранения за счет применения передовых цифровых технологий, технологий больших данных, интернета вещей, электронного документооборота [1–3].

Ведущие правоведы, такие, например, как М.А. Егорова, А.В. Минбалева, О.В. Кожевина [4], Н.Н. Ковалева [5], В.Б. Наумов, Т.А. Полякова [6], всесторонне исследуют понятие ИИ в контексте российско-правовой системы как информационную систему.

В соответствии с основными стратегическими направлениями в области цифровой трансформации здравоохранения, утвержденными распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2021 г. № 3980-р³, реализуются два ключевых проекта. Первый проект связан с созданием «единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения» (ЕГИСЗ), а второй — с разработкой и внедрением программных платформенных решений в медицинской сфере на федеральном уровне. На настоящий момент созданная ЕГИСЗ позволяет значительно повысить эффективность медицинских услуг с уменьшением оформления документов медицинской сферы, а также существенным образом сократить время оказания

¹ См.: Паспорт национального проекта «Здравоохранение»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16. URL: <http://government.ru/info/35561/> (дата обращения: 28.02.2024).

² См.: Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=328854#WmWZb5Uoe0285TQS> (дата обращения: 28.02.2024).

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2021 г. № 3980-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения». URL: <http://government.ru/docs/all/138589/> (дата обращения: 28.02.2024).

услуг пациентам, использовать электронный вид документов вместо бумажной версии, комплексно работать с огромными массивами медицинских данных. Дорабатывается внедрение ИИ в качестве электронного голосового помощника для записи к врачу.

Для полноценного функционирования информационных систем здравоохранения должны быть решены значимые задачи:

1) обеспечение высокого уровня защиты и сохранности результатов медицинских наблюдений за пациентом (система исключает потерю медицинских документов);

2) организация доступа в ЕГИСЗ к медицинским документам пациента лечащему врачу. Разграничение прав доступа в информационную систему должно базироваться на соблюдении норм врачебной тайны, правового режима персональных данных, требований информационной безопасности;

3) осуществление беспрепятственного доступа к результатам предшествующих обследований в ЕГИСЗ существенно уменьшает сроки обследования пациента, повышает эффективность лечения больного, повышает качество оказываемых услуг;

4) автоматизация создания и ведения медицинской документации, в том числе с использованием технологий ИИ, который будет задействован при проведении контроля и аудита доступа, решать другие задачи информационной безопасности, анализировать диагностические данные больного в ЕГИСЗ [7].

В российском здравоохранении на протяжении последних 20 лет использовались разнообразные автономные информационные системы, различающиеся по назначению, профилю объединяемых медицинских учреждений. Значимость информационных систем для развития здравоохранения отмечали Р.В. Амелин, С.Е. Чаннов, Д.С. Велиева, Т.А. Полякова [8]. ЕГИСЗ можно рассматривать как единую площадку для обмена информацией между специалистами по цифровизации здравоохранения. Единый цифровой контур в здравоохранении призван объединить существующие информационные системы.

Приведение всех информационных систем здравоохранения в единую структуру является трудной задачей, поскольку должно не только поддерживаться стабильное автономное существование отдельных систем, но и осуществляться беспрепятственный обмен данными между ними. Механизм передачи данных между системами должен быть технически обеспечен и поддержан правовыми нормами.

Технологическое решение на основе ИИ в медицинской сфере должно быть обязательно зарегистрировано Росздравнадзором как медицинское изделие в Государственном реестре медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий, и включено в качестве программного обеспечения в реестр российского программного обеспечения¹ [9]. В технической документации должно быть указано на использование технологий ИИ. Если данный факт не указан в документации, то такое медицинское изделие не будет признано изделием с ИИ.

В августе 2020 г. распоряжением Правительства РФ была утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., в которой предложено активно исполь-

¹ См.: URL: <https://reestr.digital.gov.ru/>

зовать экспериментальные правовые режимы с целью снятия ключевых правовых барьеров, препятствующих широкому использованию ИИ и робототехники в здравоохранении.

Правовым барьером использования ИИ в сфере здравоохранения является определение ответственности за причиненный вред здоровью пациента при использовании ИИ и робототехники в процессе оказания медицинской помощи [10]. Искусственный интеллект может быть электронным помощником врача при обработке больших массивов данных в ЕГИСЗ и определении диагноза пациента, но окончательное решение на основе аналитики данных, проведенной ИИ, должен, безусловно, принимать лечащий врач. При этом решении необходимо соблюдать пределы использования ИИ, которые ограничиваются правами человека [11].

По дополнительному соглашению о реализации проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)», подписанного в конце декабря 2022 г. между первым заместителем Министра здравоохранения РФ Владимиром Анатольевичем Зеленским и руководителями региональных проектов, в своей работе медицинские учреждения и организации с 2023 г. должны использовать не менее одного медицинского изделия, работающего на основе ИИ, с обязательной интеграцией в ЕГИСЗ, а в 2024 г. количество таких медицинских изделий увеличилось до трех.

По словам Антона Матвиенко, помощника директора ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский и испытательный институт медицинской техники» Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития (ВНИИИМТ Росздравнадзора), наиболее популярными направлениями использования ИИ являются медицинские изделия, осуществляющие анализ медицинских изображений, данных электронной медицинской карты и видеопотока¹.

Процесс цифровой трансформации здравоохранения сопровождается необходимостью преодоления следующих проблем:

- обеспечение контроля за соблюдением врачебной тайны медицинских изделий ИИ;

- отсутствие правовых механизмов и регламентов использования в ЕГИСЗ в условиях технических неполадок и сбоев;

- наличие пробелов в правовой базе для использования ИИ в медицинской сфере [12; 13];

- соблюдение этических норм и стандартов;

- увеличение административной нагрузки, обусловленной необходимостью параллельного ведения бумажного и электронного делопроизводства [14; 15], до полноценного функционирования ЕГИСЗ. Лишь пятая часть врачей в качестве предпочтения выбирают электронную медицинскую карту вместо бумажной;

- эффект профессионального выгорания врачей;

- нехватка медицинских кадров, способных работать с технологиями ИИ.

Применение ИИ в ЕГИСЗ позволит производить поиск данных об анализах пациента во времени в различных медицинских учреждениях, обрабатывать

¹ См.: ИИ-платформа Минздрава проследит за внедрением искусственного интеллекта в регионах // Новости цифровой трансформации, телекоммуникаций, вещания и ИТ Comnews. URL: <https://www.comnews.ru/content/228287/2023-08-22/2023-w34/ii-platforma-minzdrava-prosledit-za-vnedreniem-iskusstvennogo-intellekta-regionakh> (дата обращения: 28.02.2024).

данные пациента, анализировать полученные данные, предоставлять решение в виде ряда типовых документов, сократить монотонную работу врача при оформлении документов [16].

Перспективы использования ИИ заключаются прежде всего в решении проблем административной нагрузки в сфере здравоохранения. Медицинскими работниками тратится большое количество времени на ведение медицинских карт, которые они могли бы потратить на работу с пациентами. В ЕГИСЗ возможно в перспективе использование ИИ для ведения карточки больного в электронном виде и доступности ее в системе. ИИ может быть использован для автоматического заполнения медицинских карт, составления отчетов и анализа данных пациента.

ИИ не может заменить лечащего врача для установки диагноза и назначения правильного лечения, а также нести ответственность за свои ошибки. Только врач может распознать симптомы развивающейся болезни, однако ИИ может быть полезен в будущем для подбора диагностики на основе анализа больших данных по имеющимся симптомам больного с последующим анализом врача. ИИ может помочь врачам в быстрой и точной диагностике путем анализа медицинских изображений, результатов анализов и истории болезни пациента; принимать обоснованные решения о лечении, основываясь на актуальных данных и научных исследованиях. Информация о пациентах может храниться в нескольких клиниках и содержаться в разных медицинских карточках. Это усложняет сбор анамнеза и постановку диагноза. Интерпретация анализов, тестов и снимков тоже может быть недостаточно точной из-за объема данных. Даже если у врача на руках находится вся необходимая информация, он не всегда может правильно ее интерпретировать и заметить каждую деталь.

ИИ поможет решить проблему профессионального выгорания врачей и уменьшить кадровый голод в сфере здравоохранения. Кроме того, взяв на себя часть административной работы, ИИ может высвободить время врача непосредственно для ухода за пациентами. Тем самым ИИ позволит улучшить качество медицинских услуг, результаты лечения и способствовать повышению удовлетворенности пациентов проведенным лечением.

В заключение следует сказать, что для эффективного использования ИИ в здравоохранении в правовом поле необходимо:

продолжить формирование правовой политики в сфере применения технологий ИИ [17];

разработать правовые механизмы обеспечения врачебной тайны в соответствии со ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» при использовании ЕГИСЗ¹;

разработать правовые механизмы интеграции информационных систем с целью единого взаимодействия систем ЕГИСЗ;

совершенствовать правовую базу использования ИИ в ЕГИСЗ с условием обеспечения врачебной тайны средствами разграниченного доступа и легитимной обработки персональных данных;

совершенствовать использование ИИ в ЕГИСЗ в случаях технических неполадок и сбоев;

¹ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // СЗРФ. 2011. № 48, ст. 6724; 2024. № 1, ч. 1, ст. 6.

проводить правовой анализ и разработку механизмов использования ЕГИСЗ в режимах технических сбоев работы оборудования и программного обеспечения. Как решение этого вопроса может быть создание автономного контура работы ЕГИСЗ на период восстановления работы оборудования;

разрабатывать процедуры последующей интеграции автономных данных в ЕГИСЗ.

Основное направление применения ИИ в сфере здравоохранения связано с развитием электронного обмена информацией. При правовом регулировании данного направления на первый план выходит обеспечение защиты информации от несанкционированного доступа.

Развитие передовых цифровых технологий, ИИ, технологий больших данных в едином цифровом контуре здравоохранения позволит: на новом уровне снизить возрастающую административную нагрузку в здравоохранении, отдать приоритет использованию электронных сервисов и по большей части отказаться от ведения бумажной документации, добиться высоких результатов в области диагностики заболевания и успешного лечения, в том числе в результате использования данных ЕГИСЗ о предшествующих исследованиях пациента, обеспечить информационную безопасность при обмене данными пациентов в ЕГИСЗ.

Для успешной реализации цифровой трансформации отрасли основные усилия должны быть направлены на преодоление проблем, связанных с обеспечением конфиденциальности данных пациентов, этическими вопросами применения медицинских изделий с ИИ, необходимостью подготовки кадров для работы с новыми технологиями. С развитием технологий ИИ и разработкой новых норм права, регулирующих ИИ в здравоохранении, открываются новые возможности и перспективы использования ИИ.

Библиографический список

1. Ковалева Н.Н., Ересько П.В., Изотова В.Ф. Правовые проблемы электронного документооборота в организации // Информационное право. 2020. № 2. С. 20–25.
2. Ковалева Н.Н., Ересько П.В., Изотова В.Ф. Правовые основы интеграции электронного документооборота в цифровую среду вуза // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6(143). С. 277–284.
3. Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: монография по материалам 3.0 Международной научно-практической конференции / Е.Н. Абанина, М.А. Агаларова, Д.А. Агапов [и др.]. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. 432 с.
4. Егорова М.А., Минбалева А.В., Кожевина О.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в здравоохранении в условиях пандемии // Роль и значение права в условиях пандемии: монография по итогам Международного онлайн-симпозиума. М.: Проспект, 2021. С. 130–142.
5. Ковалева Н.Н. Способы идентификации личности в условиях использования телемедицинских технологий // Аграрное и земельное право. 2021. № 7. С. 142–146.
6. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V.V. Arkhipov, A.V. Gracheva, V. B. Naumov [et al.] // State and Law. 2022. No. 1. P. 168–178.
7. Basu K., Sinha R., Ong A., Basu T. Artificial Intelligence: How is It Changing Medical Sciences and Its Future? // Indian J Dermatol. 2020. Sep-Oct; 65(5). P. 365–370.
8. Information systems as a source of official information (on the example of the Russian Federation) / R. Amelin, S. Channov, J. Veliyeva, T. Polyakova // Digital Transformation and Global

Society: Third International Conference, DTGS 2018, St. Petersburg, 30 May – 02 2018 года / Editors: Alexandrov D.A., Boukhanovsky A.V., Chugunov A.V., Kabanov Y., Koltsova O. (Eds.). St. Petersburg: Springer, 2018. P. 3–12.

9. *Ереско П.В., Варламова Е.В.* Правовое регулирование использования отечественного программного обеспечения в России // Информационное право. 2022. № 2. С. 17–20.

10. *Jassar S., Adams S.J., Zarzeczny A., Burbridge B.E.* The future of artificial intelligence in medicine: Medical-legal considerations for health leaders Healthc // Manage Forum. 2022 May; 35(3): 185–189.

11. *Архинов В.В., Наумов В.Б., Смирнова К.М.* Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 4. С. 882–906.

12. *Минбалева А.В.* Регулирование искусственного интеллекта: за и против // Обеспечение информационной безопасности: вопросы теории и практики: сб. ст. Всероссийской научно-практической конференции (Ижевск, 29 мая 2023 г.) / науч. ред. Г.Г. Камалова, В.Г. Ившин, Г.А. Решетникова. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2023. С. 11–20.

13. *Ковалева Н.Н., Новикова Е.А.* Особенности правового регулирования телемедицинских технологий в условиях цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7. С. 150–152.

14. Optimizing the implementation of university digitalization practices / N.N. Kovaleva, P.V. Eresko, V.F. Izotova, Ye.R. Gafarov // European proceedings of social and behavioural sciences: International Scientific and Practical Conference «State and Law in the Context of Modern Challenges» (SLCMC 2021), Saratov, 17 июня 2021 года / ed.: Sergey Afanasyev, Alexander Blinov, Sergey Belousov. Vol. 122. Saratov: European Publisher, 2022. P. 353–359.

15. *Ковалева Н.Н., Ереско П.В., Изотова В.Ф.* Анализ результатов внедрения практик цифровизации вуза // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2022. № 4(51). С. 220–229.

16. *Amisha, Malik P., Pathania M., Kumar V. Rathaur* Overview of artificial intelligence in medicine // J Family Med Prim Care. 2019 Jul; 8(7): 2328–2331.

17. *Полякова Т.А., Камалова Г.Г.* Проблемы формирования правовой политики в сфере применения технологии искусственного интеллекта // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 28–36.

References

1. *Kovaleva N.N., Yeresko P.V., Izotova V.F.* Legal Problems of Electronic Document Management in an Organization // Information Law. 2020. No. 2. P. 20–25.

2. *Kovaleva N.N., Yeresko P.V., Izotova V.F.* Legal Bases of Integration of Electronic Document Management into the Digital Environment of the University // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 6(143). P. 277–284.

3. Challenges of the Information Society: Trends in the Development of Legal Regulation of Digital Transformations: a monograph based on the materials of the 3.0 International Scientific and Practical Conference / E.N. Abanina, M.A. Agalarova, D.A. Agapov [et al.]. Saratov: Saratov State Law Academy, 2022. 432 p.

4. *Egorova M.A., Minbaleev A.V., Kozhevina O.V.* Legal Regulation of Artificial Intelligence in Healthcare in a Pandemic // The Role and Significance of Law in a Pandemic: a monograph based on the results of an international online symposium. M.: Prospekt, 2021. P. 130–142.

5. *Kovaleva N.N.* Methods of Personal Identification in the Conditions of Using Telemedicine Technologies // Agrarian and Land Law. 2021. No. 7. P. 142–146.

6. Definition of Artificial Intelligence in the Context of the Russian Legal System: Critical Approach / V.V. Arkhipov, A.V. Gracheva, V.B. Naumov [et al.] // State and Law. 2022. No. 1. P. 168–178.

7. *Basu K., Sinha R., Ong A., Basu T.* Artificial Intelligence: How Is It Changing Medical Sciences and Its Future? // Indian J Dermatol. 2020. Sep-Oct; 65(5). P. 365–370.

8. Information Systems as a Source of Official Information (on the ex-ample of the Russian Federation) / R. Amelin, S. Channov, J. Veliyeva, T. Polyakova // Digital Transformation and Global Society: Third International Conference, DTGS 2018, St. Petersburg, May 30 – 02 2018 / Editors: Aleksandrov D.A., Boukhanovsky A.V., Chugunov A.V., Kabanov Y., Koltsova O. (Eds.). St. Petersburg: Springer, 2018. P. 3-12.
9. *Eresko P.V., Varlamova E.V.* Legal Regulation of the Use of Domestic Software in Russia // Information Law. 2022. No. 2. P. 17-20.
10. *Jassar S., Adams S.J., Zarzeczny A., Burbridge B.E.* The Future of Artificial Intelligence in Medicine: Medical-Legal Considerations for Health Leaders Healthcare// Manage Forum. 2022 May; 35(3): 185-189.
11. *Arkhipov V.V., Naumov V.B., Smirnova K.M.* The Limits of Making Legally Significant Decisions Using Artificial Intelligence // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 882-906.
12. *Minbaleev A.V.* Regulation of Artificial Intelligence: Pros and Cons // Ensuring Information Security: Issues of Theory and Practice: collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Izhevsk, May 29, 2023) / scien. ed. G.G. Kamalov, V.G. Ivshin, G.A. Reshetnikova. Izhevsk: Publishing House "Udmurt University", 2023. P. 11-20.
13. *Kovaleva N.N., Novikova E.A.* Features of Legal Regulation of Telemedicine Technologies in the Context of Digitalization // Law and Government: Theory and Practice. 2021. No. 7. P. 50-152.
14. Optimizing the Implementation of University Digitalization Practices / N.N. Kovaleva, P.V. Eresko, V.F. Izotova, Ye.R. Gafarov // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences: International Scientific and Practical Convention "State and Law in the Context of Modern Challenges" (SLCMC 2021), Saratov, June 17, 2021 / ed.: Sergey Afanasyev, Aleksandr Blinov, Sergey Belousov. Vol. 122. Saratov: European Publisher, 2022. P. 353-359.
15. *Kovaleva N.N., Eresko P.V., Izotova V.F.* Analysis of the Results of the Implementation of University Digitalization Practices // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2022. No. 4(51). P. 220-229.
16. *Amisha, Malik P., Pathania M., Kumar V.* Rathaur Overview of Artistic Intelligence in Medicine // J Family Med Prim Care. 2019 Jul; 8(7): 2328-2331.
17. *Polyakova T.A., Kamalova G.G.* Problems of Information of Legal Policy in the Field of Application of Artificial Intelligence Technology // Legal Policy and Legal Life. 2023. No. 1. P. 28-36.

А.В. Афанасьевская

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Введение: в настоящее время, благодаря развитию технологий, внедрение искусственного интеллекта изменило функционирование систем здравоохранения и взаимодействие между медицинскими работниками и пациентами. В этом контексте искусственный интеллект способен произвести революцию в системе здравоохранения и укрепить отношения между врачом и пациентом, предлагая постановку точного диагноза в разумные сроки. **Цель** — изучить возможности применения искусственного интеллекта в системе здравоохранения; рассмотреть вопросы ответственности за применение искусственного интеллекта в данной сфере. **Методологическая основа:** анализ, исторический метод. **Выводы:** представленный анализ позволил сформулировать подходы к правовому регулированию искусственного интеллекта в системе здравоохранения. Однако с учетом правовой неопределенности статуса искусственного интеллекта вопросы ответственности требуют дальнейшего исследования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровое здравоохранение, право, ответственность, врач, больницы.

A.V. Afanasievskaya

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE HEALTH CARE SYSTEM: LIABILITY ISSUES

Background: nowadays, due to the development and evolution of technology, the introduction of artificial intelligence changed the functioning of healthcare systems and the interaction between healthcare professionals and patients. In this context, artificial intelligence has the potential to revolutionize the healthcare system and strengthen the doctor-patient relationship, offering accurate diagnosis within a reasonable timeframe. **Objective** — to analyze the opportunities for the application of artificial intelligence in the health care system; to consider the issues of responsibility for the application of artificial intelligence in this field. **Methodology:** method of analysis, historical method. **Conclusions:** the presented analysis allowed us to formulate approaches to the legal regulation of artificial intelligence in the healthcare system. However, given the legal uncertainty of the status of artificial intelligence, liability issues require further study.

Keywords: artificial intelligence, digital health, law, liability, doctor, hospitals.

Указом Президента России от 10 октября 2019 г. № 490 была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта (ИИ) в Российской Федерации на период до 2030 г., направленная на то, чтобы Россия стала одной из передовых стран-лидеров в области искусственного интеллекта.

© Афанасьевская Анна Валерьевна, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: parasolka78@yandex.ru
© Afanasievskaya Anna Valerievna, 2024
Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

Согласно п. 5 Национальной стратегии, под искусственным интеллектом (далее — ИИ) понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека¹.

В настоящее время ИИ получает все большее распространение в различных отраслях, включая бизнес, юриспруденцию и здравоохранение. Внедрение цифровых технологий в здравоохранение стало трансформационным процессом, породив то, что многие сегодня называют HealthTech, или Digital Health.

Технологии искусственного интеллекта разрабатываются как инструмент, помогающий врачам более точно диагностировать заболевания и определять подходящее лечение для пациентов. ИИ может помочь в выявлении и устранении угроз кибербезопасности, в защите конфиденциальных данных пациентов и сохранении целостности системы. Без надлежащего регулирования эти технологии могут вызвать серьезные проблемы с безопасностью [1, с. 426].

Анализируя огромные массивы данных, ИИ может помочь выявить закономерности и взаимосвязи, которые могут быть упущены при традиционном обследовании. Например, искусственный интеллект может изучать геномные данные для выявления пациентов с высоким риском развития определенных заболеваний, что позволяет проводить раннее вмешательство и планировать индивидуальное лечение².

Даже несмотря на значительные преимущества, которые дает ИИ, его внедрение в уход за пациентами не обходится без проблем. Как отмечает А.С. Вантеева, использование ИИ в здравоохранении должно обеспечивать баланс между технологическим прогрессом и этической ответственностью [2, с. 73].

Все большая зависимость от ИИ в здравоохранении также создает значительные риски для безопасности данных, учитывая конфиденциальный характер медицинской информации. Представляется, крайне важно решить эти проблемы, чтобы использовать весь потенциал ИИ в здравоохранении, соблюдая и защищая права и интересы пациентов.

ИИ оказывает влияние не только на клинические аспекты здравоохранения, но и играет преобразующую роль в управлении и координации всей системы здравоохранения. От рационализации и оптимизации операций до улучшения результатов лечения пациентов, ИИ служит важнейшим инструментом для эффективного управления в системе здравоохранения. Повсеместное распространение ИИ в здравоохранении не ограничивается непосредственным уходом за пациентами или диагностикой. Его влияние распространяется на административные и координационные функции, радикально меняя традиционные процессы управления здравоохранением.

Приложения ИИ позволяют оптимизировать рабочий процесс, улучшать результаты лечения пациентов и повышать качество обслуживания — от оп-

¹ См: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

² См: *Aliper A., Plis S., Artemov A., Ulloa A., Mamoshina P., & Zhavoronkov A.* (2016). Deep learning applications for predicting pharmacological properties of drugs and drug repurposing using transcriptomic data. *Molecular pharmaceutics*, 13(7), 2524-2530. URL: <https://doi.org/10.1021/acs.molpharmaceut.6b0024> (дата обращения: 20.02.2024).

тимизации операций до координации ухода. Использование ИИ в управлении здравоохранением может привести к значительному повышению операционной эффективности, управлению затратами и предоставлению услуг.

Одной из областей, где ИИ добился значительных успехов, по мнению Н.А. Храмцовой, является ведение электронных медицинских карт (EHR). ИИ может извлекать, анализировать и представлять информацию о пациентах в структурированном формате, помогая разобраться в огромных объемах данных в системах EHR [3, с. 58]. ИИ также может помочь в прогнозировании потока пациентов, улучшении распределения ресурсов и минимизировать время ожидания пациента.

ИИ позволяет существенно улучшить контроль ухода, особенно для пациентов с хроническими заболеваниями, требующими многостороннего ухода со стороны различных медицинских учреждений. Создавая общие платформы, Н.В. Аликперова отмечает, что ИИ может помочь «координировать работу множества специальностей, учреждений и систем, участвующих в уходе за пациентами со сложными заболеваниями» [4, с. 44].

Так, одним из практических примеров является система координации ухода на основе ИИ, разработанная компанией Jvion, которая использует предикативную аналитику для выявления пациентов, подверженных риску повторной госпитализации, что способствует координации усилий по уходу и потенциальному сокращению количества случаев, которых можно было бы избежать¹.

Необходимо отметить, что прозрачность и подотчетность систем ИИ — важнейшие задачи в системе здравоохранения. Процессы принятия решений, часто называемые черным ящиком, могут быть неясными, что затрудняет понимание о том, как были получены конкретные результаты или рекомендации. Такая неясность порождает вопросы ответственности и подотчетности. «Черные ящики» вызывают опасения из-за сложности предвидеть, как технология будет обрабатывать собранные данные и действовать в соответствии с ними. Это также создает несоответствие между программистами и результатом, поскольку они не контролируют анализ, проводимый технологией.

Таким образом, установление ответственности за дефект может представлять собой проблему при работе с технологией ИИ, которая генерирует собственные данные на основе общих команд.

Появление ИИ в сфере здравоохранения является примером того, что возникла необходимость предметного регулирования, которое способствует достижению необходимого баланса потенциальных преимуществ и «подводных камней». ИИ в сфере здравоохранения представляет предмет серьезных дискуссий в различных областях. Так, Е.В. Павленко считает, что ИИ может улучшить систему здравоохранения за счет повышения точности диагнозов, эффективности оказания медицинской помощи [5, с. 42].

В то же время существуют понятные опасения, что ИИ может изменить отношения между пациентом и врачом, будет способствовать увольнению врачей, подорвет прозрачность, поставит ошибочный диагноз или назначит неправильное лечение из-за сбоя в процессе принятия им решений, что трудно обнаружить.

¹ См: Jvion Core 2021. URL: <https://jvion.com/video/jvion-core-care-optimization-and-recommendation-enhancement/index.html> (дата обращения: 20.02.2024).

Многие видят как перспективы ИИ, так и опасения, связанные с его широким применением [6, с. 92; 7, с. 453]. Тем не менее эти соображения подчеркивают необходимость создания правовой базы для технологий ИИ, которая поможет государствам использовать потенциальные преимущества ИИ и одновременно минимизировать связанные с ним риски.

Из-за неопределенности в отношении ответственности, которую может повлечь за собой использование технологий на основе ИИ, существует нежелание принимать их, особенно в медицинском сообществе.

Однако на данный момент правовая неопределенность сдерживает влияние на дальнейшую интеграцию ИИ в законодательство. Вопросы ответственности и риски могут варьироваться в зависимости от типа ИИ и контекста, в котором он используется. В целом ИИ (включая приложения и физических роботов) можно разделить на слабый и сильный в зависимости от «уровня разумности» технологий. Слабый ИИ (или машинное обучение) — это когда робот учится на существующих данных, а сильный ИИ (или глубокое обучение) — когда робот не только учится на существующих данных, но и генерирует свои собственные данные, которые могут быть получены методом проб и ошибок.

В настоящее время нормативно-правовая база в большинстве стран не успевает за развитием ИИ и в связи с этим отсутствие специальных норм, касающихся ИИ, порождает ряд юридических проблем. Существующие законы не проводят различия между случаями, когда имеет место ошибка в диагностике, неисправности технологии или изначального использования неточных или неподходящих данных для базы обучения. Разработчик программного обеспечения или инженер-конструктор конкретной программы не несут ответственности. Не ясно также, как определить степень ответственности медицинского работника, когда неправильный диагноз или лечение вызваны сбоем в системе или ошибкой при вводе данных.

Следует отметить, что в юридической среде ведутся споры о том, кто будет нести ответственность и как установить границы ответственности, когда роботы, оснащенные ИИ, действуя автономно, причиняют вред пациентам.

Согласно существующей точке зрения, специалист может быть привлечен к ответственности, если он использовал программу искусственного интеллекта за пределами своей профессиональной компетенции, или использовал ее ненадлежащим образом, или использовал ее в обстоятельствах, когда были сомнения в надежности доказательств, связанных с программой искусственного интеллекта, или использовал ее в обстоятельствах, когда он знал, что создатель программы искусственного интеллекта умолчал о негативных фактах [8, с. 116]. В других случаях ответственность может быть возложена на разработчика программы искусственного интеллекта и компанию, которая ее разработала.

Как представляется, разработка нормативных требований для применения технологий искусственного интеллекта в здравоохранении с целью создания развивающейся перспективной среды, основанной на фактических данных, — сложная задача. Эти вопросы необходимо решить, как можно быстрее, чтобы внедрение ИИ в систему здравоохранения было максимально безопасным. Однако для этого потребуются помощь специалистов в области IT-решений.

Необходимо разработать правовую и этическую базу, которая четко определит обязанности всех участников разработки, внедрения и использования ИИ в си-

стеме здравоохранения, то есть установит границы ответственности субъектов данных правоотношений.

Таким образом, внедрение ИИ в систему здравоохранения — это не просто технологическая трансформация, это переход к новой парадигме оказания медицинской помощи — более эффективной, действенной и ориентированной на пациента.

Библиографический список

1. Загарских Е.Ю., Загарских Ю.А. Применение кибербезопасности и использование искусственного интеллекта в медицине // Системный анализ в проектировании и управлении. 2019. С. 425–429.
2. Вантяева А.С. Технологии искусственного интеллекта в сфере медицины и отечественного здравоохранения: социологический аспект // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 6. С. 70–75.
3. Храмовская Н.А. Американский опыт использования электронных медицинских документов // Врач и информационные технологии. 2013. С. 56–66.
4. Аликперова Н.В. Искусственный интеллект в здравоохранении: риски и возможности // Здоровье мегаполиса. 2023. Т. 4, вып. 3. С. 41–49.
5. Павленко Е.В. Киберпространство медицины: интернет как враг и союзник врача и пациента // Социология медицины. 2013. № 1(22). С. 46–42.
6. Пинчук А.Н., Тихомиров Д.А. О взаимодействии человека и искусственного интеллекта: новая социальная реальность в представлении московских студентов // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 3. С. 85–97.
7. Малышкин А.В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 10, вып. 3. С. 444–460.
8. Апостолова Н.Н. Ответственность за вред причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 112–118.

References

1. Zagarskikh E.Y., Zagarskikh Y.A. Application of Cybersecurity and the Use of Artificial Intelligence in Medicine // System Analysis in Design and Management. 2019. P. 425–429.
2. Vantyaeva A.S. Artificial Intelligence Technologies in the Sphere of Medicine and Home Health Care: Sociological Aspect // Society: Sociology, Psychology, pedagogy. 2022. No. 6. P. 70–75.
3. Khrantsovskaya N.A. American Experience of Using Electronic Medical documents // Medical and Information Technologies. 2013. P. 56–66.
4. Alikperova N.V. Artificial Intelligence in Healthcare: Risks and Opportunities // Health of Megacities. 2023. Vol. 4, iss. 3. P. 41–49.
5. Pavlenko E. V. Cyberspace of Medicine: Internet as an Enemy and an Ally of Doctor and Patient // Sociology of Medicine. 2013. No. 1(22). P. 46–42.
6. Pinchuk A.N., Tikhomirov D.A. On the Interaction of Man and Artificial Intelligence: New Social Reality in the Representation of Moscow Students // Knowledge. Understanding. Skill. 2019. No. 3. P. 85–97.
7. Malyshkin A.V. Integration of Artificial Intelligence in Public Life: Certain Ethical and Legal Problems // Bulletin of St. Petersburg University. Law. Vol. 10, iss. 3. P. 444–460.
8. Apostolova N.N. Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence// Soviet-Caucasian Legal Bulletin. 2021. No. 1. P. 112–118.

А.В. Басова

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИЦИНЕ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение: широкое внедрение медицинских изделий на основе искусственного интеллекта в практическое здравоохранение требует изучения соотношения эффективности и правовых рисков их использования в отношении пациентов. **Цель** — изучить зарубежный и отечественный опыт применения медицинских изделий на основе искусственного интеллекта в медицине, определить перспективы и правовые риски. **Методологическая основа:** общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и частные методы исследования (правовое прогнозирование, логико-юридический). **Результаты:** установлен высокий потенциал развития медицинской помощи, основанной на применении технологий искусственного интеллекта, а также риск причинения вреда жизни и здоровью пациентов несовершенством таких технологий. **Выводы:** внедрение медицинских изделий на основе искусственного интеллекта в медицину во много раз превышает риски, которыми нельзя пренебрегать. Это требует совершенствования правового регулирования мониторинга качества и безопасности их использования и технического сопровождения программного обеспечения на весь период их эксплуатации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медицина, риски, пациент, роботы.

A.V. Basova

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MEDICINE: LEGAL RISKS AND PROSPECTS

Background: the widespread introduction of medical devices based on artificial intelligence into practical healthcare requires studying the correlation between the effectiveness and legal risks of their use in relation to patients. **Objective** — to study foreign and domestic experience in the use of medical devices based on artificial intelligence in medicine, to identify prospects and legal risks. **Methodology:** general scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization) and private research methods (legal forecasting, logical and legal). **Results:** a high potential for the development of medical care based on the application of artificial intelligence technologies was established, as well as the risk of harm to patients' life and health caused by imperfections in such technologies. **Conclusions:** the introduction of medical devices based on artificial intelligence into medicine many times exceeds the risks that cannot be ignored. It requires improving the legal regulation of monitoring the quality and safety of their use and technical support of software for the entire period of their operation.

Keywords: artificial intelligence, medicine, risks, patient, robots.

© Басова Алла Викторовна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения (с курсами правоведения и истории медицины) (Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского Минздрава России), доцент кафедры конституционного и муниципального права (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского); e-mail: allsar@rambler.ru

© Basova Alla Viktorovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Public Health and Healthcare (with training in Law and History of Medicine) (Razumovsky Saratov State Medical University of the Ministry of Health of Russia), Associate Professor at the Department of Constitutional and Municipal Law (N.G. Chernyshevsky Saratov National Research State University)

В российское практическое здравоохранение в 2023 г. началось массовое внедрение медицинских изделий (МИ), созданных и работающих на основе технологий искусственного интеллекта (ИИ). Субъекты РФ (за исключением новых территорий) в 2023 г. должны были внедрить не менее одного российского медицинского изделия с использованием ИИ, зарегистрированного Росздравнадзором, а в 2024 г. — не менее трех. Данные требования и Перечень отечественных медицинских изделий на основе технологий ИИ, зарегистрированный в Росздравнадзоре, представлены на сайте оперативного взаимодействия участников Единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)¹.

Согласно Перечню медицинские изделия на основе ИИ представляют собой цифровые программы. На начало марта 2024 г. в Перечень включены 20 изделий, которые в зависимости от цели использования можно разделить на две группы:

программы ИИ для анализа медицинских изображений и цифровой диагностики (анализа рентгена грудной клетки, коленных суставов, анализа томографии органов и фотографий кожных покровов и др.);

системы поддержки принятия врачебных решений на основе данных медицинской документации пациента (жалоб, результатов исследования, возраста, пола, клинических рекомендаций).

Следует заметить, что ведутся разработки отечественных роботов-хирургов на основе ИИ, так как робот да Винчи, разработанный в США, эффективно применяется в России в различных направлениях хирургии (общей, торакальной, эндоваскулярной, в гинекологии, колопроктологии, эндокринологии, урологии), что существенно позволяет снизить инвазивность операций и период реабилитации пациентов [1, с. 100].

В методических рекомендациях по приобретению и внедрению МИ с технологией ИИ в сферу здравоохранения субъектов РФ от 2024 г., утвержденных Минздравом России, указано на необходимость первоочередного внедрения продуктов с наибольшим количеством модальностей, помогающих в диагностике большего количества заболеваний и направленных на анализ маммографии, рентгенографии, флюорографии, компьютерной томографии органов грудной клетки и головного мозга². Следовательно, в медицинские организации внедряются сверхсложные МИ на основе технологий ИИ, что сочетает в себе положительные перспективы и риски.

Преимуществами внедрения выступают ранняя и более точная диагностика заболеваний и факторов риска их развития, профилактика врачебных ошибок, более совершенный подбор лекарственных препаратов в соответствии с клиническими протоколами с учетом индивидуальных особенностей пациента (возраста, пола, жалоб), оптимизация рабочего времени врача, сокращение времени на обработку диагностических данных пациента и постановку диагноза, снижение ко-

¹ См: Портал оперативного взаимодействия участников ЕГИСЗ Минздрава России. URL: <https://portal.egisz.rosminzdrav.ru/news/855> (дата обращения: 28.02.2024).

² См: Методические рекомендации по приобретению и внедрению медицинских изделий с технологией искусственного интеллекта в подсистемы государственной информационной системы в сфере здравоохранения субъекта Российской Федерации: утв. Межведомственной рабочей группой при Минздраве России по вопросам создания, развития и внедрения в клиническую практику медицинских изделий и сервисов с использованием технологий искусственного интеллекта (протокол от 14 февраля 2024 г. № 90/18-6/59) // Портал оперативного взаимодействия участников ЕГИСЗ. URL: <https://portal.egisz.rosminzdrav.ru/materials> (дата обращения: 28.02.2024).

личества дней нетрудоспособности пациентов и смертности населения [2, с. 67]. Кроме того, раннее выявление социально значимых заболеваний (онкологии, туберкулеза), характеризующихся длительным периодом нетрудоспособности, способствует снижению экономического ущерба для граждан и общества.

Вместе с тем использование МИ на основе ИИ в медицинской деятельности — рискованный процесс, требующий специального правового регулирования, так как программное обеспечение МИ с применением технологий ИИ относится к третьему классу потенциального риска с очень высокой степенью (ст. 15.1.1 Приказа Минздрава России от 6 июня 2012 г. № 4н)¹.

Внедрение таких МИ в практическое здравоохранение развитых странах началось раньше и их опыт свидетельствует о возможных ошибках ИИ в постановке диагноза, в рекомендуемом алгоритме лечения в соответствии с клиническими рекомендациями, в порядке проведения хирургического вмешательства. Сбои в работе МИ с ИИ были вызваны неточным вводом данных анамнеза, орфанным (редким) заболеванием пациента, которое ИИ не смог распознать, факторами окружающей среды, высокой погрешностью системы ИИ и изменением программы в результате ее самообучения [3].

Исследование безопасности и эффективности хирургических вмешательств с помощью роботизированных хирургических систем за 14-летний период (2000–2013), проведенное в США, указывает на то, что из 1,7 млн операций 10 624 закончились причинением вреда пациентам, что составляет 0,6 % от числа всех прооперированных. Формы вреда — травмы и причинение смерти в 144 случаях в результате неисправности устройств, работающих на основе ИИ [4].

Оценить эффективность робот-ассистированной хирургии позволило то, что общее количество операций и осложнений вносились в единую открытую базу данных мониторинга качества и безопасности использования хирургов-роботов, что следует оценить положительно. Введение данной базы позволяет оперативно реагировать разработчикам и производителям МИ на выявленные проблемы, предотвращать нарушения прав граждан на охрану здоровья.

Одной из проблем применения ИИ в медицине является наличие у него автономии и способности к самообучению, что приводит к изменению первоначальных программных настроек, возникновению ошибок [5, с. 30]. В США при использовании программы на основе ИИ, позволяющей диагностировать перелом запястья по рентгеновским снимкам было выяснено, что при обнаружении застарелых сросшихся переломов ИИ их интерпретировал как перелом, нуждающийся в наложении гипса и мобилизации конечности [6, с. 11592]. Сбои в программном обеспечении не единичны в зарубежной практике, что актуализирует необходимость проведения мониторинга за МИ на основе ИИ на территории России.

Руководствуясь указанными методическими рекомендациями Минздрава России, субъекты РФ ежегодно должны формировать статистический отчет применения МИ с ИИ, включающий количество обработанных исследований или электронных медицинских карт, число зафиксированных технических ошибок и неблагоприятных событий и размещать его на общественно доступных ресурсах. Сопровождение и техническая поддержка пользователей МИ на основе ИИ долж-

¹ См: Приказ Минздрава России от 6 июня 2012 г. № 4н «Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий» (в ред. от 7 июля 2020 г.) // Российская газета. 2012. 24 октября; URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 10.08.2020.

но осуществляться разработчиком на срок не менее 12 месяцев для обеспечения бесперебойного функционирования программы, периодического ее обновления, исправления ошибок, решения инцидентов и справочных вопросов пользователей.

Данный порядок мониторинга качества и безопасности использования таких МИ не совершенен. Во-первых, мониторинг не должны осуществлять субъекты РФ, так как к исключительному ведению Российской Федерации в соответствии с п. «в» ст. 71 Конституции РФ относится регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, п. «м» — обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных, а согласно п. «р» — учет официальной статистики¹, что позволяет утверждать о необходимости наделения обязанностью федеральный орган исполнительной власти в системе здравоохранения формировать единую базу данных о неблагоприятных событиях и технических ошибках, вызванных МИ, работающих на основе ИИ. Централизованный сбор таких данных позволит более эффективно выявлять несовершенства применяемых МИ на основе ИИ на территории государства, то есть более масштабно и своевременно предпринимать решения по выявленным проблемам.

Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения на основании Приказа Росздравнадзора от 20 мая 2021 г. № 4513² осуществляет мониторинг безопасности МИ при их применении путем выявления побочных действий, не указанных в руководстве по эксплуатации МИ, нежелательных реакций и особенностей, фактов и обстоятельств, создающих угрозу здоровью или жизни пациентов, а также медицинских работников при эксплуатации изделий. Медработники обязаны сообщать о подобных случаях, расследование которых может явиться основанием принятия решения об изъятии из обращения МИ на территории России. Однако информация о неблагоприятных событиях не формируется в единую открытую базу данных, поэтому медработники не могут оценить масштабность возникшей проблемы, ее случайность или закономерность.

Представляется, что открытый Федеральный специализированный реестр мониторинга безопасности применения МИ на основе ИИ более совершенно отражал бы конституционное право на охрану здоровья граждан в период активного введения новаций в российское здравоохранение, способствовал бы повышению уровня доверия врачей и пациентов к таким изделиям. Росздравнадзор должен быть ответственен за его ведение.

Во-вторых, срок сопровождения медицинских организаций и технической поддержки программ ИИ ее разработчиком на 12 месяцев недостаточный, так как МИ с высоким риском потенциальной опасности, со сложным программным обеспечением не подконтрольны медикам. Техническое сопровождение и контроль системных ошибок должны обеспечивать профессионалы-разработчики на весь период использования МИ, так как цена ошибки может быть велика — жизнь человека.

¹ См.: Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 1 июля 2020 г., в ред. от 6 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 1 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 28.02.2024).

² См: Приказ Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения от 20 мая 2021 г. № 4513 «Об утверждении классификации неблагоприятных событий, связанных с обращением медицинских изделий». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 28.02.2024).

Программы ИИ могут качественно функционировать, только если они содержат исчерпывающие алгоритмы информации, отражающие полный набор данных, которые постоянно обновляются ввиду развития медицинских знаний о заболеваниях, формах их течения, лечения [7, с. 47], что особенно важно в программном обеспечении систем поддержки принятия врачебных решений.

Согласно ч. 10 ст. 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.)¹ клинические рекомендации пересматриваются не реже одного раза в три года, следовательно, после пересмотра необходимо обновить программу системы поддержки принятия врачебных решений для формирования актуальных протоколов лечения пациентов ИИ. Сопровождение и техническая поддержка МИ на основе ИИ разработчиками должна осуществляться на весь период эксплуатации изделия.

Таким образом, применение МИ на основе ИИ имеет весьма широкие перспективы для решения проблем укрепления и сохранения здоровья граждан, кадрового дефицита медработников, повышения доступности и качества медицинской помощи для населения. Ожидаемый положительный эффект превышает риски причинения вреда здоровью и жизни граждан, однако ими нельзя пренебрегать, так как здоровье и жизнь человека — абсолютные правовые ценности. В условиях массового внедрения МИ на основе технологий ИИ в российское здравоохранение необходимо развитие правового регулирования данного процесса в соответствии с существующими рисками. Открытый Федеральный специализированный реестр мониторинга безопасности применения МИ на основе ИИ на территории РФ позволил бы более достоверно и эффективно оценить безопасность и результативность их использования в медицине. Необходимо узаконить сопровождение медицинских организаций и техническую поддержку программного обеспечения МИ на основе ИИ разработчиками на весь период эксплуатации изделия медицинскими учреждениями.

Библиографический список

1. Мосоян М.С., Федоров Д.А. Современная робототехника в медицине // Трансляционная медицина. 2020. Т. 7, № 5. С. 91–108.
2. Курдюмов Д.А., Кашин А.В., Рябов Н.Ю., Новицкий Р.Э., Гусев А.В. Опыт применения технологий искусственного интеллекта для развития профилактического здравоохранения на примере Кировской области // Менеджер здравоохранения. 2023. № 6. С. 62–69.
3. Srivastava R. Applications of Artificial Intelligence in Medicine // Exploratory Research and Hypothesis in Medicine. Published online: Sep.: 19, 2023.
4. Alemzadeh H., Raman J., Leveson N., Kalbarczyk Z., Iyer R.K. Adverse Events in Robotic Surgery: A Retrospective Study of 14 Years of FDA // Data. PLoS ONE. 2016. Vol. 11, no. 4.
5. Липчанская М.А. Проблемы определения ответственности при использовании технологий искусственного интеллекта // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 3. С. 26–31.
6. Lindsey R., Daluiski A., Chopra S., Lachapelle A., Mozer M., Sicular S., Hanel D., Gardner M., Gupta A., Hotchkiss R., Potter H. Deep neural network improves fracture detection by clinicians // Proc Natl Acad Sci U S A. 2018. Vol. 115, no. 45. P. 11591–11596.
7. Гусев А.В., Шарова Д.Е. Этические проблемы развития технологий искусственного интеллекта в здравоохранении // Общественное здоровье. 2023. Т. 3, № 1. С. 42–50.

¹ См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724; 2024. № 1, ч. 1, ст. 6.

References

1. *Mosoyan M.S., Fedorov D.A.* Modern Robotics in Medicine // *Translational Medicine*. 2020. Vol. 7, no. 5. P. 91–108.
2. *Kurdyumov D.A., Kashin A.V., Ryabov N.Yu., Novitsky R.E., Gusev A.V.* The Experience of Using Artificial Intelligence Technologies for the Development of Preventive Healthcare on the Example of the Kirov Region // *Health Care Manager*. 2023. No. 6. P. 62–69.
3. *Srivastava R.* Applications of Artificial Intelligence in Medicine // *Exploratory Research and Hypothesis in Medicine*. Published online: Sep.: 19, 2023.
4. *Alemzadeh H., Raman J., Leveson N., Kalbarczyk Z., Iyer R.K.* Adverse Events in Robotic Surgery: A Retrospective Study of 14 Years of FDA // *Data*. PLoS ONE. 2016. Vol. 11, no. 4.
5. *Lipchanskaya M.A.* Problems of Determining Responsibility When Using Artificial Intelligence Technologies // *Bulletin of the Russian Academy of Law*. 2021. No. 3. P. 26–31.
6. *Lindsey R., Daluiski A., Chopra S., Lachapelle A., Mozer M., Sicular S., Hanel D., Gardner M., Gupta A., Hotchkiss R., Potter H.* Deep Neural Network Improves Fracture Detection by Clinicians // *Proc Natl Acad Sci U S A*. 2018. Vol. 115, no. 45. P. 11591–11596.
7. *Gusev A.V., Sharova D.E.* Ethical Problems of the Development of Artificial Intelligence Technologies in Healthcare // *Public Health*. 2023. Vol. 3, no. 1. P. 42–50.

Ю.В. Бекузарова

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ МЕДИЦИНЫ

Введение: в условиях цифровизации современного общества возникает вопрос относительно возмещения вреда, причиненного системами искусственного интеллекта. **Цель** — рассмотреть основные правовые концепции правосубъектности искусственного интеллекта и возможности отнесения его к субъектам права. **Методологическая основа:** комплекс общенаучных методов, включая диалектический, сравнительно-правовой. **Результаты:** проведенный анализ концепций правосубъектности искусственного интеллекта показал, что существует тенденция к отнесению искусственного интеллекта к субъектам права. **Выводы:** отнесение искусственного интеллекта к субъектам права в современных условиях развития общества не предоставляется возможным в связи с отсутствием детально проработанной нормативно-правовой базы, а также неготовностью самого общества к принятию данного факта. Следует отметить, что в будущем такая возможность весьма вероятна при наличии необходимых для этого условий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом, телемедицина, робот.

Yu.V. Bekuzarova

LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF MEDICINE

Background: the digitalization of modern society raises the question of compensation for harm caused by artificial intelligence systems. **Objective** — to consider the main legal concepts of legal personality of artificial intelligence and the possibility of attributing it to the subjects of law. **Methodology:** a set of general scientific methods, including dialectical, comparative legal. **Results:** the analysis of the concepts of legal personality of artificial intelligence has shown that there is a tendency to attribute artificial intelligence to the subjects of law. **Conclusions:** attributing artificial intelligence to the subjects of law in the current conditions of society development is not possible due to the lack of a detailed regulatory and legal framework, as well as the unpreparedness of society itself to accept this fact. It should be noted that in the future such a possibility is very likely, if the necessary conditions for this exist.

Keywords: artificial intelligence, digitalization, responsibility for the harm caused by artificial intelligence, telemedicine, robot.

В рамках стремительного развития цифровых технологий, вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта (ИИ) приобретает особую актуальность, особенно в сфере медицины, где ИИ играет все более значимую роль.

© Бекузарова Юлия Владимировна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Jusmia@mail.ru

© Bekuzarova Yulia Vladimirovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

Данная тема требует тщательного рассмотрения с точки зрения юридических и этических аспектов. Необходимо определить, каким образом ИИ может быть интегрирован в существующую правовую систему и какие гарантии необходимы для обеспечения ответственного и этичного использования этой технологии в медицинской практике. Технологии ИИ широко применяются при прогнозировании и диагностике различных заболеваний, ведении учета банка данных пациентов, консультировании пациентов, протезировании и т.д. Медицинские консультации с помощью применения видео-конференц-связи, так называемая телемедицина, со времен пандемии Covid-19 стала весьма популярна и обеспечивает доступность медицинской помощи большему количеству человек, проживающих в отдаленных районах.

Однако в мировой практике существуют примеры, когда пациентам причиняется вред искусственным интеллектом. В ходе применения программы Watson for Oncology для лечения онкологических заболеваний были выявлены случаи назначения неправильных препаратов. Причиной таких ошибок, по предварительным данным, стало недостаточное обучение алгоритма системы [1, с. 122]. Согласно информации, предоставленной Соединенными Штатами Америки, с 2000 по 2013 г. было зафиксировано 144 летальных исхода, 1 391 случай травмирования пациентов различной степени тяжести и 8 061 инцидент сбоя в работе оборудования, связанного с применением роботизированных систем и инструментов в ходе малоинвазивных хирургических операций [2, с. 13].

В контексте обсуждаемой проблематики возникает важный вопрос о распределении ответственности за потенциальный ущерб, нанесенный пациентам. Следует ли признать ИИ субъектом гражданско-правовых отношений, способным нести ответственность за причинение вреда? Данный вопрос требует тщательного рассмотрения с учетом специфики функционирования ИИ и его взаимодействия с медицинскими специалистами. Необходимо подчеркнуть отсутствие единого мнения по данному вопросу. В научных кругах продолжается дискуссия о возможности такого подхода. При этом каждая страна самостоятельно определяет правовой статус искусственного интеллекта в пределах своей юрисдикции. Существует несколько альтернативных точек зрения, каждая из которых обладает как преимуществами, так и недостатками.

Лидирующие страны в сфере развития технологий искусственного интеллекта предпринимают шаги к признанию его правосубъектности. В качестве примеров можно привести предоставление гражданства роботу в Саудовской Аравии, выдачу патента на изобретение искусственному интеллекту в ЮАР, а также предоставление чат-боту Shibuya Mirai статуса резидента в Японии.

Россия — на этапе становления правовой базы, регулирующей отношения, связанные с созданием и эксплуатацией объектов искусственного интеллекта. Так, в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹ закреплена дефиниция, раскрывающая суть искусственного интеллекта как комплекса технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека и получающих при выполнении конкретных задач результаты, сходные с результатами интеллектуальной деятельности человека. В соответствии с данным определением искусственный интеллект относится к объектам права. Необходимо отметить, что Национальная

¹ См.: СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года¹ предусматривает формирование этических норм в указанной сфере. Для этого была разработана Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года, которая содержит положения в области здравоохранения, направленных на автоматизацию рутинных процессов, внедрение робототехники, автономного интеллектуального оборудования и передовых логистических решений, использование технологий анализа изображений, минимизации рисков пандемий и повышения безопасности хирургических операций².

В настоящее время самой распространенной концепцией является отнесение искусственного интеллекта к объектам права, то есть вещию. Основой данной теории является отсутствие у искусственного интеллекта признаков субъекта права, которые присущи человеку: сознание, чувства, воля и т.д. Представители не учитывают автономность искусственного интеллекта и способность принимать самостоятельные решения, что свидетельствует о недостатках данной позиции.

Другие исследователи, учитывающие признак автономности систем искусственного интеллекта, предлагают распространить на нее режим, применяемый к животным [3, с. 23]. Высказываются даже предложения по наделению искусственного интеллекта статусом юридического лица [4, с. 25].

С полным основанием можно поддержать позицию А. Тюльканова о том, что присвоение статуса юридического лица искусственному интеллекту влечет ряд сложных вопросов, касающихся ответственности за его действия³.

Во-первых, такая классификация может привести к уклонению от гражданской ответственности, поскольку не ясно, кто будет нести ответственность за потенциальный вред, причиненный действиями искусственного интеллекта. Во-вторых, отождествление ИИ с юридическим лицом не всегда корректно, поскольку любая юридическая личность предполагает наличие физических лиц, стоящих за ней и несущих ответственность. В-третьих, присвоение статуса юридического лица может ограничить возможности развития и применения искусственного интеллекта, так как деятельность юридических лиц регламентируется законодательством, которое может оказаться слишком жестким для быстро развивающейся области ИИ.

На современном этапе развития общества и законодательства в области искусственного интеллекта, изложенного в нормах Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации⁴, искусственный интеллект рассматривается как определенная технология (объект), а не субъект права. Однако возникает вопрос о соотношении использования искусственного интеллекта

¹ См.: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) (в ред. от 15 февраля 2024 г.) // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700; 2024. № 8, ст. 1102.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СЗ РФ. 2020. № 35, ст. 5593.

³ См.: Коллизии «права роботов» // It week. URL: <https://www.itweek.ru> (дата обращения: 01.05.2024).

⁴ См.: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

в качестве объекта при оказании медицинских услуг с правом пациентов на получение достоверной информации. Так, согласно Федеральному закону № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ и приказу Министерства здравоохранения РФ № 1177н² обязательным условием оперативного вмешательства является дача информированного добровольного согласия пациента на подобное вмешательство. При этом медицинский работник обязан предоставить подробную и доступную информацию о целях, рисках, возможных вариантах и методах проведения вмешательства, также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи и последствиях. Одним из последствий непредставления информации о методах оказания медицинской помощи, в том числе с использованием технологий ИИ, выступает нарушение прав лиц на получение полной и достоверной информации оказываемых услуг. Учитывая, что использование технологий ИИ может быть отнесено к методам оказания медицинской помощи, граждане имеют право на ознакомление с информацией об этом (ст. 20 указанного Закона). В связи с этим при совершенствовании законодательства в области применения технологий ИИ в медицине целесообразно внести изменения в положения Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», включив в него нормы, регламентирующие методы оказания медицинской помощи с использованием технологий искусственного интеллекта.

Библиографический список

1. Джигоева Е.Г., Пискунова Н.И., Сазонова Т.В. Актуальные вопросы возмещения вреда пациентам в условиях цифровизации медицины // Юридическая наука. 2023. № 8. С. 121–123.
2. Юридическая концепция роботизации: монография / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. 240 с.
3. Дремлюга Р.И., Дремлюга О.А. Искусственный интеллект — субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 120–125.
4. Незнамов А.В., Наумов В.Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. № 2. С. 69–89.

References

1. Dzhioeva E.G., Piskunova N.I., Sazonova T.V. Actual Issues of Compensation for Harm to Patients in the Context of Digitalization of Medicine // Yuridicheskaya nauka (Legal Science). 2023. No. 8. P. 121–123.
2. The Legal Concept of Robotization: a monograph / N.V. Antonova, S.B. Balkhaeva, J.A. Gaunova, etc.; ed. Yu.A. Tikhomirov, S.B. Nanba. M.: Prospect, 2019. 240 p.
3. Dremlyuga R.I., Dremlyuga O.A. Artificial Intelligence — the Subject of Law: Arguments for and Against // Legal Policy and Legal Life. 2019. No. 2. P. 120–125.
4. Neznamov A.V., Naumov V.B. Strategy of Regulation of Robotics and Cyber-Physical Systems // Law. 2018. No. 2. P. 69–89.

¹ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724; 2024. № 33, ч. 2, ст. 5019.

² См.: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 29 октября 2020 г. № 1177н «Об утверждении Порядка организации и осуществления профилактики неинфекционных заболеваний и проведения мероприятий по формированию здорового образа жизни в медицинских организациях» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2024).

О.В. Брянцева

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИЦИНЕ

Введение: искусственный интеллект (ИИ) — одна из новых «сквозных» информационных технологий, которая начала успешно применяться в различных сферах жизни человека и областях экономики, в том числе и в медицине. Однако внедрение искусственного интеллекта, как и любой другой новой технологии, вызывает много вопросов не только технологического характера, но и правового, этического. **Цель** — показать необходимость внедрения ИИ в медицине и обозначить возникающие при этом проблемы и трудности. **Методологическая основа:** сравнительно-правовой анализ использования технологий ИИ. **Результаты:** представлен сравнительный анализ понятий ИИ, закрепленных в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года и ее новой редакции. Обозначены основные направления использования ИИ в медицине. Показаны трудности и проблемы внедрения ИИ в медицине как технологического, так и правового, и этического характера. **Выводы:** использование технологий искусственного интеллекта в медицине имеет большие перспективы, что очень важно, как для развития всего общества, так и жизни отдельного человека, но только при комплексном решении вопросов правового и этического характера. **Ключевые слова:** Стратегия, медицина, информационные технологии, искусственный интеллект, проблемы внедрения, перспективы использования.

O.V. Bryantseva

MAIN DIRECTIONS AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN MEDICINE

Background: artificial intelligence (AI) is one of the new “end-to-end” information technologies, which has begun to be successfully applied in various spheres of human life and economic areas, including medicine. However, the introduction of artificial intelligence, like any other new technology, raises many questions not only of technological nature, but also of legal and ethical nature. **Objective** — to show the necessity of AI implementation in medicine and to outline the problems and difficulties arising in this process. **Methodology:** comparative legal analysis of the use of AI technologies. **Results:** a comparative analysis of AI concepts enshrined in the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period until 2030 and its new edition is presented. The main directions of AI use in medicine are outlined. Difficulties and problems of AI implementation in medicine of both technological, legal and ethical nature are shown. **Conclusions:** the use of artificial intelligence technologies in medicine has great prospects, which is very important both for the development of the whole society and for the life of an individual, but only if the legal and ethical issues are comprehensively settled. **Keywords:** strategy, medicine, information technology, artificial intelligence, problems of implementation, prospects of use.

© Брянцева Ольга Владимировна, 2024

Кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: obryanceva@yandex.ru

© Bryantseva Olga Vladimirovna, 2024

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Information Law and Digital Technologies, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saratov State Law Academy)

Искусственный интеллект (ИИ) — одна из самых популярных и обсуждаемых сегодня технологий [1]. В рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» эта «сквозная технология» выделена в отдельный проект, в отдельное направление¹. Популярность связана с технологическим прорывом в этом направлении, с самим понятием «искусственный интеллект», которое все еще связано с образами из фантастических фильмов и книг, а также с внедрением этой технологии в нашу жизнь и в различные отрасли экономики, в частности в медицину, со всеми возникающими проблемами, как этического, так и правового характера [2].

В октябре 2019 г. Указом Президента РФ была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее — Стратегия), а 15 февраля 2024 г. в этот Указ и в Стратегию были внесены изменения². Немного изменилось и само понятие ИИ: «искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»³. Из определения было исключено слово «самообучение», а выражение «как минимум сопоставимы с результатами деятельности человека» подверглось переосмыслению и изложению в новой редакции, основная мысль которой заключается в том, что результаты деятельности ИИ должны быть сопоставимы с результатами деятельности человека или превосходить их. Это связано, очевидно, с тем, что при самообучении, в созданных и сгенерированных ИИ данных накапливаются ошибки, искажающие реальность⁴. В новой Стратегии ИИ обозначен как важнейшая технология во всех областях жизни общества, в частности в медицине, поскольку может повысить доступность и качество медицинской помощи. Одним из значимых результатов использования ИИ к концу 2023 г., указанных в Стратегии, является использование ИИ для заполнения голосом медицинских документов, что существенно экономит время врача, которое он может потратить на пациента.

О важности внедрения ИИ в медицину говорит и тот факт, что в число шести исследовательских центров, которые получают господдержку на развитие технологий ИИ, вошел НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина⁵. Искусственный интеллект

¹ См.: Цифровая экономика РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 28.02.2024).

² См.: Указ Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063> (дата обращения: 28.02.2024).

³ См.: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. от 15 февраля 2024 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 28.02.2024).

⁴ См.: Коллапс ИИ: чем грозит самообучение на искусственных данных. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/648b13b39a794753f2305d5b> (дата обращения: 28.02.2024).

⁵ См.: Национальный портал в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ai.gov.ru/> (дата обращения: 28.02.2024).

в медицине может использоваться в разных направлениях и для решения самых разнообразных задач [3]. Обозначим некоторые из них:

количество медицинских данных увеличивается экспоненциально. Без помощи новых технологий уже не обойтись;

в такой огромной стране, как Россия, очень важно развивать телемедицину, создавать так называемые облачные клиники. Иногда жизненно необходимо взаимодействие врача и пациента в режиме онлайн;

неоценимую помощь системы ИИ могут оказать в поддержке принятия решений по диагностике заболевания, выработке алгоритма лечения, в прогнозе развития медицинской ситуации;

расшифровка большого объема различных биометрических данных и изображений — это тоже задача для ИИ;

в процессе разработки новых лекарственных препаратов и их тестирования создается огромная база статистических данных, которую необходимо обработать, классифицировать по различным параметрам;

сканирование, анализ и обработка различных материалов из публикаций, новостей, научной литературы и прочее для прогнозирования эпидемий, разработки вакцин, управления экологической безопасностью, для офисного администрирования.

Тем не менее, как и у любой новой технологии, есть не мало проблем внедрения ИИ в медицину [4]. Поскольку технологии ИИ оказывают влияние на результат лечения, то должны проводиться жесткие клинические испытания роботизированных изделий на основе ИИ и их сертификация, а также определены границы их применения. Медицинские данные, на которых обучается ИИ, — это медицинские карты пациентов, которые не всегда полные, могут содержать специфические термины, как правило, не содержат информации о привычках и поведении пациента, поэтому и результаты, выдаваемые ИИ, не всегда могут быть корректными. Более того, персональные данные для обучения обезличены, теряется связь с другими лечебными учреждениями. В связи с этим непонятно, как ИИ принимает решение. При применении искусственного интеллекта всегда остается опасность постановки неправильного диагноза и выбора неэффективного лечения, ведь технологии ИИ, по сути, работают по принципу «черного ящика», и при ошибке в алгоритме понять, почему это произошло, невозможно. При использовании изделий с ИИ ответственность врачей за последствия решения, принятого системой, никак не регламентирована и полностью лежит на медицинских работниках.

Еще одна проблема — обучение и получение необходимых компетенций для работы с искусственным интеллектом. Для внедрения ИИ необходима слаженная работа высококлассных специалистов различных областей знаний. Как правило, массивы данных обрабатываются вне медучреждения, так как нужны большие вычислительные мощности, а это угроза безопасности вывозимых данных. Используемые данные, как отмечалось ранее, обезличены, но даже это в некоторых случаях не спасает от их раскрытия.

Таким образом, для регулирования искусственного интеллекта актуально создание экспериментальных правовых режимов. Как для развития технологий искусственного интеллекта, так и для обеспечения защиты интересов граждан и их персональных данных нужна комплексная оптимальная система регули-

рования общественных отношений и разработка соответствующих этических норм. При недостаточном правовом регулировании возможны нарушения прав и интересов граждан, при избыточном — замедление темпов развития и внедрения технологий искусственного интеллекта.

Какие можно увидеть перспективы использования современных цифровых технологий в медицине? В самых обычных больницах будут использоваться 3D-принтеры для печати человеческих органов. Для доставки питательных и лекарственных веществ в клетки человека будут использоваться нанороботы. Они же могут использоваться для сканирования различных органов. Это не фантастика, ведь технологии развиваются настолько стремительно и все, что раньше казалось невероятным, сейчас стало нормой.

Резюмируя сказанное, отметим, что использование ИИ в медицине обладает большими перспективами, но требуется комплексное решение различных вопросов не только в сфере медицины и цифровых технологий, но и вопросов правового, этического и организационного характера.

Библиографический список

1. *Брянцев И.И., Брянцева О.В.* Правовые и технологические аспекты «национальных» черт искусственного интеллекта // *Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: в 4 т. / отв. ред. С.Д. Могилевский, Ю.Г. Лескова, С.А. Карелина, В.Д. Рузанова, О.В. Шмалий, О.А. Золотова, О.В. Сушкова. М.: Проспект, 2020. Т. 3. С. 88–95.*
2. *Брянцева О.В.* Этические и правовые аспекты искусственного интеллекта // *Информационные технологии в гуманитарных и общественных исследованиях: сб. ст. по матер. Всерос. круглого стола с междунар. участием в рамках Сарат. междунар. юрид. форума, посвящ. 90-летию Сарат. гос. юрид. акад. (Саратов, 7 июня 2021 г.). Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. С. 15–17.*
3. *Васюта Е.А., Подольская Т.В.* Проблемы и перспективы внедрения искусственного интеллекта в медицине // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 25–32.*
4. *Брянцева О.В.* Проблемы использования искусственного интеллекта в медицине // *Эффективный менеджмент здравоохранения: стратегии инноваций: сб. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 23–24 сентября 2021 г.). Саратов: Изд-во Сарат. гос. мед. ун-та им. В.И. Разумовского, 2021. С. 50–53.*

References

1. *Bryantsev I.I., Bryantseva O.V.* Legal and Technological Aspects of the «National» Features of Artificial Intelligence // *Law and Business: the Legal Space for Business Development in Russia: in 4 vol. / ed. S.D. Mogilevsky, Yu.G. Leskova, S.A. Karelina, V.D. Ruzanova, O.V. Shmali, O.A. Zolotova, O. V. Sushkova. M.: Prospekt, 2020. Vol. 3. С. 88–95.*
2. *Bryantseva O.V.* Ethical and Legal Aspects of Artificial Intelligence // *Information Technologies in Humanities and Social Studies : a collection of articles based on the materials of the All-Russian round table with international participation within the framework of the Saratov International Legal Forum dedicated to the 90th anniversary of the Saratov State Law Academy, Saratov, June 7, 2021. Saratov: Saratov State Law Academy, 2021. P. 15–17.*
3. *Vasyuta E.A., Podolskaya T.V.* Problems and Prospects of the Introduction of Artificial Intelligence in Medicine // *State and Municipal Administration. Scientific notes. 2022. No. 1. P. 25–32.*
4. *Bryantseva O.V.* Problems of Using Artificial Intelligence in Medicine // *Effective Healthcare Management: Innovation Strategies: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Saratov, September 23–24, 2021. Saratov: Publishing House Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, 2021. P. 50–53.*

Е.А. Демкина, Н.А. Иванова

ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РЕПРОДУКТИВНОЙ МЕДИЦИНЕ

Введение: искусственный интеллект (ИИ) играет важную роль в области вспомогательной репродуктивной технологии, поскольку помогает врачам-репродуктологам и специалистам в оптимизации процедур, прогнозировании результатов и повышении эффективности лечения. **Цель** — исследовать правовые и этические аспекты использования ИИ в репродуктивной медицине, провести анализ и переосмыслить ключевые вопросы рассматриваемой темы. **Методологическая основа:** анализ научной литературы, законодательства и этических норм, применение качественных и количественных методов. **Результаты:** использование ИИ в репродуктивной медицине непосредственно связано с вопросами приватности, конфиденциальности и соблюдения законодательства о защите данных пациентов. Важно установить четкие правила и нормативы, регулирующие сбор, хранение и использование медицинской информации, полученной с помощью ИИ. **Выводы:** важно осознавать потенциальные негативные и позитивные стороны применения технологий, основанных на искусственном интеллекте, чтобы их использование способствовало благосостоянию и развитию репродуктивной медицины, прогрессу в демографической области.

Ключевые слова: искусственный интеллект, эмбрионы, искусственная матка, биомешок.

E.A. Demkina, N.A. Ivanova

LEGAL AND ETHICAL ASPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN REPRODUCTIVE MEDICINE

Background: artificial intelligence (AI) plays an important role in the field of assisted reproductive technology as it helps reproductive physicians and specialists in optimizing procedures, predicting outcomes and improving the effectiveness of treatments. **Objective** — to investigate the legal and ethical aspects of the use of AI in reproductive medicine, to analyze and rethink key issues related to this topic. **Methodology:** analysis of scientific literature, legislation and ethical norms, the use of qualitative and quantitative research methods. **Results:** the use of AI in reproductive medicine is directly related to issues of privacy, confidentiality and compliance with patient data protection legislation. It is important to establish clear rules and regulations governing the collection, storage and use of medical information generated by AI. **Conclusions:** it is important to recognize the potential negative and positive aspects of the application of technologies based on

© Демкина Елена Анатольевна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: elenadyomkina@yandex.ru

© Иванова Наталия Александровна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ivn_na@mail.ru

© Demkina Elena Anatolyevna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

© Ivanova Natalia Aleksandrovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

artificial intelligence, so that their use contributes to the welfare and development of reproductive medicine and progress in the demographic field.

Keywords: *artificial intelligence, embryos, artificial womb, biobag.*

Несколько десятилетий назад человечество не могло и представить, что цифровые технологии войдут в повседневную жизнь людей: автомобиль без водителя сможет без труда доставить в пункт назначения, голосовые ассистенты будут отвечать на поставленные вопросы, робот без человека сможет провести сложнейшую операцию. Вопрос правового регулирования искусственного интеллекта в настоящее время остро стоит в юриспруденции, поскольку ни в нормативных правовых актах, ни в научной доктрине нет четких ответов на интересующие вопросы.

В Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»¹ содержится определение понятия «искусственный интеллект» как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Инновационные технологии на основе ИИ постепенно внедряются практически во все сферы жизни человека, и репродуктивная медицина не стала исключением. К сожалению, наблюдается тенденция к снижению репродуктивного здоровья российских граждан, поскольку репродуктивное здоровье женщин, мужчин и даже подростков оставляет желать лучшего. По мнению специалистов, в настоящее время в России каждая пятая супружеская пара бесплодна, причем мужское и женское бесплодие уравнилось. Неблагоприятная демографическая ситуация сохраняется не только в Российской Федерации, но и в большинстве зарубежных стран, в связи с чем охрана репродуктивного здоровья является не только острой медико-социальной, но и правовой проблемой.

Государство любой страны отмечает необходимость проведения мероприятий, способствующих достижению демографической политики, ведь население нашей земли стремительно убывает. Так, в Указе Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. от 1 июля 2014 г. № 483)² одним из основных направлений демографической политики называется повышение уровня рождаемости, сохранение и укрепление здоровья населения, укрепление

¹ См.: СЗ РФ. 2020. № 17, ст. 2701.

² См.: СЗ РФ. 2007. № 42 ст. 5009; 2014. № 27 ст. 3754.

института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений.

Как свидетельствует статистика, супружеские пары не всегда могут самостоятельно зачать ребенка, тогда на помощь приходят вспомогательные репродуктивные технологии, под которыми понимают методы лечения бесплодия, при которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне организма. Однако стоит заметить, что вспомогательные репродуктивные технологии не совсем методы лечения бесплодия, а лишь восполнение репродуктивной функции человека.

Смело можно утверждать, что внедрение технологий искусственного интеллекта в медицине является одной из главных тенденций в сфере здравоохранения. На протяжении длительного времени используется инновационная медицинская технология Cortex Pro, созданная на основе нейронных сетей, использующая следующие метрики, а именно: число полученных ооцитов, возраст пациентки, число перенесенных эмбрионов, число замороженных эмбрионов¹.

Несмотря на относительно недавнее внедрение вспомогательной репродуктивной медицины в нашу жизнь, можно констатировать накопление достаточного объема информации, анализ которой позволил установить существенный прогресс использования ИИ в области репродуктологии.

В репродуктивной медицине методы на основе искусственного интеллекта используются для улучшения отбора и прогнозирования сперматозоидов, ооцитов и эмбрионов, а также для создания более качественных прогностических моделей для экстракорпорального оплодотворения. Использование технологий ИИ в этой области оправдано страданиями людей, которые хотят иметь детей, но не могут зачать их. Однако исследования по использованию ИИ в репродуктивной медицине все еще находятся на экспериментальной стадии, кроме того, возникают сложные нормативные вопросы.

В конце 90-х гг. XX в. была осуществлена первая попытка внедрения нейронной сети в репродукцию, с помощью которой можно было с точностью до 60 % спрогнозировать беременность женщины (ключевыми критериями выступали возраст женщины, количество полученных женских половых клеток (ооцитов), количество имплантированных эмбрионов, а также заморозка (криоконсервация) эмбрионов). Данные результаты свидетельствуют о потенциале нейронных сетей в области репродуктивной медицины, особенно в отборе ооцитов для программ ЭКО. Нейронные сети могут обработать большие объемы данных и выявить тонкие закономерности, которые могут быть незаметны для человеческого глаза. Такие методы могут значительно повысить эффективность процедур репродуктивной медицины и помочь пациентам достичь заветной цели — здоровой беременности.

Отбор и анализ спермы являются важным этапом в диагностике плодородия у мужчин. Существует несколько методов анализа спермы, включая изучение концентрации сперматозоидов, их подвижности, формы и т.д. В последние годы ИИ стал активно применяться в анализе спермы, поскольку с его помощью можно автоматизировать этот процесс, улучшив точность и скорость диагностики, а также автоматически сканировать большие объемы данных, что увеличивает

¹ См.: Kaufmann S.J., Eastaugh J.L., Snowden S., Smye S.W., Sharma V. The application of neural networks in predicting the outcome of in-vitro fertilization. *Human Reproduction*. 1997; 12(7):1454-1457. URL: <https://doi.org/10.1093/humrep/12.7.1454> (дата обращения: 20.02.2024).

эффективность процедуры. В настоящее время репродуктологи используют компьютерную систему CASA для интерпретации результатов анализов фертильной способности спермы.

Следующий этап предполагает правильное определение «живучести» эмбриона как 90 %-ной гарантии появления долгожданного ребенка. Врач-эмбриолог может проводить мониторинг эмбрионов без извлечения их из оптимальных условий инкубаторов с помощью покадровой съемки (неинвазивный (визуальный) контроль за развитием эмбрионов).

Отбор эмбриона при помощи ИИ, так же известный, как генетическое селекционирование, или PGD (Preimplantation Genetic Diagnosis), представляет собой тестирование эмбрионов или ооцитов на преимплантационной стадии для определения наличия генетических аномалий или наследственных заболеваний на наличие генетических дефектов. Данный процесс позволяет снизить риск возникновения генетических нарушений у будущего ребенка и повысить шансы на успешную беременность. Однако важно помнить, что отбор эмбрионов с использованием ИИ вызывает некоторые этические вопросы, связанные с моральными аспектами выбора жизни или смерти неразвитого эмбриона.

Прогнозирование результата эмбрионной криоконсервации в процессе ЭКО с использованием ИИ является перспективным направлением в медицинской науке, поскольку искусственный интеллект может анализировать данные о пациенте, его жизненном стиле и состоянии здоровья, а также данные о качестве эмбрионов и процессе их выращивания. С помощью алгоритмов машинного обучения и нейронных сетей ИИ может предсказать вероятность успешного результата ЭКО и помочь врачам и пациентам принять взвешенное решение. Однако в последнее время на просторах медицинских, а также юридических форумов, особенно зарубежных, стали появляться дискуссии о внедрении в качестве еще одной «особенной» репродуктивной технологии (услуги) искусственной матки.

Еще в 1920-х гг. британский ученый Дж. Б.С. Холдейн, придумавший этот термин, размышлял о будущем в 2074 г., в котором менее 30 % детей будут рождаться у женщин¹.

Искусственные матки будущего уже давно находятся в разработке многих стран мира (Германии, Франции, Сингапура, США, Англии, Индии и Китая). Этот метод называется эктогенезом — выращивание плода вне человеческого тела. Такой способ рождения человека обсуждается. Так, китайские исследователи раздвинули границы фантастики, разработав полностью роботизированную систему искусственных маток. Плодами автоматически управляет искусственный интеллект, специально разработанный для эксперимента. Развитие этой технологии происходит на фоне того, что Китай в настоящее время испытывает нехватку рождаемости. Рождаемость в стране крайне низкая, что можно объяснить изменениями в менталитете молодых женщин².

¹ См.: Искусственная матка предназначена для спасения недоношенных детей. Это может изменить то, как мы приходим в этот мир. URL: <https://www.nzz.ch/folio/die-kuenstliche-gebaermutter-soll-fruehgeborene-retten-sie-koennte-veraendern-wie-wir-auf-die-welt-kommen-ld.1734460> (дата обращения: 25.02.2024).

² См.: Функциональная искусственная матка — исследователи тестируют прототип, который может спасти жизни недоношенных детей. URL: <https://www.miaboss.de/kuenstliche-gebaermutter> (дата обращения: 25.02.2024).

В 2017 г. исследователи из детской больницы Филадельфии (США) представили рабочий прототип искусственной матки. В ходе экспериментов система смогла выносить восемь крайне недоношенных ягнят: ученые переместили зародыши в «среду, подобную матке», что позволило животным благополучно появиться на свет¹.

Следует отметить, что среди зарубежного научного сообщества существует ряд ученых, которые абсолютно не согласны с подобным способом рождения детей, так как такая технология нарушает все нормы действующего в этих странах закона о биоэтике². Стоит отметить, что на территории России такого закона не существует и как альтернатива действует Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³.

Между тем возникает ряд вопросов, на которые пока никто не может ответить: как будет реагировать общество на существование нового, видоизмененного типа человека? каково состояние психики этих людей? как быть с тем, что мы естественным образом растем в утробе матери, где происходит не только постоянный обмен важными питательными веществами, но и химический и гормональный диалог? в какой степени это повлияет на межличностные отношения и гендерные роли, если воспроизводство человека будет независимо от акта воспроизводства? какова ответственность за вред, причиненный жизни или здоровью ребенка, находившегося в так называемом биологическом мешке? кто будет нести ответственность: медицинская организация, предоставившая данную услугу, или инженер-разработчик предоставляемой услуги? не будет ли это способствовать развитию торговли людьми?

Полагаем, что идея создания искусственной матки как нового способа репродуктивных технологий с использованием искусственного интеллекта в Российской Федерации возможна, но в строго определенных ситуациях. Так, обычно ребенок рождается примерно через 40 недель беременности. Если роды происходят до 37-й недели, их называют преждевременными. Для большинства детей, рожденных между 28- и 37-й неделями, их преждевременное появление не имеет последствий. До 28-й недели органы часто еще не готовы к жизни вне матки, легкие, в частности, могут серьезно пострадать, если вступят в контакт с воздухом слишком рано. Даже традиционный инкубатор, который согревает ребенка и защищает его от микробов, в этой ситуации является враждебной средой. По данным Всемирной организации здравоохранения, 0,4 % детей рождаются до 28-й недели. Многие из этих чрезвычайно недоношенных детей умирают или выживают с тяжелыми нарушениями. Точные правила того, что делать между 22- и 28-й неделями, варьируются от страны к стране. Однако везде существует временной интервал, в течение которого значительная часть детей умирает или получает необратимые повреждения. И вот на этом этапе можно было бы и использовать искусственную матку. Считаем, что подобного рода предложение возможно закрепить в п. 12 ст. 19 «Право на медицинскую помощь» Федерального

¹ См.: Искусственная матка: почему мы до сих пор не можем развивать плод вне тела? URL: <https://iatranshumanisme.com/2018/09/30/uterus-artificiel-avenir-de-la-procreation-humaine> (дата обращения: 25.02.2024).

² См.: Необычно: искусственные матки, управляемые. URL: <https://www.lesnumeriques.com/vie-du-net/insolite-des-uterus-artificiels-geres-par-une-ia-n177015.html> (дата обращения: 25.02.2024).

³ См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «Право граждан на предоставление искусственной матки в особенно экстренных случаях, угрожающих жизни недоношенному ребенку».

Важно понимать, что с появлением вспомогательных репродуктивных технологий современное общество и наука вышли на качественно новый уровень развития. Искусственное зачатие и развитие ребенка на данный момент порождает массу различных конфликтов. Наиболее часто в этой дискуссии участвуют представители религиозных общин и научные деятели, практики. В связи с чем трудно прийти к однозначному решению в таком непростом споре: нужно ли человеку искусственно создавать человека.

Тем не менее, как в России, так и во многих странах мира, любая женщина имеет официально закрепленное право использовать вспомогательные репродуктивные технологии для обретения счастья материнства.

Сегодня, несмотря на значительный прогресс по внедрению искусственного интеллекта в различные отечественные технологии, решений по использованию высокотехнологичных разработок на базе искусственного интеллекта в области репродуктивной медицины явно недостаточно.

В соответствии с Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹ была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года в области репродуктологии. Данная стратегия направлена на осуществление комплексных мер по развитию искусственного интеллекта в данной области с целью повышения эффективности диагностики и лечения бесплодия, а также развития репродуктивных технологий и методов, предусматривающих осуществление широкомасштабных научных исследований и инновационных разработок, а также содействие внедрению передовых технологий и методов в практику репродуктологических центров по всей территории РФ.

Стратегия также ориентирована на укрепление институциональной базы в области репродуктологии и формирование новых кадровых резервов, способных претворить в жизнь передовые разработки и технологии. Реализация Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в области репродуктологии позволит увеличить доступность и качество репродуктивной помощи для населения России, а также улучшить репродуктивное здоровье граждан и обеспечить успешное решение демографических задач страны.

¹ См.: СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700; 2024, № 8, ст. 1102.

Л.В. Ладочкина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ИСПОЛЬЗУЕМОГО В МЕДИЦИНЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Введение: актуальность темы обусловлена высокой социальной ролью и коммерческими возможностями внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в сферу медицины и здравоохранения для удовлетворения прав граждан на достойную жизнь, сохранение, поддержание и восстановление здоровья, прав разработчиков объектов с ИИ на достойное вознаграждение за свой труд, для удовлетворения интересов государства в здоровых членах общества. **Цель** — рассмотреть некоторые пробелы российского законодательства, касающиеся правового регулирования искусственного интеллекта. **Методологическая основа:** совокупность различных общенаучных (анализ, синтез и др.) и специально-юридических методов. **Результаты:** сформулированы положения о приоритете договорного регулирования над законодательным при использовании в медицине и здравоохранении объектов, разработанных на основе искусственного интеллекта. **Выводы:** необходимо на базе существующего законодательства об интеллектуальных правах разработать типовые договоры об использовании объектов с ИИ в различных аспектах медицинского вмешательства и здравоохранения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, права пациента, эксперимент, государство.

L. V. Ladochkina

LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE USED IN MEDICINE AND HEALTHCARE

Background: the relevance of the topic is due to the high social role and commercial opportunities for the introduction of artificial intelligence (AI) in the field of medicine and health care to meet the rights of citizens to live in dignity, preserve, maintain and restore health, the rights of developers of AI objects to decent remuneration for their labor, to satisfy the interests of the state in health care, and to satisfy the rights of the state in healthy members of society. **Objective** — to consider some gaps in Russian legislation concerning the legal regulation of artificial intelligence. **Methodology:** a set of various general scientific (analysis, synthesis, etc.) and special legal methods. **Results:** provisions on the priority of contractual regulation over legislative regulation in the use of objects developed on the basis of artificial intelligence in medicine and healthcare are formulated. **Conclusions:** at the moment it is necessary to develop model contracts on the use of objects with artificial intelligence in various aspects of medical intervention and healthcare on the basis of existing legislation on intellectual rights.

Keywords: artificial intelligence, patient's rights, experiment, state.

© Ладочкина Любовь Владиславовна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: lladochkina@yandex.ru

© Ladochkina Lyubov Vladislavovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

Искусственный интеллект используют во многих сферах жизни человека. Медицина и здравоохранение не являются исключением. Это очень важные направления применения данного объекта, так как позволяют улучшить качество человеческой жизни, восстановить, хотя бы частично, здоровье больного лица, в чем непосредственно заинтересованы сам человек, государство и общество в целом. Различные хронические и профессиональные заболевания, травмы сопровождают человека всю жизнь, а применение технологий ИИ позволяет на более высоком уровне проводить диагностику заболеваний, в меру возможности заменять потерянные человеческие органы, что положительно сказывается на состоянии здоровья индивида, в том числе психическом, дает ему возможность полноценно трудиться, отдыхать, что снимает психологическую и финансовую нагрузку с его родных и близких и государства. Между тем, повсеместно внедряя данную технологию, необходимо соблюдать принципы «приоритетности благополучия и безопасности» [1, с. 237]. Заинтересованными лицами даже сформированы «этические принципы взаимодействия разработчиков» [2, с. 45]. Таким образом, общество вполне понимает, что наряду с огромными перспективами развития искусственного интеллекта существуют риски его применения. Поэтому ИИ нуждается «в научном осмыслении не только инженеров, технологов, программистов, экономистов, но и юристов» [3, с. 43].

Субъектный состав данных отношений разнообразен. Это пациент, врач, применяющий искусственный интеллект, организация здравоохранения, разработчик искусственного интеллекта, который может быть как физическим, так и юридическим лицом, патентообладатель, государство как финансист научной разработки и ее внедрения и т.п. Поэтому правовой режим искусственного интеллекта должен гарантировать охрану и защиту прав пациента (качественное лечение, реабилитация, возмещение вреда при неудачном эксперименте с данным объектом и т.п.), врача (получение полной информации о положительных и отрицательных возможностях воздействия ИИ на пациента, особенностях здоровья больного, возможно страхование гражданско-правовой ответственности при врачебной ошибке и т.п.), лечебного учреждения (финансирование применения ИИ из различных источников, как бюджетных, так и внебюджетных, выбор нужного ИИ для выполнения конкретной задачи для лечения пациента либо иных задач в области здравоохранения, подбор врачей и иного медицинского персонала, возможно ограничение гражданско-правовой ответственности при проведении научных медицинских экспериментов с использованием ИИ и т.д.), разработчика (патентообладателя) ИИ (соблюдение личных неимущественных и имущественных прав, выплата вознаграждения, возможность сопровождения в процессе применения его разработки и т.п.), государства (финансирование разработки, апробации, внедрение ИИ в область медицины и здравоохранения, при необходимости — надзор и контроль в данной сфере). Стоит отметить особую роль врача как лица, непосредственно применяющего ИИ. Он обязан быть компетентным не только в области своей медицинской специальности, но и в новейших объектах медицинской техники, цифровых технологиях, иных отраслях жизнедеятельности человека, необходимых для применения искусственного интеллекта. Врач при применении объекта с ИИ в лечебных и иных медицинских целях взаимодействует не только с пациентом, но и с разработчиком этого изделия для выявления возможностей программы, различных рисков и побочных

эффектов. Неслучайно некоторые ученые предлагают использовать право выбора врача, проводящего необходимые медицинские процедуры, а также сделать его существенным условием договора оказания медицинских услуг [4, с. 12–13].

Применение ИИ как объекта гражданских правоотношений в медицине и здравоохранении также впечатляет. Можно выделить несколько категорий его использования: для анализа медицинских изображений и их описания, роботизации медицинских инструментов, создания лекарственных препаратов, разработки методов современного протезирования (внедрение «нейропротезов — медицинских имплантов, вживляемых в нервную систему с целью восстановления у людей двигательных или чувствительных функций» [5, с. 131]), для проведения экспериментов в различных направлениях профилактики и лечения заболеваний; в области здравоохранения — работа с медицинскими документами пациентов и т.д. У российских регионов есть возможность получить государственное софинансирование при внедрении таких разработок в область охраны здоровья граждан при помощи реализации региональных проектов «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)»¹. Решения с использованием ИИ в медицине в настоящий момент внедряют 70 российских регионов, в основном это «технологии, работающие с медицинскими изображениями: маммографией, компьютерной томографией органов грудной клетки и головного мозга, рентген-снимками органов грудной клетки. Также 32 региона заключили контракт на закупку решений для работы с электронными медкартами»².

Для выполнения всех этих задач необходимо четкое, качественное правовое регулирование применения ИИ в различных сферах человеческой деятельности, в том числе в медицине при диагностировании, лечении различных заболеваний, травм, а также в здравоохранении при обработке медицинских данных и постановке иных задач.

В настоящее время ИИ не закреплен законодательно как объект правоотношений, в том числе гражданских, поэтому целесообразно рассмотреть его с точки зрения интеллектуальных прав. Как объект данных прав он может выступать в качестве изобретения, полезной модели, промышленного образца, программы для ЭВМ и прочего в зависимости от направления медицины и здравоохранения, и законодательное регулирование будет осуществляться соответствующей подотраслью права. В рамках гражданских правоотношений, помимо законодательного, существует договорное регулирование отношений с использованием ИИ. Такое регулирование в настоящее время представляется приоритетным, так как возможности ИИ постоянно совершенствуются и нормативное регулирование всегда будет отставать от существующей реальности. Следует отметить, что договор — универсальное средство регулирования гражданско-правовых

¹ См.: Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию региональных проектов «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)»: утв. Постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»» (с изм. и доп. на 30 ноября 2023 г.) // СЗ РФ. 2018. № 1, ч. 2, ст. 373; 2023. № 49, ч. 4, ст. 8778.

² См.: Российская газета. Спецвыпуск: Инновации. URL: <https://rg.ru/2023/10/24/nejroseti-staviat-diagnoz.html?ysclid=lt0d7znqod817828204> (дата обращения: 26.02.2024).

отношений, он мобилен, поскольку его условия могут корректироваться сторонами по мере необходимости.

Учитывая разносторонний состав рассматриваемых правоотношений, участие государства как финансиста и софинансиста разработки и внедрения в сферу здравоохранения медицинских и иных объектов с использованием ИИ, есть потребность в разработке типовых договоров для регулирования деятельности, связанной с такими объектами. В указанные договоры нужно включить существенные условия, а также особенные условия, необходимые для регулирования деятельности с определенным объектом, работающем на основании ИИ. Особенно это важно при проведении медицинских экспериментов и испытании лекарственных препаратов, так как медицинские манипуляции связаны с риском потерпеть неудачу во внедрении научной разработки, что может негативно отразиться на жизни и здоровье подопытного лица. В таких ситуациях требуется рассмотреть вопросы ответственности в случае причинения вреда пациенту, поскольку законодательно данный вопрос не решен.

Можно сделать вывод, что бизнес, государство и общество в целом имеют высокую потребность в развитии ИИ и внедрении его в область медицины и здравоохранения. Считаем целесообразным разработать актуальную нормативную базу для регулирования медицинских и иных объектов, основанных на искусственном интеллекте.

Библиографический список

1. *Моисеев А.В., Епхивев О.М.* Социально-правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта в современной России (обзорно-аналитическое исследование) // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1(СГ 3). С. 237–248.
2. *Дулич Л.М., Вахмистров В.П.* Искусственный интеллект: некоторые проблемные аспекты понимания и социально-правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 1(58). С. 44–51.
3. *Камышанский В.П., Корецкий А.В.* Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // Власть закона. 2019. № 1(37). С. 42–50.
4. *Демкина Е.А.* Договор оказания репродуктивных услуг: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 226 с.
5. *Алиев Т.Т.* Правовое регулирование искусственного интеллекта и роботизации: концепции и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 128–135.

References

1. *Moiseev A.V., Epkhiev O.M.* Socio-Legal Aspects of Artificial Intelligence Regulation in Modern Russia (review and analytical study) // Socio-Humanitarian Knowledge. 2024. No. 1. P. 237–248.
2. *Dulich L.M., Vakhmistrov V.P.* Artificial Intelligence: Certain Problematic Aspects of Understanding and Socio-Legal Regulation // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2023. No. 1(58). P. 44–51.
3. *Kamyshansky V.P., Koretsky A.V.* The Concept and Legal Status of an Artificial Intelligence Carrier // The Power of Law. 2019. No. 1(37). P. 42–50.
4. *Demkina E.A.* The Contract for the Provision of reproductive Services: diss. ... cand. of Law. Saratov, 2023. 226 p.
5. *Aliyev T.T.* Legal Regulation of Artificial Intelligence and Robotization: Concepts and Prospects // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2021. No. 41. P. 128–135.

М.А. Кондрашова

**ИСКУССТВЕННОЕ ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ:
ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА ИЛИ ЕГО
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ
НОВЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Введение: статья посвящена изучению категорий «пределы осуществления права» и «злоупотребление правом» относительно искусственного прерывания беременности. Автором предпринята попытка рассмотреть процедуру совершения аборта женщиной через призму института осуществления семейных прав и исполнения обязанностей в сфере применения новых медицинских технологий, установить пределы осуществления права или его злоупотребления. **Цель** — изучить категории «пределы осуществления семейных прав», «злоупотребление семейными правами», а также выявить глубину неразработанности вопроса о привлечении к ответственности субъектного состава лиц, причастных к возможному причинению вреда. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, системный, формально-логический, сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты:** сформулировано авторское определение «пределы осуществления семейных прав», «злоупотребление семейными правами», обоснована позиция относительно допустимости аборта самой женщиной, находящейся в пределах осуществления своего права, и неприемлемости рассмотрения аборта как злоупотребление правом. **Выводы:** введение автором термина «безличная ответственность», в связи с чем однозначно ответить на вопрос о субъектах привлечения представляется невозможным, так как данный вопрос находится в сфере научных дискуссий.

Ключевые слова: семейное право, новые медицинские технологии, аборт, женщина, пределы осуществления права, злоупотребление правом, искусственный интеллект.

М.А. Kondrashova

**ARTIFICIAL TERMINATION OF PREGNANCY: LIMITS TO THE EXERCISE
OR ABUSE OF THE RIGHT IN THE USE OF NEW MEDICAL TECHNOLOGIES**

Background: the article is devoted to the study of the categories 'limits of the exercise of the right' and 'abuse of the right' in relation to artificial termination of pregnancy. The author made an attempt to consider the procedure of abortion by a woman through the prism of the institution of implementation of family rights and fulfilment of obligations in the field of application of new medical technologies, to establish the limits of the exercise of the right or its abuse. **Objective** — to study the categories of 'limits to the exercise of family rights', 'abuse of family rights', as well as to reveal the depth of underdevelopment of the issue of bringing to responsibility the subject composition of persons involved in the possible infliction of harm. **Methodology:** dialectical method of scientific cognition, systematic, formal-logical, comparative-legal method of research. **Results:** the author's definition of 'limits of the exercise of family rights' and 'abuse of family rights' is formu-

© Кондрашова Марина Андреевна, 2024

Старший преподаватель кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: m.a.kondrashova@mail.ru

© Kondrashova Marina Andreevna, 2024

Senior Lecturer of the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

lated, and the position regarding the admissibility of abortion by the woman herself, who is within the limits of the exercise of her right, and the inadmissibility of considering abortion as an abuse of right is substantiated. **Conclusions:** the introduction of the term "impersonal responsibility" by the author, in connection with which it seems impossible to unequivocally answer the question of the subjects of attraction, since this issue is in the sphere of scientific discussions.

Keywords: family law, new medical technologies, abortion, woman, limits of the exercise of law, abuse of law, artificial intelligence.

В настоящее время в России действует и развивается государственная политика «по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹, а учитывая, что 2024 год признан Годом семьи, решение демографической проблемы населения является одной из актуальных. В связи с этим первоочередная задача государства — разносторонняя поддержка многодетных родителей как носителей традиционных ценностей. Президент РФ, выступая на заседании Всемирного русского народного собора, подчеркнул, что преодоление демографической проблемы невозможно только с помощью денежных выплат, так как в основе жизненных ориентиров человека лежит семья и рождение ребенка, а это значит, что многодетность и большая семья должны стать нормой и образом жизни для всех народов России². Вследствие этого в стране уделяется огромное внимание профилактике аборт как главной составляющей по укреплению традиционных семейных ценностей и способа выхода из демографического кризиса в России. Однако говорить о полной легализации запретов абортов ни в коем случае нельзя, так как в первую очередь возрастет количество криминальных абортов, что скажется на репродуктивном здоровье женщин, также нельзя забывать и о процветании подпольной медицины, повышении смертности и отказах от новорожденных детей. Конечно, наибольшую опасность вызывают криминальные аборты, так как проводятся человеком без медицинского образования или, что еще хуже, самой женщиной. «Небезопасные аборты приводят примерно к 70 тысячам женских смертей и около 5 млн инвалидностей в год во всем мире»³. Ввиду этого напрашивается вопрос, принятие решения о проведении аборта самой женщиной находится в пределах осуществления своего права или проведение данной процедуры будет являться злоупотреблением права и с научной точки зрения, и с практической, опираясь на новые медицинские технологии, учитывая тот факт, что допустимость аборта и ее пределы являются наиболее дискуссионной проблемой, затрагивающей не только этические, нравственные, но и медицинские, а также правовые стороны данного вопроса.

Объект исследования настоящей статьи видится нами в рассмотрении таких институтов семейного права, как «пределы осуществления семейных прав»,

¹ См.: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

² См.: Путин предложил возродить традицию многодетных семей в РФ. URL: <https://rg.ru/2023/11/28/putin-predlozhit-vozrodit-tradiciu-mnogodetnyh-semej-v-rf.html> (дата обращения: 18.02.2024).

³ См.: Севастопольцам на заметку: какая ждет ответственность «матерей-убийц»? URL: <https://sevastopol.bezformata.com/listnews/kakaya-zhdyot-otvetstvennost-materej/48507297/> (дата обращения: 25.02.2024).

«злоупотребление семейными правами», взаимосвязь данных категорий, проведение искусственного прерывания беременности с помощью новых медицинских технологий. Более того, постараемся ответить на вопрос о привлечении к ответственности за причинение вреда жизни и здоровью в результате ошибки алгоритма в связи с применением технологий искусственного интеллекта в этой области медицины.

Век развития высоких медицинских технологий характеризуется внедрением искусственного интеллекта в различные сферы индустрии. Сегодня сфера медицины и здравоохранения считается одной из стратегических и наиболее перспективных с позиции внедрения искусственного интеллекта, применение которого может улучшить качество диагностики различного рода заболеваний, тем самым облегчить жизнь пациентов [1, с. 89–90].

Проблема абортов до сих пор является одной из самых дискуссионных, вызывающих многочисленные споры и суждения. В большинстве случаев решение о прерывании беременности принимается исключительно самой женщиной, так как это «сугубо личная, интимная проблема, которая никого, кроме самой женщины, не должна касаться, и в которую никто не должен вмешиваться» [2, с. 49]. Между тем государство стремится всеми силами усилить правовое регулирование в области абортов. Вероятнее всего, частичные запреты, отмена абортов в частных клиниках, ответственность за «склонение» к абортам не приведут к кардинальному росту рождаемости детей, а только будут создавать угрозу непосредственно самому репродуктивному здоровью женщин. «Аборты — это прежде всего маркер несовершенства социума, толкающего женщину на противоестественный шаг»¹.

Отечественный подход в отношении абортов считается самым либеральным в мире. В России на протяжении последних нескольких лет у законодательства об абортах достаточно непростая история: от предложений по ужесточению регулирования искусственного прерывания беременности до представления различных законопроектов. Модернизация законодательства по правовому урегулированию абортов изначально была представлена в 2015 г. в виде законопроекта о выводе абортов из системы обязательного медицинского страхования. Госдума в то время данный законопроект отклонила, чтобы иметь возможность осуществлять контроль за статистикой абортов, не допустить рост подпольных абортов и возрастание материнской и детской смертности. Государство, тем самым, вносило охрану репродуктивного здоровья женщин и мероприятия по прерыванию нежелательной беременности в систему обязательного медицинского страхования. Однако в 2023 г. прошла волна обсуждения запретов абортов в частных клиниках и оставления данной процедуры только в государственных учреждениях. В конце 2023 г. многие российские регионы стали вводить меры против абортов, хотя на федеральном уровне в правовом урегулировании не было закреплено никаких законодательных инициатив. Одни субъекты вводили наказание за «склонение» к прерыванию беременности (Республика Мордовия, Нижегородская, Калининградская, Тверская, Тамбовская области), а другие вывели процедуру совершения аборта из списка услуг частных клиник, причем в добровольном порядке (Республика Крым, Республика Татарстан, Курская,

¹ См.: Плоды ошибок трудных. URL: <https://monocle.ru/monocle/2023/07/plody-oshibok-trudnykh/> (дата обращения: 27.02.2024).

Калининградская, Челябинская, Пензенская области, Приморский край)¹. Предложенная инициатива одним из глав российских регионов об исключении медицинских организаций частной системы здравоохранения из числа организаций, имеющих право проводить искусственное прерывание беременности, не была поддержана правовым управлением Госдумы ввиду несоответствия некоторым нормам федеральных законов. В частности, проводить аборт можно в рамках базовой программы обязательного медицинского страхования, причем частные клиники, находящиеся в реестре медицинских организаций и предоставляющие соответствующую услугу по медицинской страховке, не имеют права отказать по закону в предоставлении услуги по проведению аборта². На основании этого хотелось бы отметить, что любое ужесточение в сфере правового урегулирования в области искусственного прерывания беременности может привести к довольно-таки губительным последствиям, а именно высокой материнской смертности от криминальных абортов, обильных кровотечений, вследствие чего будут применены экстренные меры для спасения жизни женщины, но при этом она полностью лишится возможности стать матерью.

Теперь попытаемся проанализировать с научной точки зрения поведение женщины, которая собирается сделать аборт и определить, действует ли она в пределах осуществления своего права или же злоупотребляет им. Для этого следует обратиться к соответствующим институтам права и для начала выяснить сущность таких категорий, как «пределы осуществления семейных прав» и «злоупотребление правом».

Для понимания термина «предел» обратимся к Толковому словарю живого великорусского языка, в котором данная категория понимается как «начало или конец, грань, край, рубеж или граница; конец одного и начало другого» [3, с. 183]. Предел с юридической точки зрения представляет собой такие правовые начала, как четко закрепленные границы в области осуществления прав и исполнения обязанностей. Управомоченное лицо, не соблюдая правовые законодательно установленные правила, выходя за их «пределы», изначально нарушает целостность структуры правовой нормы, что говорит о «своеобразном» нарушении закона. Придерживаясь позиции А.В. Титовской, следует, что именно «предел» формирует ту самую тонкую грань, отвечающую за правомерные и соответствующие «букве закона» поступки и действия человека [4, с. 93].

Один из крупнейших исследователей и разработчик теории пределов осуществления гражданских прав советского периода В.П. Грибанов отмечал: «Понятие пределов осуществления права значительно шире понятия осуществления права в противоречии с его назначением и не может быть сведено к последнему» [5, с. 33]. Заслуживает внимания и тот факт, что научное исследование В.П. Грибанова об осуществлении и защите гражданских прав положило начало учению об осуществлении семейных прав.

Среди ученых, занимающихся вопросами пределов осуществления права, можно выделить и Е.В. Вавилина, Т.В. Дерюгину, Н.А. Дмитрик, С.Т. Максименко,

¹ См.: 11 регионов России вводят меры против абортов. Что они хотят запретить и почему врачи выступают против? URL: <https://lenta.ru/news/2023/11/25/abrt/> (дата обращения: 27.02.2024).

² См.: В Госдуме не поддержали законопроект о запрете абортов в частных клиниках. URL: <https://www.amic.ru/news/v-gosdume-ne-podderzhali-zakonoproekt-o-zaprete-abortov-v-chastnyh-klinikah-538397> (дата обращения: 27.02.2024).

О.А. Поротикову и многих других ученых-теоретиков. В юридической литературе среди представителей правовой школы можно встретить различные взгляды на вопросы определения пределов осуществления права. С одной стороны, пределы понимались как законодательно установленные границы деятельности субъектов правоотношений по свободной реализации своих прав [6, с. 72; 7, с. 389], с другой стороны, представляют собой определенные рамки дозволенного поведения, за которые выходить не допускается [8, с. 45]. По мнению Е.В. Вавилина, пределами осуществления можно считать срок, способы, средства и даже назначение права [9, с. 82]. Исходя из теоретико-правового и гражданско-правового понимания пределов осуществления права, можно сказать, что институт осуществления семейных прав применительно к отрасли семейного права включает в себя пределы осуществления семейных прав, под которыми следует понимать комплекс определенных правомочий, выходя за которые управомоченное лицо не может должным образом осуществлять свои права и исполнять обязанности, а также предоставление субъектам возможности воздержания от действий, приводящих к нарушению права. В юридической науке сам выход за пределы осуществления права порождает процесс, именуемый злоупотреблением правом.

Категория «злоупотребление правом», обладая межотраслевой сущностью, применяется не только к гражданским правоотношениям, но и к семейным. В нормах ст. 4 и 5 Семейного кодекса РФ¹ (далее — СК РФ) указывается, что гражданское законодательство применяется для урегулирования семейных правоотношений, если это не противоречит их существу. Изначально термин «злоупотребление правом» можно встретить в рамках отрасли гражданского права. В правовой науке наблюдается неоднозначное отношение к указанной категории. Так, обращаясь к позиции Н.А. Дмитрика, считающего, что, несмотря на стремление использовать институт злоупотребления правом в других правовых отраслях, многие ученые ссылаются на точку зрения об использовании названной конструкции только в рамках гражданского права, где она изначально была разработана и «имеет свой первоначальный смысл» [10, с. 59]. На наш взгляд, нельзя согласиться с позицией этого ученого, так как в семейном законодательстве есть, пусть и незначительное, количество упоминаний норм о злоупотреблении семейными правами, несмотря на искренность, как может показаться на первый взгляд, семейных отношений. В данной ситуации хочется поддержать мнение М.В. Ульяновой о специфике отношений, не всегда подпадающих под законодательное урегулирование, а именно доверительный характер семейных отношений, безграничная любовь ребенка к родителю и доверие ребенка даже нерадивому родителю (в этом случае обязательно юридическое определение границ поведения родителя в интересах защиты прав несовершеннолетних детей) [11, с. 670].

Особого внимания заслуживает диссертационное исследование Д.А. Матанцева, раскрывающего природу института злоупотребления правом в семейном законодательстве. Несовершенство данного института состоит в том, что встречающиеся на практике случаи злоупотребления субъективными семейными правами остаются без должной защиты законодателя, тем самым возникает необходимость в законодательном урегулировании подобных ситуаций. Сущность

¹ См.: Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 31 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6139.

указанной дефиниции составляет непосредственный интерес управомоченного лица, так как при злоупотреблении правом налицо взаимосвязь интереса с причинением вреда правам других лиц. Исходя из этого, под злоупотреблением семейными правами следует понимать реализацию субъективных прав, направленных на взаимодействие интереса с причинением вреда охраняемым семейным законодательством правам и интересам субъектов действующих правоотношений [12, с. 8]. По нашему мнению, категория злоупотребления правом в семейных правоотношениях определяется как противоправные действия (бездействие) участников семейных правоотношений, сосредоточенные на осуществлении прав и исполнении обязанностей. Между тем данные действия (бездействие), являясь противозаконными по характеру, совершаются за четко установленными границами должного поведения субъектов права и направлены на нарушение прав и интересов других лиц с целью причинения вреда либо неориентированные на причинение вреда, но при этом достигают социально одобряемую цель, в соответствии с которой право использовано согласно его назначению.

Рассуждая о взаимосвязи исследуемых категорий, хотелось бы отметить, что пределы осуществления семейных прав являются проблемой борьбы со злоупотреблением семейными правами. Мы не говорим об отождествлении этих понятий, но проанализировав их, можно сказать, что злоупотребление семейными правами и пределы осуществления семейных прав будут соотноситься как часть и целое, следствие и причина, потому что злоупотребление правом будет иметь место тогда, когда управомоченное лицо при осуществлении своих действий (бездействия) выходит за рамки дозволенного, но оставаясь в пределах общих границ содержания принадлежащего субъективного права.

Проблема разработки новых технологий безопасного прерывания беременности, уменьшающих риск возможных осложнений, является не менее актуальной ввиду совершения медикаментозного аборта при помощи таких лекарственных препаратов, как «Манифестон» и «Мизопростол», которые сегодня внесены в список лекарственных средств, подлежащих предметно-количественному учету¹. Принимая во внимание широкое развитие новых медицинских технологий, можно отметить, что на сегодня внедрение цифровизации достаточно часто вызывает на практике ситуации с определением «безличной ответственности», то есть отсутствием четкого круга лиц (врач, разработчик программы или медицинская организация), в связи с чем однозначно ответить на вопрос о субъектах привлечения представляется невозможным, так как данный вопрос находится в сфере научных дискуссий.

Таким образом, допустимость аборта самой женщиной, несмотря на нравственные, этические и медицинские аспекты данного вопроса, возможна только в пределах осуществления права. Ни в коем случае нельзя в этой ситуации говорить об аборте как о злоупотреблении правом женщины на совершение какого-либо противозаконного действия, даже учитывая неблагоприятное воздействие на состояние ее здоровья и репродуктивную функцию.

¹ См.: Приказ Минздрава России от 1 сентября 2023 г. № 459н «Об утверждении перечня лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету»: зарег. 2 октября 2023 г. № 75422. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310030013?index=1> (дата обращения: 10.03.2024).

Библиографический список

1. Гусев А.В., Добридняк С.Л. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении // Информационное общество. 2017. № 4. 5. С. 78–93.
2. Антипова Н.Д. Аборт как этическая проблема: дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 120 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: РОСССА, 2010. Т. 2. 624 с.
4. Титовская А.В. Категория «предел» как философско-юридическое понятие // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 2(103). 2015. С. 90–94.
5. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. 411 с. (Классика российской цивилистики).
6. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юрист, 2003. 250 с.
7. Гражданское право / под ред. Е.А. Суханова. М.: БЕК, 2000. Т. 1. 652 с.
8. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 1997. Ч. 2. 292 с. (по испр. и доп. 8-му изд., 1902).
9. Вавилин Е.В. Пределы осуществления гражданских прав: некоторые вопросы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5(124). С. 81–85.
10. Дмитрик Н.А. Осуществление субъективных гражданских прав с использованием сети Интернет. М.: Волтерс Клувер, 2006. 178 с.
11. Ульянова М.В. Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 658–682.
12. Матанцев Д.А. Категория злоупотребления правом в гражданском и семейном законодательстве и доктрине Российской Федерации: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 23 с.

References

1. Gusev A.V., Dobridnyuk S.L. Artificial Intelligence in Medicine and Healthcare // Information Society. 2017. No. 4. 5. P. 78–93.
2. Antipova N.D. Abortion as an Ethical Problem: diss. ... cand. of Philosophy. M., 2005. 120 p.
3. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. M.: ROOSS, 2010. Vol. 2. 624 p.
4. Titovskaya A.V. "The Category "Limit" as a Philosophical and Legal Concept" // Bulletin of the Saratov State Law Academy. No. 2(103). 2015. P. 90–94.
5. Griбанov V.P. Implementation and Protection of Civil Rights. edition 2nd, stereotype. M.: Statute, 2001. 411 p. (Classics of Russian civil law).
6. Malko A.V. Incentives and Restrictions in Law. M.: Yurist, 2003. 250 p.
7. Civil Law / ed. by E.A. Sukhanov. M.: BEK, 2000. Vol. 1. 652 p.
8. Meyer D.I. Russian Civil Law: in 2 parts. Statute, 1997. Part 2. 292 p. (on revised and suppl. 8th ed., 1902).
9. Vavilin E.V. Limits of the Exercise of Civil Rights: Certain Questions // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 5(124). P. 81–85.
10. Dmitrik N.A. Exercise of Subjective Civil Rights Using the Internet. M.: Walters Kluwer, 2006. 178 p.
11. Ulyanova M.V. Limits of the Exercise of Family Rights // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2022. Iss. 58. P. 658–682.
12. Matantsev D.A. The Category of Abuse of Law in Civil and Family Legislation and Doctrine of the Russian Federation: extended abstract of diss. ... cand. of Law. M., 2012. 23 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2024-3-139-149
УДК 347; 351

Э.В. Чекмарев, А.В. Чекмарева

ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН С УЧЕТОМ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Введение: способность народов России более тысячи лет самостоятельно создавать и поддерживать государственность, формулировать модели социального поведения и принципы мироустройства, отвечающие современным вызовам, позволяют определить роль юридического образования в формировании новых общественных отношений на основе традиционных ценностей России. **Цель** — проанализировать научные подходы, нормативные правовые акты и с учетом общественно-политического дискурса по интеграции цивилизационного подхода и использования традиционных ценностей российского общества в современную систему образования выявить векторы трансформации преподавания юридических дисциплин. **Методологическая основа:** общенаучные и специальные методы познания, такие как анализ, синтез, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический и др. **Результаты:** аргументирована авторская позиция о необходимости приведения отдельных положений образовательных программ в сфере юриспруденции в соответствие с закрепленными в Указе Президента РФ ценностями коллективизма, приоритета духовного над материальным и др. Показаны противоречия, возникающие в ходе цифровизации управления и образования, с традиционными ценностями. **Выводы:** авторы приходят к выводу о том, что особенности преподавания юридических дисциплин, позволяющие акцентировать внимание на традиционных ценностях и основах России как государства-цивилизации, создают потенциал для совершенствования общественных отношений и формирования высококвалифицированных специалистов с новым набором компетенций, отвечающих требованиям современности.

© Чекмарев Эдуард Владимирович, 2024

Доктор политических наук, профессор кафедры ГМУ (Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова); e-mail: chekmarev.ev@rea.ru

© Чекмарева Анастасия Валериевна, 2024

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия), профессор кафедры гражданского права (Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)); e-mail: anastasiya-chekmareva@yandex.ru

© Chekmarev Eduard Vladimirovich, 2024

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of State and Municipal Management (Plekhanov Russian University of Economics)

© Chekmareva Anastasia Valeryevna, 2024

Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy), Associate Professor at the Department of Civil Law (Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова» в рамках выполнения научно-исследовательской работы (приказ № 11502 от 25 июля 2024 года).

Ключевые слова: методика преподавания юридических дисциплин, цивилизационный подход, традиционные ценности, государство-цивилизация, мировоззрение и идентичность, образование, юриспруденция, перспективы развития России.

E. V. Chekmarev, A. V. Chekmareva

VECTORS OF TRANSFORMATION OF TEACHING LEGAL
DISCIPLINES TAKING INTO ACCOUNT TRADITIONAL
VALUES OF RUSSIA AS A STATE OF CIVILIZATION

Background: the ability of the peoples of Russia for more than a thousand years to independently create principles of world order that meet modern challenges, allow us to define the role of legal education in the formation of new social relations on the basis of traditional values of Russia.

Objective — to analyze scientific approaches, normative legal acts and, taking into account the socio-political discourse on the use of traditional values of Russian society in the modern education system, to identify vectors of transformation of teaching legal disciplines. **Methodology:** general scientific and special methods of cognition, such as analysis, synthesis, historical, comparative-legal, formal-legal and others. **Results:** the author's position on the need to bring certain provisions of educational programs in the field of law in line with the values of collectivism, the priority of spiritual over material, etc. enshrined in the Decree of the President of the Russian Federation is argued. The author shows the contradictions arising in the course of digitalization of management and education with traditional values. **Conclusions:** the authors come to the conclusion that the peculiarities of teaching legal disciplines, which allow focusing on the traditional values and foundations of Russia as a state-civilization, create the potential for improving social relations and the formation of highly qualified specialists with a new set of competencies that meet the requirements of modernity.

Keywords: methods of teaching legal disciplines, civilizational approach, traditional values, state-civilization, worldview and identity, education, jurisprudence, prospects for the development of Russia.

Человечество прошло большой исторический путь, совершенствуя сознание и оттачивая мировоззрение, модернизируя формы взаимодействия и выживания людей, меняя уклад жизни и развивая инфраструктуру. И выжило, и развивалось не только в технологическом смысле, но и во временной наполненности событийного порядка, во многом благодаря тому, что выработало основные значимые ценности. Сегодня жизнь людей становится все более осознанной, так как происходит постоянная трансформация отношений, идет развитие цивилизаций, государств, сообществ и самого человека. В основании жизни лежат ценности, являющиеся базой любого общества, которые отличаются не только статикой, устойчивостью, но и пересмотром, изменением, дополнением в зависимости от течения времени. Именно их устойчивость и наполненность смыслами, связанными с заботой людей об их сохранении, обусловила в конечном счете исторический прогресс. Задачи любого сообщества, способного осмысливать ценности и жизненные стандарты, — находить баланс между сохранением базовых ценностных основ и развитием новых общественных отношений, возможность гармонизации старого и нового.

Особую роль в передаче ценностей от одного поколения к другому, установлении преемственности и одновременно развития играет образование. Среднее образование приобщает детей и молодежь к познанию ценностей и реализации конкретных моделей поведения, а высшее образование готовит тех, кто может

понимать процесс их формирования, вырабатывать новые алгоритмы действий и в то же время выступать защитником базовых ценностей. Особое место в этом плане играет высшее юридическое образование. Именно юристы, знающие и понимающие нормативность общественных отношений, их зависимость от ценностного поля, представляют собой наиболее значимую прослойку интеллигенции, во многом способствующей сохранению своеобразия российского менталитета, морально-правовых устоев общества, культуры, и одновременно выступают двигателями преобразований.

Среди получивших юридическое образование в XIX в. были люди, снискавшие гордость и славу отечественной и мировой культуры: композиторы П. И. Чайковский и А. Н. Серов, поэты и писатели И. С. Аксаков, А. Н. Апухтин, литературный критик В. В. Стасов и многие другие [1, с. 192–196]. Особую когорту представляют государственные деятели и ученые России, такие как Д. Н. Набоков, Н. А. Манасеин, И. Л. Горемыкин, К. П. Победоносцев, М. И. Зарудный и др. [2, с. 24–25].

Поисками универсальных основ права на базе позитивизма занимались С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич, М. М. Ковалевский [3, с. 10]. Отцами-основателями социалистического права являлись: Н. В. Крыленко (замнарком юстиции РСФСР и одновременно старший помощник Прокурора РСФСР), Д. И. Курский (как нарком юстиции принимал участие в подготовке всех кодексов РСФСР и конституций, созданных с 1918-го до конца 1920-х гг., с 1928 по 1932 г. работал послом СССР в Италии) [3, с. 44–47].

Юридическое образование в России, как свидетельствуют неоспоримые факты, всегда отличало высоконравственное начало. Поэтому обращение к традиционным ценностям, их творческое развитие в современных условиях выступает перспективным направлением в модернизации преподавания юридических наук, в обретении России собственной значимости в мировом сообществе. Один из основоположников юридического образования в стране Михаил Михайлович Сперанский точно отмечал роль права в одной из своих работ: «Право появляется там, где есть добро и согласие...» [4, с. 67]. И действительно, право и правосознание стремится создать гармоничные отношения, реализовать жизненные парадигмы, ориентированные на установление справедливых отношений, умело балансируя на соотношениях личных и общественных интересов. Конечно, еще К. Маркс в «Коммунистическом манифесте» отмечал, что «право есть лишь возведенная в закон воля правящего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования правящего класса» [5, с. 163–181], но этот тезис не умаляет общей регулятивной функции права, стремящегося к созданию гармоничного общества и развивающегося государства. Современный мировой кризис ценностей, снижение стандартов культуры во многих обществах, неуважение к историческому наследию могут быть преодолены целенаправленной деятельностью по воспитанию подрастающего поколения и особенно юридической элиты с опорой на традиционные ценности. Тем более эта парадигма сегодня наиболее актуальна для российского общества, которое стало активнее интегрировать цивилизационный подход в общественные отношения, формируя мировоззрение и идентичность граждан страны с опорой на способность народов России в течение тысячелетия создавать и поддерживать не просто государство, а неоднократно выходящее на государство-цивилизацию [6, с. 22–31]. Именно юристы, способные осмыслить правовое обеспечение этого подхода, должны стать

основными проводниками концепции, позволяющей рассматривать Россию как государство-цивилизацию.

В постсоветской России неоднократно поднимался вопрос о выработке самостоятельной ценностной системы координат, многие слои общества не разделяли оптимизма, с которым политический истеблишмент начал реализовывать либеральную парадигму и практически полностью свернул достижения советского периода. С приходом к власти национально ориентированных лидеров стал возможным поиск и отработка собственной ценностной системы координат, основанной на тысячелетней способности народов России создавать и поддерживать свою государственность, находить модели организации жизненного пространства и жизненные смыслы как отдельного человека, так и в единстве многочисленных народов страны. И уже с середины 2010-х гг. в политическом дискурсе появились четкие идеи о формировании новых общественных отношений, основанных на традиционных базовых ценностях, свойственной тысячелетней российской цивилизации. Итогом многочисленных согласований с разными слоями населения и большой разъяснительной работы в ходе ежегодных посланий Президента РФ В.В. Путина и его больших пресс-конференций стало издание Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹.

В п. 5 названного Указа четко очерчены контуры ценностного поля, на которые опирается политический класс по формированию новых общественных отношений, — «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». В Указе также закреплено определение понятия «традиционные ценности» как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России (п. 4).

Конечно, данный перечень не исчерпывающий, и мировоззрение и идентичность Российского государства и общества в цивилизационном понимании намного шире. Именно исходя из многообразия ценностей в рамках данной статьи предпринята попытка анализа таких из них, как любовь к Родине, созидательное трудолюбие, честность, долг, сострадание и милосердие, коллективизм, приоритет духовных ценностей над материальными, крепкая семья, понимание уникальности российской идентичности. Именно они, на наш взгляд, в последние сорок лет подвергались остракизму, и неслучайно, поскольку составляют духовную основу нашего общества, которую целенаправленно пытались разрушить. Так, в доктрине Алена Даллеса говорится: «Мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить» [7, с. 681].

¹ См.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

Вот почему насущной задачей становится воспитание любви к Родине. Необходимо, опираясь на многочисленные факты, убеждать молодежь в том, что Россия — самодостаточная страна с высокоразвитой наукой, образованием и самобытной культурой. Можно привести слова Василия Шукшина о том, что «русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту...» [8, с. 7]. А еще раньше А. С. Пушкин восклицал: «... ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал»¹. Важно формировать не только чувство любви к Родине, но и показывать необходимость служения ей, трудиться ради процветания собственной страны, делать полезные дела, гордиться достижениями своего многонационального народа, совершенствовать правовую систему, уважать право и моральные качества. В связи с этим именно образование должно сыграть решающую роль в сохранении и укреплении традиционных ценностей. Необходимо обратить внимание студентов на тот факт, что Президент в своем Указе главными инструментами реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей назвал совершенствование нормативно-правовой базы на федеральном, региональном и муниципальном уровне. Поскольку только право, являющееся фундаментом государственного устройства, позволит провести необходимые изменения в общественных отношениях ввиду новых констант и ценностей.

Среди основных векторов модернизации преподавания юридических дисциплин важно отметить возможность изменения сущности рассматриваемых понятий и центральных содержательных элементов, определяющих как теорию государства и права, так и правовую политику. Так, активно используемый многими теоретиками и практиками классический подход, определяющий устройство общественных отношений, подразумевал деление на три основных элемента: человек–общество–государство [9, с. 34–47]. Сама концепция общественного устройства рассматривала эту триаду как взаимосвязь многогранных проявлений сущности функционирования этих элементов с учетом потребностей человека, интересов общества и обязательств государства, с опорой на сложившиеся культурные нормы и правовые особенности. Цивилизационный подход требует принимать во внимание и иные элементы, активно участвующие в организации общественных отношений, — это семья и страна (в цивилизационном смысле). Этот подход с опорой на пять основных элементов (человек–семья–общество–государство–страна) сегодня становится мейнстримом научного и практического паттерна понимания общественных отношений [10, с. 194]. Активное использование «пентабазиса» потребует существенной доработки теоретических конструкций и интеграцию в правовое поле интересов не только индивида, но и семьи, не только государства, но и страны (цивилизации). Пока еще до конца не осмыслена глубина учета семейных интересов и приоритета цивилизационных ориентиров, но уже сейчас целесообразно находить новую аргументацию во всех дисциплинах высшего юридического образования.

¹ См.: Пушкин — Чаадаеву, 19 октября 1836 года. URL: <https://kulturamgo.ru/kalendar-sobytij/prazdniki-i-pamyatnye-daty/18521-19-oktyabrya-1836-goda-pushkin-ozvuchil-svoi-velikie-mysli-о-rodine-v-pisme-k-chaadaevu> (дата обращения: 09.04.2024).

Вместе с тем в ходе нового осмысления общетеоретических подходов и интеграции «пентабазиса» важно основываться на научных принципах: объективность, системность, концептуальность и др. Как справедливо отмечал Эммануил Кант, «принципы вырастают из синтеза понятий, фиксирующих научные знания, и имеющие регулятивный характер, пользоваться ими нужно разборчиво, чтобы не впасть в догматизм ... особое внимание важно обратить на значение моральных принципов в деятельности людей» [11, с. 161]. Именно требования морали или ценностей в нашем понимании сегодня должны быть особо учтены в ходе научного дискурса по трансформации юридической надстройки и преподавания юридических дисциплин. Это, в свою очередь, потребует уточнения категориального аппарата.

Из этого постулата вытекает и еще один важный тезис: как имплементировать традиционные ценности в преподавание юридических дисциплин, совместив воспитание и образование, без преобладания той или иной стороны? Да, действительно, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» ставит воспитание на первое место, даже определяя образование, он подчеркивает, что это «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения», а под воспитанием понимает «деятельность, направленную на развитие личности, формирование у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»¹. Однако только обучение позволяет в полной мере усвоить необходимые компетенции и навыки, умения и знания. Создание сбалансированного механизма позволит сформировать высококвалифицированного специалиста, четко осознающего российские жизненные стандарты, правила и нормы и обладающего необходимыми компетенциями. Поэтому предстоит большая работа по осмыслению новых компетенций выпускника. Данный подход поможет реализовать замысел включения традиционных базовых ценностей. Для этого целесообразно использовать кластерный компетентностный подход, чтобы охватить все юридические дисциплины. Четко выстроенная кластерная система компетенций, где по-новому будут перегруппированы универсальные и профессиональные компетенции, позволит интегрировать в образование традиционные ценности. Не менее важным представляется смещение акцента на формирование аналитических и коммуникативных компетенций. Это связано и с особенностями в деятельности практических работников, и с усиливающейся цифровизацией всех сфер жизни, особенно юридической сферы. Поскольку юриспруденция — практикоориентированная специальность, то это перераспределение в компетенциях можно реализовать за счет менее глубокого изучения иностранных источников, особенно в исторической части.

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; 2024. № 1, ч. 1, ст. 66.

Еще одно из важнейших направлений изменения в юридическом образовании ближайших лет — это учет ценностных принципов (констант) российского мировоззрения, которые осмыслены и предлагаются в новой образовательной дисциплине «Основы российской государственности», которая преподается для всех первокурсников страны. Эта образовательная новелла запустила тектонические изменения гуманитарного образования в высшей школе и требует дальнейшей проработки по всем общественным наукам. Четко сформулированные константы — любовь и доверие, созидание и развитие, единство многообразия, согласие и сотрудничество, сила и ответственность — позволяют определить, посредством каких принципов будут достигаться обозначенные в Указе Президента РФ ценности [12]. Эти константы предполагают трансформацию триады «знания, умения и навыки» с учетом вышеобозначенных оснований. Так, одна из важнейших траекторий личностного развития и, соответственно, образовательный стандарт в либеральной парадигме предполагали повышение конкурентноспособности индивида часто без учета общественного блага и коллективного интереса. И после интеграции в общественные отношения этих императив и ценностей необходимым условием подготовки специалиста станет формирование навыков, способствующих коллективной работе и творчеству, использующих согласие как инструмент решения сложных вопросов, а не конфликт и конкуренцию.

Еще один пример, это константа — доверие, которая крайне необходима российскому обществу и нуждается в нормативном закреплении и правовой поддержке. Только через систему взаимодоверия возможно гармонично совершенствовать наше общество. Только через тонкую настройку контроля и свободы действия возможно создать общество взаимного доверия — это и будет ориентиром для подготовки высококвалифицированных юристов.

Одно из важнейших направлений трансформации — учет такой ценности, как приоритет духовного над материальным [13]. Многие десятилетия российское общество ставило материальные ценности выше интересов индивида, потребностей общества и возможностей государства. Мы оставим за рамками данной статьи осмысление вопросов необходимости смены капиталистической формы хозяйствования, которая, конечно, не может в полной мере соотноситься с приоритетом духовных ценностей. В будущем и практики, и теоретики будут искать возможности изменения капиталистической формы хозяйствования, что потребует изменения и социального устройства. Сейчас же важно интегрировать в образовательную деятельность и стандарты эту константу, дав возможность молодым людям переориентировать свои модели поведения и целевые установки под требования выдвинутых ценностей. Не выбирать парадигмы извлечения прибыли любым путем, а находить гармонию в общественных отношениях, основанных на коллективистских началах.

Еще один важный аспект, требующий осмысления, — возможность дальнейшей реализации концептуальных положений, используемых в либеральной парадигме — приоритет прав и свобод человека и гражданина в организации общественных отношений. Нам представляется весьма важным сохранить этот постулат, так как многие столетия общества разных стран пытались найти уникальные способы совершенствования человека и гармонизацию общественных отношений и всегда, и в либеральной парадигме, и в коммунистической, и в консервативной, и в других формах, стремились развивать человека, его лучшие черты

и качества. Трудно себе представить общество, которое будет снимать человека с пьедестала отношений — «расчеловечивать право», прикрываясь интересами государства, общества или семьи. Но и допускать ситуацию, когда индивид в своих эгоистических устремлениях будет стремительно деградировать, а общество и семья будут пожинать плоды этого, не стоит. Поэтому юристы должны найти алгоритмы регулирования общественных отношений в новых реалиях. Правовые специальности потребуют пересмотра подходов к теоретическим конструкциям, отвечающим за нормотворчество и организацию правосознания в качестве регуляторов формирующихся общественных отношений.

Мы не согласны с позицией ряда авторов, которые считают, что «с формально-юридической точки зрения закрепление в правовых текстах понятий, соотносящихся с традиционными духовно-нравственными ценностями, предполагает возможность обращения к ним в “сложных случаях” толкования права и разработки моделей юридической аргументации» [14, с. 294]. В нашем случае создаваемых общественных отношений это не отсылка к правоприменению, это прежде всего нормотворчество, которое закрепляет нормативность общественных отношений и требует их соблюдения; это не просто учет этих ценностей в праве, а формирование права на основе этих ценностей. Да, пока четких контуров идеологического обеспечения правосознания мы не видим, но очевидно, что традиционные ценности совместно с цивилизационным подходом могут стать паттернами их создания. Уже сейчас назревает необходимость интеграции в образовательный процесс этих подходов, чтобы выпускники вузов понимали общественно-политические тренды и были готовы на практике реализовывать закреплённые ценности и константы.

Следующий важный аспект модернизации современного юридического образования предполагает соотнесение сформулированных политическим классом страны ценностей и принципов их достижения с большой начавшейся работой по цифровизации всего государственного управления и образовательной деятельности в том числе. Мы видим, с какой скоростью происходит цифровизация и внедрение алгоритмов искусственного интеллекта (далее — ИИ) в повседневную жизнь и процессы образования. Президент страны В.В. Путин отметил, что «с внедрением искусственного интеллекта в науку, образование, здравоохранение, все сферы нашей жизни — человечество начинает новую главу своего существования»¹. Государство в нашей стране возглавило процесс интеграции ИИ в общественные отношения, так в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»² была подготовлена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Важным направлением этой программы является создание системы правового регулирования цифровой экономики, а реализации этой задачи посвящен федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», который курирует Министер-

¹ См.: Путин назвал искусственный интеллект новой главой в жизни человечества // РБК 24 ноября 2024 года. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65609a8e9a79474e2f129c82> (дата обращения: 05.03.2024).

² См.: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20, ст. 2817.

ство экономического развития РФ¹. Вместе с тем процесс цифровизации и интеграции ИИ в практическую сферу еще до конца не отработан и требует особого внимания, ведь задача стоит в сохранении коллективистских начал, ценностей семьи и других, а сам процесс цифровизации предполагает все большую индивидуализацию. По всей видимости, процессы разрушения семейных ценностей, увеличение возраста заключения брака, отказ от детей, который мы наблюдаем в ряде стран, являются последствием активной цифровизации и технологического развития — высвобождение свободного времени человека, не связанного с жизнеобеспечением, отсутствие необходимости в коллективном хозяйстве даже на бытовом уровне. Вследствие этого представляется важной постепенная интеграция цифровых технологий и ИИ с учетом времени апробации новелл для того, чтобы традиционные ценности не заменялись иными, ведущими к быстрому снижению жизненного потенциала общества.

Не менее важный аспект заключается в том, что ИИ построен по языковым моделям, которые участвуют в формировании мировоззрения и идентичности граждан, моделируя их поведение. Могут ли искусственные модели и алгоритмы участвовать в формировании мировоззрения? Ведь любые объекты, формирующие мировоззрение и идентичность, в том числе и ИИ, не просто описывают явления и события, прогнозируют их развитие, но и создают новые нейросети, будущее индивида и общества. Поэтому считаем целесообразным на государственном уровне очертить четкие правовые рамки использования ИИ в управлении общественными отношениями и образовании: от использования ИИ при написании выпускных квалификационных работ до сбора и использования биометрических данных человека.

Особый вектор трансформации предполагает переподготовку профессорско-преподавательского состава в соответствии с новыми требованиями цивилизационного подхода. Очевидно, что осознание значимости трансформации, перестройка курсов, учебных стандартов и планов потребуют большого напряжения и консолидации множества ресурсов. Важно при этом осознать, что это не только и не столько работа преподавательского корпуса, сколько всего юридического сообщества.

В целом важно отметить, что начавшаяся в российском обществе большая работа по трансформации общественных отношений и выстраивание новых ценностных стандартов, основанных на цивилизационном подходе и активном использовании традиционных ценностей российского общества, требует комплексного подхода во всех сферах — управлении, экономике, образовании и многих других. Юридическое образование, идущее в авангарде гуманитарного, требует особого внимания, так как именно право цементирует ценности и наполняет принципы и константы конкретным содержанием, нуждается в новом осмыслении и серьезной проработке как теоретических основ, так и методик. Предложенные векторы уже сейчас требуют воплощения на практике, что, по нашему мнению, позволит сконструировать идеальную модель будущего России, как государства-цивилизации.

¹ См.: Нормативное регулирование цифровой среды // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/ (дата обращения: 05.03.2024).

Библиографический список

1. Высшее образование в России. Очерки истории до 1917 года. М.: НИИВО, 1995. 342 с.
2. Борисов А.В., Колодкин Л.М. Становление и развитие юридического образования в дореволюционной России. М.: Изд-во Акад. МВД России, 1994. 81 с.
3. Крашенинников П.В. Страсти по праву: очерки о праве военного коммунизма в советском праве: 1917–1938. М.: Статут, 2019. 331 с.
4. Краковский К.П. «Право появляется там, где есть добро и согласие...» (неопубликованные труды выдающегося правоведа М.М. Сперанского) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 67–77.
5. Сидоренко А.И., Ибрагимова Ю.Э. Право, закон и суд в трудах Карла Маркса // Журнал российского права 2018. № 7. С. 163–181.
6. Сургуладзе В.Ш. Россия — государство-цивилизация: к вопросу о концептуальном видении роли страны в доктринальных документах государственного стратегического планирования // Власть. 2023. № 5. С. 22–31.
7. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. 692 с.
8. Грибачев В. Сергей Михеев: «Давайте честно признаем» // Наша молодежь. 2012. № 11. С. 6–7.
9. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2022. 528 с.
10. Артюхин О.А., Иванова Л.Л., Батов А.Т. Мировоззренческие компоненты модели «Пентабазиса» в современной политике России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 190–196.
11. Сидоренко Н.И. Принципы и их значение для построения теории // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2016. № 2. С. 161–177.
12. Основы российской государственности: учеб. пособ. для студентов, изучающих социогуманитарные науки / А.Р. Боронин, Т.В. Евгеньева, И.И. Кузнецов и др. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. 550 с.
13. Основы российской государственности: учеб. пособ. для студентов естественно-научных и инженерно-технических специальностей / под рук. А.А. Ларионова (иеромонаха Родиона). М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. 252 с.
14. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2023. Т. 14, вып. 2. С. 294–306.

References

1. Higher Education in Russia. Essays on the History Before 1917. M.: NIIVO, 1995. 342 p.
2. Borisov A.V., Kolodkin L.M. Formation and Development of Legal Education in Pre-Revolutionary Russia. M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publishing House, 1994. 81 p.
3. Krashennnikov P.V. Passions in Law: Essays on the Law of Military Communism in Soviet Law: 1917–1938. M.: Statute, 2019. 331 p.
4. Krakovsky K.P. “Law Appears Where There Is Good and Harmony...” (unpublished works of the outstanding jurist M.M. Speransky) // North Caucasian Legal Bulletin. 2022. No. 1. P. 67–77.
5. Sidorenko A.I., Ibragimova Yu.E. Law, Law and Court in the Writings of Karl Marx // Journal of Russian Law. 2018. No. 7. P. 163–181.
6. Surguladze V.Sh. Russia — State-Civilization: on the Question of the Conceptual Vision of the Role of the Country in the Doctrinal Documents of the State Strategic Planning // Power 2023. No. 5. P. 22–31.
7. Ilyinsky I.M. Youth and Youth Policy: Philosophy. History. Theory. M.: Golos, 2001. 692 p.
8. Gribachev V. Sergey Mikheev: “Let’s Face It Honestly” // Our Youth. 2012. No. 11. P. 6–7.

9. *Matuzov N.I., Malko A.V.* Theory of State and Law: textbook. M.: Publishing house "Delo" RANEPА, 2022. 528 p.
10. *Artyukhin O.A., Ivanova L.L., Batov A.T.* Worldview Components of the Pentabasis Model in Contemporary Russian Politics // State and Municipal Management. Scientific notes. 2023. No. 2. P. 190–196.
11. *Sidorenko N.I.* Principles and Their Significance for the Construction of Theory // Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics. 2016. No. 2. P. 161–177.
12. Fundamentals of Russian Statehood: studies. handbook for students studying socio-humanitarian sciences / A.R. Boronina, T.V. Evgenieva, I.I. Kuznetsov, et al. M.: Publishing house "Delo" RANEPА, 2023. 550 p.
13. Fundamentals of Russian Statehood: a textbook for students of natural science and engineering specialties / under the direction of A. A. Larionov (Hieromonk Rodion). M.: Publishing house "Delo" RANEPА, 2023. 252 p.
14. *Kropachev N.M., Arkhipov V.V.* Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of Digital Transformation of Society: Theoretical and Legal Aspects // Bulletin of the St. Petersburg University. 2023. Vol. 14, issue 2. P. 294–306.

В.Н. Гаврилов, А.В. Кулаков, И.С. Макаров

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБОГАЩЕНИЕ ПРИ РАСПОРЯЖЕНИИ ВИРТУАЛЬНЫМИ ОБЪЕКТАМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение: в работе рассмотрена проблема неосновательного обогащения пользователей онлайн-сервиса Steam с точки зрения противоречивых положений гражданского законодательства, проведен анализ позиций отечественного и зарубежных законодателей и правоприменителей. **Цель** — на основании изученной практики правоприменения выявить наиболее проблемные аспекты положений гражданского законодательства России по вопросу оборота виртуальных объектов в цифровой среде. Раскрыть суть понятия «виртуальный объект» с целью определения их правовой природы. **Методологическая основа:** общенаучные методы познания (анализ, синтез), а также системный, структурно-функциональный и формально-юридический методы. **Результаты:** в гражданском законодательстве России выявлен ряд недостатков, способствующих неосновательному обогащению пользователей Steam. Кроме того, предложена дефиниция понятию «виртуальный объект», а также определена правовая природа рассматриваемого явления. **Выводы:** авторы предлагают причислить виртуальные объекты к объектам гражданских прав с последующей регламентацией в статьях Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: купля-продажа, виртуальные объекты, онлайн-сервис, Steam, теневые маркетплейсы, неосновательное обогащение.

V.N. Gavrilov, A.V. Kulakov, I.S. Makarov

UNJUST ENRICHMENT IN THE DISPOSAL OF VIRTUAL OBJECTS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Background: the paper considers the problem of unjust enrichment of Steam online service users from the point of view of contradictory provisions of civil legislation, analyses the positions of domestic and foreign legislators and law enforcers. **Objective** — on the basis of the studied practice of law enforcement to identify the most problematic aspects of the provisions of Russian civil legislation on the issue of turnover of virtual objects in the digital environment. To disclose the essence of the concept of 'virtual object' in order to determine their legal nature. **Methodology:** general scientific methods of cognition (analysis, synthesis), as well as systemic, structural-functional and formal-legal methods. **Results:** a number of shortcomings in Russian civil legislation that contribute to the unjust enrichment of Steam users are identified. In addition, a definition

© Гаврилов Владимир Николаевич, 2024

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vladimirgavrilov@rambler.ru

© Кулаков Александр Валерьевич, 2024

Обучающийся (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: sany.alex@outlook.com

© Макаров Иван Сергеевич, 2024

Обучающийся (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: i.s.makaroff@mail.ru

© Gavrilov Vladimir Nikolaevich, 2024

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

© Kulakov Aleksandr Valeryevich, 2024

Student (Saratov State Law Academy)

© Makarov Ivan Sergeevich, 2024

Student (Saratov State Law Academy)

*of the concept of 'virtual object' is proposed, and the legal nature of the phenomenon in question is defined. **Conclusions:** the authors propose to classify virtual objects as objects of civil rights with further regulation in other articles of the Civil Code of the Russian Federation.*

Keywords: purchase and sale, virtual objects, online distribution service, Steam, shadow marketplaces, unjustified enrichment.

Современные реалии постиндустриальной России, помимо повсеместной цифровизации, обеспечивающей доступ к многочисленным удобствам использования интернет-ресурсов, предлагают обществу в целом и цивилистической науке в частности новые вызовы [1, с. 86]. Заметим, что, несмотря на недостаточное урегулирование процесса реализации виртуальных объектов в киберпространстве, Digital-рынок с каждым годом становится все более востребованным. Так, если обратиться к данным, предоставленным исследовательской компанией Juniper Research, то можно прийти к однозначному выводу: мировой объем киберрынка имеет тенденции к росту — ежегодно количество сделок, совершаемых в интернет-пространстве, увеличивается на 5 %. Кроме того, Juniper Research не без оснований полагает, что к 2025 г. денежный оборот в сфере перепродажи виртуальных объектов, принадлежащих Steam, достигнет 20 млрд долларов США. Как отмечает Forbes, официально на Россию будет приходиться более 1,5 % от указанной суммы. В настоящее время параллельно друг другу функционирует ряд нелегальных сервисов, осуществляющих свою деятельность в сети Интернет, таких как CS.Money, DMarket и маркетплейс CSGO.com.

Между тем в положениях Гражданского кодекса РФ¹ (далее — ГК РФ) виртуальные объекты не получили необходимого законодательного закрепления, и, как следствие, процесс их купли-продажи должным образом не регламентирован. Обратимся к пользовательскому соглашению подписчика Steam, в соответствии с которым виртуальные объекты, находящиеся на платформе, являются интеллектуальной собственностью компании Valve, а их перепродажа на сторонних сервисах и вовсе запрещена². Однако на практике складывается иная ситуация: наличествует всемирный неофициальный интернет-рынок, на котором виртуальные объекты практически беспрепятственно продаются и приобретаются через сторонние сервисы.

Так, обстоятельства, сложившиеся в цифровой среде, демонстрируют, что пользователи игрового онлайн-сервиса не только совершают посягательства на интеллектуальную собственность компании Valve, но и приобретают имущество за счет данной компании без установленных законом оснований. Таким образом, учитывая приведенную совокупность обстоятельств, возможно заключить, что на текущем этапе своего формирования гражданскому законодательству в полной мере не удастся адаптироваться к уровню развития Digital-пространства и, как следствие, соответствовать современным тенденциям общественной жизни. В связи с этим сложившаяся ситуация нуждается в четком правовом регулировании.

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья и четвертая) по состоянию на 1 ноября 2023 г. с путеводителем по судебной практике: кодекс. М.: Проспект, 2023. 784 с.

² См.: Соглашение подписчика Steam. URL: https://store.steampowered.com/subscriber_agreement (дата обращения: 08.03.2024).

Представляется важным прежде всего раскрыть вопрос правовой сущности виртуального объекта. Как отмечалось ранее, виртуальные объекты не получили прямого закрепления в ГК РФ. Однако отечественный законодатель не исключает возможность применения в сложившейся ситуации аналогии права. Правоведы также предлагают опосредованно рассматривать виртуальные объекты через призму ст. 128 ГК РФ в значении понятия «цифровые права». Представляется, что подобный подход к отражению виртуальных объектов верен, но нельзя утверждать, что данный способ является единственным. Так, в соответствии с феноменом непоименованности возможно отнести виртуальные объекты не к цифровым правам, а к иному имуществу, о котором говорится в рассматриваемой статье Кодекса. Между тем в настоящее время ведутся дискуссии по вопросу легальности расширенного толкования ст. 128 ГК РФ. Например, В.А. Ершов и С.А. Степанов считают, что перечень, обозначенный в ст. 128 ГК РФ, является закрытым, а Р.М. Янковский, напротив, относит его к открытым. Таким образом, мнение законодателя об отсутствии практического смысла в легальном закреплении понятия «виртуальный объект» не только создает почву для разночтений и научных дискуссий, но и предоставляет заинтересованным лицам возможность для различных злоупотреблений с целью извлечения личной материальной выгоды [2].

Сложившаяся ситуация демонстрирует, что современные реалии, при которых происходит рост теневых Digital-рынков, не позволяют заполнять правовые пробелы в ГК РФ рассматриваемыми способами. Представляется необходимым внести изменения в текст ст. 128 ГК РФ: причислить виртуальные объекты к объектам гражданских прав, отнеся их к цифровым правам. Кроме того, в ст. 1411 прямо предусмотрена возможность распоряжения цифровыми правами, если условиями информационной системы не предусмотрено иное, что, в свою очередь, позволяет дать следующее определение понятию «виртуальный объект» — это объект, возникший в результате деятельности человека в виртуальном пространстве и способный (в предусмотренных законом случаях) участвовать в экономическом обороте на правах собственности посредством владения, пользования и распоряжения им.

Примером сервиса, с помощью которого лицо может реализовывать свое право на пользование объектами виртуального мира можно считать торговую площадку Steam. Стоит обозначить, что в соответствии с условиями лицензионного соглашения платформы Steam виртуальные объекты, хранящиеся на аккаунте пользователя, являются интеллектуальной собственностью компании Valve, и их обращение вне официальной торговой площадки запрещено. Кроме того, на основании ч. 1 ст. 141¹ ГК РФ распоряжение цифровыми правами возможно только в случае указания на то в правилах информационной системы, следовательно, обращение виртуальных объектов за рамками платформы Steam недопустимо не только с точки зрения правил компании Valve, но и с позиции гражданского законодательства России. Отечественный правоприменитель относит к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации сами многопользовательские игры и непосредственно виртуальные объекты, находящиеся в этих играх (п. 2 ч. 1 ст. 1225 ГК РФ).

Однако пользователи онлайн-игр приобретают на праве пользования уникальные внутриигровые предметы, после чего с помощью выполнения определенных процедур выводят данные предметы за рамки официальной торговой

площадки и, используя сторонние сервисы, выставляют их на торги, обменивая на денежные средства. Таким образом, подписчики платформы Steam не только посягают на интеллектуальную собственность юридического лица, но и получают материальную выгоду от реализации имущества за счет компании Valve без установленных правовых оснований. Сложившаяся ситуация подпадает под определение неосновательного обогащения (ч. 1 ст. 1102 ГК РФ), следовательно, каждая сделка, совершенная на CS.Money, DMarket, CSGO.com и других подобных маркетплейсах, является незаконной.

Между тем покупка виртуальных объектов на официальной торговой площадке Steam наделяет отечественного пользователя не только правом пользования, обозначенным в лицензионном соглашении платформы Steam, но и правом распоряжения согласно ГК РФ. Как было обозначено ранее, в соответствии со ст. 141¹ ГК РФ распоряжаться внутриигровым имуществом возможно при условии, что данное действие не будет противоречить лицензионному соглашению информационной системы.

На основании ч. 1 ст. 141¹ ГК РФ данная информационная система должна отвечать установленным законом России признакам, соответствовать которым платформе Steam не удастся. Так, рассматриваемый онлайн-сервис не отвечает требованиям ч. 3 ст. 5 Федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации» (далее — Закон № 236-ФЗ), так как у платформы Steam отсутствует представительство в России, а согласно ч. 2 ст. 7 данного Закона одним из требований, предъявляемых к представительствам иностранных компаний, осуществляющих деятельность в Сети, является представление интересов данной компании в судах. Таким образом, условие, ограничивающее право российских пользователей на распоряжение виртуальным объектом, указанное в ст. 141¹ ГК РФ, не распространяется на сделки, совершенные гражданами России в ущерб компании Valve. Более того, само пользовательское соглашение фактически противоречит интересам Российской Федерации [3].

Таким образом, складывается следующая ситуация: неосновательное обогащение за счет платформы Steam конечно же недопустимо, но в случае возникновения подобных ситуаций, привлекать к гражданской ответственности отечественных пользователей затруднительно.

Однако в описанных обстоятельствах незащищен не только онлайн-сервис, но и его пользователь. Так, в случае если Steam предположит, что виртуальный объект, находящийся на аккаунте пользователя, был получен в обход правил игровой площадки, то она правомочна заблокировать данный аккаунт без возможности его дальнейшего восстановления(!). Например, если из пяти виртуальных объектов один был получен незаконно, то блокировке подлежит весь аккаунт без возможности вернуть денежные средства за внутриигровое имущество, приобретенное законным путем. Более того, обобщение российской судебной практики показало, что в случае обращения пользователя в суд, ему будет отказано в иске: суды при разрешении споров о виртуальных объектах ссылаются на положения ч. 1 ст. 1062 ГК РФ, несмотря на то, что виртуальные объекты не являются игрой и не создают условий для выигрыша. Тем не менее позиция зарубежного правоприменителя в ряде государств иная: суды принимают иски и рассматривают дела по существу, благодаря чему обеспечивается защита прав и пользователей, и платформы.

При сложившихся обстоятельствах происходит взаимное умаление прав: Valve ущемляет права пользователей, пользователи нарушают правила Valve, а государственно-правовой механизм сталкивается с трудностями в разрешении сложившейся ситуации. Конечно же, можно пойти простейшим путем и запретить деятельность Steam на территории России в связи с нежеланием Valve открывать представительство в нашей стране. Однако подобный подход к данному вопросу не может являться верным, поскольку, во-первых, одна из ключевых целей государства и права — способствовать прогрессу [4, с. 33–34], а не выступать инструментами подавления востребованных обществом услуг, а во-вторых, если препятствовать деятельности компаний, то в перспективе это негативным образом скажется на инвестициях в нашу страну.

Для максимально подробного изучения правовой природы виртуальных объектов и поиска наиболее рациональных способов предотвращения и предупреждения правовых трудностей, связанных с их существованием, важно рассмотреть позицию зарубежного законодательства по вопросам регулирования объектов Digital-пространства. Представляется, что данный анализ позволит выработать наиболее действенные варианты заполнения сложившегося правового вакуума в ГК РФ. Однако необходимо заметить, что регулирование данного вопроса в разных странах мира различно и не всегда эффективно, что обусловлено рядом факторов, из чего следует, что не существует универсальной детерминанты, подходящей для России. Поэтому отечественному законодателю следует вдохновиться лучшими и наиболее действенными зарубежными правовыми механизмами и аккумулировать их в имеющиеся положения ГК РФ.

В Тайване, например, вопрос распоряжения виртуальными объектами регулируется постановлением Министерства юстиции от 23 ноября 2001 г., согласно которому внутриигровое имущество является собственностью пользователя, которым он может распоряжаться по своему усмотрению, что в России де-юре не закреплено. Таким образом, Правительство Тайваня устанавливает приоритет закона над пользовательским соглашением. По законодательству Южной Кореи игровые объекты не признаются собственностью пользователя.

Обратимся к ситуации, при которой платформа Steam правомочна блокировать аккаунт пользователя без возмещения средств владельцу самого аккаунта. Решением Окружного суда Парижа от 17 сентября 2019 г. по делу между Valve и французской организацией Union fédérale des consommateurs¹ суд Франции признал некоторые пункты условий лицензионного соглашения платформы Steam, противоречащими законодательству Франции, обязав компанию Valve возместить денежные средства пользователям в случае, если они останутся на платформе. Данное обстоятельство демонстрирует, что в случае доказанного наличия незаконно приобретенного виртуального объекта у пользователя платформа Steam, помимо возможности реализовать свое право на блокировку недобросовестного аккаунта, приобретает обязанность возместить ущерб пользователю за предметы, полученные законным путем и хранящиеся на этом же аккаунте.

В США наличествует концепция Magic Circle, согласно которой внутриигровые события не могут трактоваться с точки зрения законов физического мира.

¹ См.: Tribunal de grande instance de paris. 1/4 social. № RG:16/01008 № -Portalis 352J-W-B7A-CHASA. Jugement rendu le 17 September 2019.

Однако суды США не всегда придерживаются данной концепции и часто встают на сторону пользователя. Так, в судебном решении по иску Марка Брэга суд счел ряд положений игрового соглашения недобросовестными и признал необходимым возместить стоимость внутриигровых сбережений, которые были утрачены истцом вследствие блокировки аккаунта владельцем онлайн-сервиса.

Если рассматривать позицию законодательства Германии, то по вопросам регулирования купли-продажи виртуальных объектов оно схоже с нормативными правовыми актами Южной Кореи: не происходит выделения внутриигровой собственности в отдельную категорию имущества. Данное положение позволяет немецкому правоприменителю трактовать покупку и продажу внутриигровых объектов на сторонних сервисах как недобросовестное поведение.

Обозначенная проблема должна найти свое решение в законодательном урегулировании правового вакуума, возникшего в сфере обращения виртуальных объектов в интернет-пространстве с учетом зарубежного опыта.

1. В ст. 128 ГК РФ необходимо причислить виртуальные объекты к объектам гражданских прав как цифровые права, что предотвратит расширенное толкование имеющейся нормы.

2. Необходимо определить природу любого виртуального объекта не как многопользовательскую компьютерную игру, а оцифрованный предмет, находящийся на игровой платформе и способный участвовать в экономическом обороте (в предусмотренных случаях), и закрепить данное положение в ст. 1062 ГК РФ, поскольку компьютерные игры относятся к числу азартных мероприятий, основаны на риске соглашения о выигрыше и не подлежат судебной защите, а виртуальные объекты часто не связаны с игровым процессом напрямую и не способствуют выигрышу, а приобретаются пользователями исключительно из-за уникальных визуальных качеств непосредственно самого внутриигрового предмета. Представляется, что регламентация рассматриваемого понятия в обозначенной статье ГК РФ целесообразна, так как позволит разграничить схожие явления виртуального мира.

3. Обеспечить открытие представительства Valve на территории России. Если Valve будет злонамеренно препятствовать данной инициативе, то судам нашей страны следует признать обогащение отечественных пользователей от реализации виртуальных объектов на сервисах за рамками платформы Steam основательным. Что достижимо путем актуализации положений ст. 141¹ ГК РФ: указать на возможность распоряжения цифровыми правами посредством обращения пользователей к услугам третьих лиц.

Таким образом, постановка процесса обращения виртуальных объектов в цифровом пространстве в рамки правового поля и последующее регулирование отношений, связанных с ними, — не только актуальная, но и трудоемкая задача, требующая внимания ко всей специфике и многогранности цифрового мира. Законодательное урегулирование сложившейся ситуации положительным образом отразится на развитии правоприменительной практики. Кроме того, создание современной системы правового регулирования, безусловно, обеспечит защиту прав как добросовестных пользователей, так и игровой платформы [5, с. 8].

Библиографический список

1. *Родионова О.М.* Право и цифровые технологии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6(131). С. 85–89.
2. *Гаврилов В.Н., Захарова О.А., Исмаилов Э.Ш.* Цифровые права как объекты гражданских прав // Вестник экономики, права и социологии. 2021. Т. 1, № 4. С. 56–59.
3. *Мильшин Ю.Н.* Цифровизация как важный инструмент контрольно-надзорной деятельности органов публичной власти // Взаимодействие власти, бизнеса и общества при формировании информационно-коммуникативной культуры граждан: матер. XIV Междунар. науч.-практ. конф. Саратов: Саратовский источник, 2021. С. 151–155.
4. *Минбалеев А.В.* Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 12(64). С. 32–36.
5. *Амелин Р.В., Чаннов С.Е.* Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: Норма, 2023. 280 с.

References

1. *Rodionova O.M.* Law and Digital Technologies // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 6(131). P. 85–89.
2. *Gavrilov V.N., Zakharova O.A., Ismailov E.S.* Digital Rights as Objects of Civil Rights // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2021. Vol. 1, no. 4. P. 56–59.
3. *Milshin Yu.N.* Digitalization as an Important Tool for the Control and Supervisory Activities of Public Authorities // The Interaction of Government, Business and Society in the Formation of Information and Communication Culture of Citizens: materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. Saratov: Saratov Source, 2021. P. 151–155.
4. *Minbaleev A.V.* Transformation of Regulation of Digital Relations // Bulletin of O.E. Kutafin University. 2019. No. 12(64). P. 32–36.
5. *Amelin R.V., Channov S.E.* The Evolution of Law Under the Influence of Digital Technologies. M.: Norma, 2023. 280 p.

Е.И. Лощинина

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ АНАЛОГИИ ЗАКОНА И АНАЛОГИИ ПРАВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Введение: пробелы в праве могут быть восполнены за счет совершенствования действующего законодательства, что требует определенного времени, либо преодолены при помощи такого инструмента, как аналогия — необходимого оперативного средства устранения пробелов в праве. Обозначена роль Верховного Суда РФ в применении аналогии, рассмотрены возможность применения в гражданском процессе разъяснений Верховного Суда РФ, относящихся к арбитражному процессу, и сложности формирования единой системы принципов осуществления правосудия, которые могут потребоваться в случае применения аналогии. **Цель** — обосновать необходимость применения аналогии закона и права как наиболее универсального средства преодоления пробелов в праве. **Методологическая основа:** совокупность диалектического и системного методов, формально-юридического и сравнительно-правового. **Результаты:** необходимость применения аналогии в том или ином судебном споре должна восприниматься как сигнал о наличии пробела в праве, нуждающегося в устранении. **Выводы:** представляется важным понимать, пробелы в праве, следовательно, использование аналогии закона и права выступают естественным и неизбежным явлением, поэтому судам необходимо совершенствоваться в использовании этих методов при разрешении дел. Данный инструмент, действительно, может придать некоторую «гибкость» законодательству и предотвратить сложности его применения.

Ключевые слова: пробелы в праве, аналогия закона, аналогия права, срок выдачи исполнительного листа, принципы осуществления правосудия.

E.I. Loshinina

CERTAIN ISSUES OF APPLICATION OF ANALOGY OF LEGISLATION ACT AND ANALOGY OF LAW IN CIVIL PROCEEDINGS

Background: gaps in the law can be filled by improving the current legislation, which requires a certain amount of time, or can be overcome with the help of such a tool as analogy — a necessary operational means of eliminating gaps in the law. Outlines the role of the Supreme Court of the Russian Federation in the application of analogy, considers the possibility of application in civil proceedings of clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation relating to arbitration proceedings, and the difficulties of forming a unified system of principles of justice, which may be required in the case of application of analogy. **Objective** — to justify the need to apply the analogy of act of legislation and law as the most universal means of overcoming gaps in the law. **Methodology:** a combination of dialectical and systemic methods, formal legal and comparative legal. **Results:** the need to apply an analogy in a particular legal dispute should be taken as a signal that there is a gap in the law that needs to be eliminated. **Conclusions:** it seems important to realize that gaps in the law, hence the use of analogies of law and law is a natural and inevitable phenomenon,

© Лощинина Елена Ивановна, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: stef.dem@bk.ru

© Loshchinina Elena Ivanovna, 2024
Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

so courts need to improve their use of these methods in resolving cases. This tool may indeed give some 'flexibility' to the legislation and prevent difficulties in its application.

Keywords: *gaps in the law, analogy of the law, analogy of law, deadline for issuing a writ of execution, principles of justice.*

Трудно представить закон, который бы исчерпывающим образом, комплексно регулировал все многообразие относящихся к нему случаев. Часто через некоторое время после принятия нормы правоприменитель обнаруживает пробел, связанный с отсутствием правового регламента определенного случая. Пробелы могут обнаруживаться даже в ГПК РФ, если законодатель создал общую норму без одновременного конкретного, четкого регулирования всех ее положений.

В идеале необходима полная ликвидация подобных пробелов в процессе деятельности нормотворческих органов. Вместе с тем этот способ требует значительных затрат времени. Однако преодолеть пробелы можно с помощью таких инструментов, как аналогия закона и аналогия права, которые с давних пор привлекали внимание отечественных ученых. Так, И.А. Покровский (1868–1920) отмечал, что если случай не разрешается законом непосредственно, то надо применить закон аналогичный (аналогия закона), если такого закона нельзя найти, то необходимо обратиться к общему смыслу или общему духу законодательства (аналогия права) [1]. Г.Ф. Шершеневич (1863–1912) указывал, что аналогия права наступает тогда, когда случай не укладывается в содержание какого-либо закона и является раскрытием точки зрения, часто даже не сознаваемой, с которой законодатель смотрел на жизненные отношения, когда подчинял их правовой нормировке [2].

Практически в неизменном виде смысл данных положений отражен в современном российском законодательстве. В ч. 4 ст. 1 ГПК РФ¹, определяющей законодательство о гражданском судопроизводстве, предусмотрено, что в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, суд применяет норму, регулиющую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действует исходя из принципов осуществления правосудия в России (аналогия права). В ч. 3 ст. 11 ГПК РФ, посвященной нормативным правовым актам, применяемым судом при разрешении гражданских дел, содержится подобное положение об аналогии закона и указывается, что при отсутствии норм, регулирующих сходные отношения, суд разрешает дело, исходя из общих начал и смысла законодательства (аналогия права).

Данные способы преодоления пробелов в праве Е.Ю. Тихонравов справедливо называл «фиктивным правоприменением» [3]. Существует одно общее условие применения аналогии — отсутствие правовых норм, регулирующих спорные отношения. К условиям применения аналогии закона, как указывает А.В. Германов, в гражданском процессуальном праве относятся отсутствие прямого правового регулирования и возможностей субсидиарного правоприменения, исчерпание ресурса расширительного толкования и учет существа регулируемых

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 6 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2024. № 15, ст. 1967.

и фактически сложившихся отношений [4]. В данном случае уже существующая в законодательстве норма заимствуется и переносится в другую область правового регулирования, где обнаруживается пробел. Общий смысл заимствованной и применяемой к определенному случаю нормы исказать нельзя, поэтому такая норма подлежит частичному приспособлению к тому случаю, к которому она применяется [4]. Для аналогии права характерно отсутствие нормы права, которая могла бы применяться по аналогии. В данном случае формируется новое «правовое положение», фактически восполняющее недостающую норму права. Судебное решение, основанное на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права, является законным (ч. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23¹).

Как отмечал А.Т. Боннер, разрешение дела на основании аналогии закона или права не может быть признано формой судебского усмотрения, так как здесь отсутствует какая-либо свобода при выборе вариантов решения [4]. При наличии оснований применение аналогии является обязательным для судов.

Следует также указать на особую роль в применении аналогии Верховного Суда РФ, который в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения (п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации»²). Например, с целью обозначения аналогии закона в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10³ отмечено, что ГПК РФ не предусматривает возложение судебных расходов на участника процесса, злоупотребляющего процессуальными правами, поэтому по аналогии применяются положения ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, ст. 111 АПК РФ, в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1⁴ указывается: если лица, не в пользу которых принят судебный акт, являются солидарными должниками или кредиторами, судебные издержки возмещаются указанными лицами в солидарном порядке (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, ст. 323, 1080 ГК РФ).

Что касается аналогии права, то ее проведение требует от судей наиболее сложной мыслительной работы. В данном случае применение «традиционных» приемов и способов толкования правовых норм связывается с потребностью привлечения арсенала юридических знаний о праве в форме специально-юридического толкования. Это говорит о необходимости подлинного высокого профессионализма судей, который не всегда имеет место на практике.

Представляет интерес следующая ситуация. Стороны могут заключить, а суд утвердить мировое соглашение, по которому ответчик погашает имеющуюся задолженность путем внесения периодических платежей в течение длительного срока (например, ежемесячно в течение пяти лет). В соответствии со ст. 21 Фе-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» (в ред. от 23 июня 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2; 2015. № 8.

² См.: Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 14 июля 2022 г.) // СЗ РФ. 2014. № 6, ст. 550; 2022. № 29, ч. 1, ст. 5200.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4.

дерального закона «Об исполнительном производстве»¹, применяемой судами общей юрисдикции, исполнительные листы, выдаваемые на основании судебных актов, могут быть предъявлены к исполнению в течение трех лет с даты их вступления в законную силу.

При этом положения ГПК РФ не определяют порядка предъявления к исполнению исполнительного листа для мировых соглашений с длительным сроком исполнения. Поэтому в случае, когда ответчик прекратил вносить платежи в четвертый или пятый год установленного срока и истец обратился с заявлением о предоставлении ему исполнительного листа, суд может со ссылкой на указанное положение федерального закона дать ответ наподобие: «Поскольку срок предъявления исполнительного листа к исполнению истек ранее подачи соответствующего заявления, выдача исполнительного листа не представляется возможным».

Между тем Верховным Судом РФ была высказана иная позиция по данному вопросу, хотя и относящаяся не к гражданскому, а к арбитражному процессу, в котором возникла схожая проблема. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 апреля 2019 г. № 309-ЭС18-23448 по делу № А50-16709/2017² указывается на трехлетний, по общему правилу, срок предъявления к исполнению исполнительного листа. Отмечается, что при заключении мирового соглашения стороны самостоятельно распоряжаются своими материальными правами, вправе согласовать любые условия мирового соглашения, если они не противоречат федеральному закону и не нарушают права и законные интересы других лиц. Текст мирового соглашения, как правило, содержит согласованные сторонами сведения об условиях, размере и сроках исполнения обязательств. Мировое соглашение исполняется лицами, заключившими его, добровольно, в порядке и сроки, предусмотренные этим соглашением, в противном случае оно подлежит принудительному исполнению. По смыслу данных норм в период до истечения срока, отведенного сторонами мирового соглашения для его добровольного исполнения, принудительное исполнение не допускается, что отличает мировое соглашение от решения суда о взыскании денежных средств.

Далее в Определении Верховного Суда РФ разъясняется, что при неисполнении мирового соглашения трехлетний срок предъявления к исполнению исполнительного листа, выданного на основании такого соглашения, содержащего график погашения задолженности, исчисляется отдельно по каждому платежу. Он начинает течь с начала просрочки погашения соответствующей части долга, исходя из условия о сроке внесения этого платежа, зафиксированного в мировом соглашении.

Подобный вывод Верховного Суда РФ является полностью справедливым. В ином случае отсутствовала бы возможность возбудить в отношении недобросовестного ответчика исполнительное производство по истечении трехлетнего срока после утверждения мирового соглашения в связи с отсутствием исполнительного листа, то есть должник получил бы «легальное» освобождение

¹ См.: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 6 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849; 2024. № 15, ст. 1967.

² См.: Официальный сайт. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1762568 (дата обращения: 22.04.2024).

от выполнения своих обязательств. Такой исход, когда исполнение обязательств с течением времени осталось лишь «актом доброй воли» для должника, меняет саму суть ранее заключенного сторонами мирового соглашения. С учетом распространенности заключения и утверждения судом мировых соглашений по долговым обязательствам рассмотренное Определение Верховного Суда РФ приобретает важное значение для множества кредиторов.

Однако в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 апреля 2019 г. № 309-ЭС18-23448 по делу № А50-16709/2017 не содержится ссылок на применяемую аналогию и посвященные ей положения законодательства. Может возникнуть вопрос о том, что использовалось судом — аналогия или расширительное толкование норм права. Нужно учитывать, что толкование нормативного текста связывается с решением задачи его понятийного наполнения и заключается в установлении объема и содержания использованных в тексте закона слов и выражений [4]. Однако в рассматриваемом случае необходимых «слов и выражений» в законодательстве не существовало, краткое упоминание о трехлетнем сроке в ст. 21 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» каких-либо отступлений от этого правила не предусматривало, а положения законодательства об особенностях мирового соглашения сами по себе не отменяют установленного требования.

По мнению автора настоящей статьи, в данном случае имела место аналогия права. Пробел в праве возник вследствие оставления законодателем без внимания ситуации, когда трехлетний срок выдачи исполнительного листа не может быть применен без нарушения прав и интересов кредитора. Аналогия закона не оказывалась возможной. Таким образом, к спорному отношению Верховным Судом РФ были применены общие начала и смысл законодательства.

В условиях, когда позиция Верховного Суда РФ о применении трехлетнего срока выдачи исполнительного листа известна, в рамках гражданского процесса отказ суда выдать истцу исполнительный документ в случае пропуска общего срока при наличии «долгосрочного» мирового соглашения со ссылкой на то, что разъяснения Верховного Суда РФ относятся к арбитражному процессу, нарушит права истца. Полагаем, что судам общей юрисдикции следует учитывать совпадение смысла рассматриваемых Верховным Судом РФ положений АПК РФ и норм ГПК РФ и применять аналогию права в гражданском процессе в соответствии с указаниями данного органа относительно арбитражного процесса.

Нужно отметить, что в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 апреля 2019 г. № 309-ЭС18-23448 по делу № А50-16709/2017 не упоминаются предусмотренные арбитражно-процессуальным, равно как и гражданско-процессуальным законодательством при аналогии права конкретные принципы осуществления правосудия в Российской Федерации и общие начала законодательства. Эти оценочные категории, хотя и не регулирующие конкретные права и обязанности сторон, их существенные качества (авторитетность, общезначимость, стабильность и т.п.), позволяют учесть определенные обстоятельства каждой конкретной ситуации, рассматриваемой судом.

Использование при аналогии принципов осуществления правосудия в силу их масштабности на практике может оказаться наиболее предпочтительным. Однако возникает вопрос: какой является система таких принципов? Позиции исследователей в данном случае различаются. А.А. Караева полагает, что к ос-

новным принципам правосудия в Российской Федерации в соответствии с Конституцией РФ относятся осуществление данного вида деятельности только судом, независимость судей и подчинение их только закону, состязательность и равенство всех участников судебного процесса перед законом и судом, принцип законности, а также обеспечение обжалования решения суда и обязательность решений суда [5]. Н.Ш. Гаджиалиева выделяет принципы осуществления правосудия в России применительно к гражданскому судопроизводству — это принципы гражданского права, выделенные в ст. 1 ГК РФ и в ч. 2 ст. 6 ГК РФ, помимо того, принципы справедливости, эквивалентности, добросовестности [6]. Нужно отметить, что такой подход противоречит позиции известных ученых В.В. Лазарева и С.В. Липень, согласно которой аналогия права связывается с принятием решения на основе общих принципов права [7].

Подобное разнообразие подходов к выявлению принципов осуществления правосудия в России приводит к выводу о целесообразности формирования Верховным Судом РФ хотя бы примерного их перечня, с указанием на важность использования данных принципов при аналогии права. Само указание в ч. 4 ст. 1 ГПК РФ на применение принципов предполагает наличие конкретики в их определении. В ином случае применение положений об аналогии права может оказаться осложненным для правоприменителя и вызвать дальнейшие споры.

Важно учитывать, что позиции Верховного Суда РФ служат ориентиром для нижестоящих судов. Это актуализируется в связи с расширением деятельности судов по восполнению неурегулированных пробелов на основании аналогии. Так, в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21¹ применительно к делам об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц указывается: если имеется пробел в правовом регулировании, который повлиял на возможность реализации прав, свобод, законных интересов граждан и организаций, в частности, в связи с отсутствием подзаконных актов, определяющих порядок реализации права гражданином или организацией, судам следует применять аналогию закона и права.

Можно сделать вывод, что аналогия закона и аналогия права могут предотвратить сложности применения законодательства при наличии пробелов. В данном случае законодательство наделяет суд достаточно широкими полномочиями, позволяющими ему создавать своеобразные «судебные нормы». В частности, путем аналогии права произошло дополнение существующих лаконичных положений законодательства о правилах предъявления исполнительного листа разъяснением того, что трехлетний срок обращения в суд о выдаче исполнительного листа в случаях, связанных с заключением мирового соглашения, применяется в соответствии с его условиями, в том числе и вне этого срока. Однако обращает на себя внимание отсутствие закрепленного перечня принципов осуществления правосудия, которыми, согласно законодательной формулировке, должны

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

руководствоваться суды при аналогии права, что создает описанные проблемы и нуждается в устранении их причин путем закрепления перечня принципов в первой главе ГПК РФ, а до этого — в акте Верховного Суда РФ.

Библиографический список

1. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. 351 с.
2. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910. Вып. 3. 320 с.
3. *Тихонравов Е.Ю.* Способы восполнения пробелов в законодательстве: вопросы теории и истории: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 173 с.
4. *Германов А.В.* Аналогия закона в гражданском процессуальном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 206 с.
5. *Караева А.А.* Понятие и основные принципы правосудия в Российской Федерации // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 355–358.
6. *Гаджиалиева Н.Ш.* Реализация судом дискреционных полномочий при применении аналогии права в гражданском судопроизводстве // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 1. С. 109–113.
7. *Лазарев В.В., Липень С.В.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Спарк, 2005. 582 с.

References

1. *Pokrovsky I.A.* The Main Problems of Civil Law. M.: Statute, 2020. 351 p.
2. *Shershenevich G.F.* General Theory of Law. M.: Publishing house of Br. Bashmakovykh, 1910. Issue 3. 320 p.
3. *Tikhonravov E.Y.* Ways to Fill Gaps in Legislation: Questions of Theory and History: diss. ... cand. of Law. M., 2013. 173 p.
4. *Germanov A.V.* Analogy of the Act of Legislation in Civil Procedural Law: diss. ... cand. of Law. M., 2019. 206 p.
5. *Karaeva A.A.* Concept and Basic Principles of Justice in the Russian Federation // Baltic Humanitarian Journal. 2020. No. 2. P. 355–358.
6. *Gadzhialieva N.Sh.* Implementation of Discretionary Powers by the Court when Applying the Analogy of Law in Civil Proceedings // Education. Science. Scientific staff. 2022. No. 1. P. 109–113.
7. *Lazarev V.V., Lipen S.V.* Theory of State and Law: textbook for universities. M.: Spark, 2005. 582 p.

Л.А. Блажнова

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Введение: в последние годы все чаще встает вопрос о самобытности российского гражданского процесса, характеризующегося наличием уникальных процессуальных институтов, своеобразием практики применения общеизвестных правовых институтов, в связи с чем особую значимость приобретает исследование правовых традиций российского гражданского процесса как методологической основы совершенствования законодательства.

Цель — обозначить научные представления о преемственности отечественных традиций осуществления гражданского судопроизводства, посредством разработки новых подходов к научной оценке самобытности российского гражданского процесса на основе отечественных традиций судопроизводства и разграничения конструкции «правовые традиции гражданского процесса» со смежными теоретическими категориями. **Методологическая основа:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики. **Результаты:** анализ специальной литературы показал, что в науке гражданского процесса нет однозначного понимания сущности правовых традиций гражданского судопроизводства и категоричного представления о субъектах, которые данные традиции воспринимают как социальный опыт. **Выводы:** на основе традиций в российском обществе сложились устойчивые представления о том, каким должно быть право и правосудие. Действующие гражданские процессуальные нормы явились неким компромиссом во взаимодействии различных традиций отправления правосудия.

Ключевые слова: традиции гражданского судопроизводства, самобытность и преемственность гражданского судопроизводства, субъекты традиций гражданского процесса.

L.A. Blazhnova

CONTINUITY OF DOMESTIC TRADITIONS OF JUDICIAL PROCEEDINGS: ISSUES OF THEORY AND LEGISLATIVE REGULATION

Background: in recent years, the question of the originality of Russian civil procedure, characterized by the presence of unique procedural institutes, peculiarity of practice of application of generally known legal institutions, etc., has arisen more and more often. In light of the above, the study of legal traditions of the Russian civil procedure as a methodological basis for improving the legislation is of particular importance. **Objective** — to identify scientific ideas about the continuity of domestic traditions of civil proceedings, through the development of new approaches to the scientific assessment of the identity of the Russian civil procedure on the basis of domestic traditions of legal proceedings and the differentiation of the construction of «legal traditions of civil procedure» with related theoretical categories. **Methodology:** empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. **Results:** analysis of special literature has shown that in the science of civil procedure there is no unambiguous under-

© Блажнова Лариса Ахмедовна, 2024

Соискатель кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: 7737777@mail.ru

© Blazhnova Larisa Akhmedovna, 2024

Applicant at the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

*standing of the essence of legal traditions of civil proceedings and a categorical idea of the subjects who perceive these traditions as social experience. **Conclusions:** on the basis of traditions, Russian society has developed stable ideas of what law and justice should be. The current civil procedural rules were a kind of compromise in the interaction of different traditions of administration of justice.*

Keywords: *traditions of civil proceedings, identity and continuity of civil proceedings, subjects of traditions of civil procedure.*

Преемственность и актуализация в современных условиях отечественного опыта регулирования гражданского судопроизводства выдвигают на первый план проблему выявления и оценки инновационного потенциала самобытных начал гражданского процессуального права. Вследствие приведенных оснований обращение к исследованию преемственности правовых традиций разрешения гражданских споров представляется актуальным.

В юридической литературе высказаны суждения относительно необходимости использования отечественных традиций организации правосудия по гражданским делам. По мнению К.Л. Брановицкого, Устав гражданского судопроизводства 1864 г., Основы гражданского процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. в совокупности с дореволюционной и советской процессуальной доктриной должны стать фундаментом для образования евразийского гражданского процессуального пространства [1, с. 10].

Отдельными авторами было сделано заключение о цивилизационной принадлежности российской правовой традиции к западноевропейской. Данную точку зрения А.Г. Москвина обосновывает тем, что российская юриспруденция «использует общеевропейский понятийный аппарат, оперирует общеевропейскими правовыми теориями и идеями, находится в европейском правовом поле» [2, с. 17]. В.О. Аболонин приходит к выводу, что в настоящее время «гражданский процесс все чаще воспринимается как некая универсальная наука, развивающаяся по общим законам, почти независимо от национальных или региональных особенностей и традиций» [3, с. 40].

Посредством сравнительного анализа методов правового регулирования российского гражданского судопроизводства исследованы ценностные основания и механизм восприятия традиций в области правосудия. Новизна подхода заключается в том, что в соответствии с общефилософским подходом, дифференцирующим должное и сущее, исследованы представления общества о должностовании в области отправления гражданского правосудия.

Автор пришел к выводу, что рассуждения о незначительной роли традиционных оснований российской правовой системы, об отсутствии значимого исторического опыта правового регулирования не имеют прочного методологического обоснования. Как совершенно справедливо отмечает Д.Я. Малешин, «самобытность российского гражданского процесса обусловлена несколькими факторами. Во-первых, наличием самобытных правовых институтов, не имеющих аналогов в других правовых системах. Во-вторых, самостоятельными причинами, обусловившими смешанный характер отечественного типа гражданской процессуальной системы. В-третьих, предпосылками, определившими возникновение и развитие правовых институтов, известных другим правовым системам. В-четвертых, своеобразной практикой применения общеизвестных

правовых институтов. В-пятых, самостоятельным характером многих положений отечественной науки гражданского процессуального права» [4, с. 13].

Кроме того, процессуальные институты, возникшие и получившие распространение в других государствах, в нашей стране нередко действуют особым образом [4, с. 13–14]. В связи с этим отдельного внимания заслуживает исследование категорий «правовая традиция» и «преемственность в праве».

Авторы работ, посвященных исследованию преемственности в праве, единодушны во мнениях, что преемственность представляет собой форму связи между старым и новым этапами в развитии права [5, с. 121; 6, с. 49; 7, с. 3]. Разногласия во взглядах на преемственность обнаруживаются по вопросу о характере связи. Одну из точек зрения наиболее четко выразил В.А. Рыбаков, по словам которого «преемственность в праве — лишь непосредственная связь двух ближайших этапов развития, лишь результат 1-го отрицания. Нельзя считать преемственностью тот случай, когда исчезнувшие элементы старого права проявляются снова через этап, два или три — это следует считать повторением, т.к. это возврат к тому, что было утрачено на предшествующих этапах отрицания» [8, с. 47].

В литературе на этот счет существует и другая точка зрения, выраженная, в частности, Ф.Ф. Литвиновичем: «Понятие преемственности в праве как отношение между старым и новым этапами развития права является одномерной, упрощенной и линейной моделью преемственной связи» [7, с. 3].

Полагаем, что преемственность элементов правовой системы обусловлена совокупностью объективных и субъективных факторов, в связи с чем использование прошлого опыта следует характеризовать не как возможность, а как необходимость изменения действующего законодательства.

Ни значение слова «повторение», ни значение слова «преемственность» в русском языке не включают в себя определение количества поколений и качества поколений (ближайшие, разделенные значительными временными интервалами и т.д.). Так, повторение — это воспроизведение образца духовной или материальной деятельности без внесения в него каких-либо элементов новизны, тогда как преемственность — восприятие последующими поколениями наиболее значимых материальных или духовных объектов прошлого и их изменение, приспособление к существующим условиям.

В связи с установленным смысловым содержанием точнее говорить о преемственности не как о межпоколенной связи, а как о свойстве объекта правовой традиции. Данное свойство присуще не всем элементам правовой системы, а лишь тем из них, которые содержат, по словам А.А. Батуры, «инновационный фонд», то есть актуальны с точки зрения воспринимающего субъекта [9, с. 81].

Так, в современном законодательстве был возрожден институт вынесения заочного решения, свойственный дореволюционному гражданскому процессу. Актуальность осуществления заочного производства обуславливается схожими причинами — действие принципа состязательности, недобросовестное отношение сторон к процессуальным обязанностям, стремление законодателя стимулировать граждан к ответственному поведению, необходимость в ускорении судопроизводства.

Устав гражданского судопроизводства 1864 г. определял следующий порядок заочного производства: «В случае неявки одной или обеих сторон в заседание, назначенного для доклада дела и словесного состязания, соблюдаются следующие правила: 1) если не явится ответчик, то истец может просить о допущении его

к представлению словесных объяснений и о постановлении заочного решения; 2) если не явится истец, то ответчик может просить о прекращении производства дела и о взыскании с истца судебных издержек и убытков, причиненных ему вызовом к суду» (ст. 718)¹.

В ст. 223 Гражданского процессуального кодекса РФ 2002 г. соответствующая статья изложена несколько иным образом: «В случае неявки в судебное заседание ответчика, извещенного о времени и месте судебного заседания, не сообщившего об уважительных причинах неявки и не просившего о рассмотрении дела в его отсутствие, дело может быть рассмотрено в порядке заочного производства»². Как видно из приведенных текстов, в современном акте больше внимание уделяется соблюдению прав сторон: выяснение вопросов о надлежащем извещении ответчика, уважительности причин его неявки, об отсутствии ходатайства о рассмотрении дела без его личного участия в судебном заседании.

Полагаем, что в современном ГПК РФ законодатель, с одной стороны, последовательно проводит политику укрепления состязательности, а с другой — пытается избежать формализации процессуальных действий. Современные нормы явились неким компромиссом во взаимодействии различных традиций отправления правосудия.

Библиографический список

1. *Брановицкий К.Л.* Сближение гражданского процессуального права в Европейском союзе и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 30 с.
2. *Москвина А.Г.* О некоторых аспектах формирования правовой культуры в России // Правовая культура современного российского общества: матер. науч.-практ. конф. СПб.: ИВСЭП, 2002. 76 с.
3. *Аболонин В.О.* О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11. С. 40–44.
4. *Малешин Д.Я.* Самобытность российского гражданского процесса. Начало // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2010. № 1. С. 11–22.
5. *Неновски Н.* Преемственность в праве / пер. с болг. В.М. Сафронова; общ. ред. Ю.С. Завьялова. М.: Юрид. лит., 1977. 167 с.
6. *Лейст О.Э.* Сущность и исторические типы права // Вестник МГУ. Сер.: Право. 1992. № 1. С. 3–13.
7. *Литвинович Ф.Ф.* Теоретические вопросы преемственности в праве // Вестник ВЭГУ. 2009. № 5(43). С. 19–32.
8. *Рыбаков В.А.* О понятии преемственности в социалистическом праве // Вестник МГУ. Сер.: Право. 1978. № 1. С. 38–43.
9. *Батура А.А.* Традиция как философско-культурологическая категория и ее социально-адаптационные функции: дис. ... канд. философ. наук. Краснодар, 2000. 149 с.

References

1. *Branovitsky K.L.* Convergence of Civil Procedural Law in the European Union and in the Post-Soviet Space (comparative legal analysis): extended abstract of diss.... Doc. of Law. Yekaterinburg, 2019. 30 p.

¹ См.: Устав гражданского судопроизводства с объяснениями по решениям гражданского кассационного департамента и общего собрания кассационных и I и II департаментов правительствующего сената / сост. А.Л. Боровиковский. 6-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908.

² См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2023. № 16, ст. 2755.

2. *Moskvina A.G.* On Some Aspects of the Formation of Legal Culture in Russia // Legal Culture of Modern Russian Society: materials of the scientific and practical conference. St. Petersburg: IVSEP, 2002. 76 p.
3. *Abolonin V.O.* On the Development of Civil Procedure Through the Change of the Basic Paradigm // Arbitration and Civil Procedure. 2012. No. 11. P. 40–44.
4. *Maleshin D.Ya.* The Identity of the Russian Civil Procedure. Beginning // Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences. 2010. No. 1. P. 11–22.
5. *Nenovsky N.* Continuity in Law. Translated from the Bolg. V.M. Safronov; General ed. by Yu.S. Zavyalova. M.: Legal lit., 1977. 167 p.
6. *Leist O.E.* The Essence and Historical Types of Law // Bulletin of Moscow State University. Series: Law. 1992. No. 1. P. 3–13.
7. *Litvinovich F.F.* Theoretical Questions of Succession in Law // VESU Bulletin. 2009. No. 5(43). P. 19–32.
8. *Rybakov V.A.* On the Concept of Continuity in Socialist law // Bulletin of the Moscow State University. Series: Law. 1978. No. 1. P. 38–43.
9. *Batura A.A.* Tradition as a Philosophical and Cultural Category and Its Socio-Adaptive Functions: diss. ... Cand. of Philosophical sciences. Krasnodar, 2000. 149 p.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2024-3-169-177
УДК 343.133

Д. С. Устинов

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ОБВИНЕНИЯ, ЕГО ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Введение: в статье рассматривается понятие обвинения и его использование в законодательстве и теории уголовного процесса. **Цель** — проанализировать категорию «обвинение» в уголовном судопроизводстве и обосновать концепцию многоаспектного обвинения, выделить систему аспектов (концепций) обвинения. **Методологическая основа:** материалистическая диалектика, анализ, синтез, формально-юридический, сравнительно-правовой методы. **Результаты:** при анализе текста уголовно-процессуального закона выявлено, что обвинение используется в нескольких значениях, порождающих неоднозначность его трактовки как в уголовно-процессуальной доктрине, так и на практике. С позиции многоаспектного подхода к праву обосновывается, что обвинение и как категория права, и как правовая категория обладает свойством полисемичности, многоаспектности. **Выводы:** концепт «обвинение» представляет собой целостную взаимосвязанную систему аспектов (концептуальную схему), отражающих его сущность. Только изучение обвинения как многоаспектного явления, как целостной системной категории, которой присущ ряд закономерных свойств, позволяет понять сущность обвинения, порядок его реализации в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: правовая категория, категория права, уголовное судопроизводство, обвинение, уголовное преследование, многоаспектность категории «обвинение», система аспектов обвинения, концепт «обвинение».

D.S. Ustinov

THE MULTIDIMENSIONALITY OF THE ACCUSATION, ITS CONDITIONALITY AND FUNCTIONAL PURPOSE

Background: in the article analyzes the concept of accusation and its use in legislation and theory of criminal procedure. **Objective** — to analyze the category of “accusation” in criminal proceedings and to substantiate the concept of multidimensional accusation, to identify a system of aspects (concepts) of accusation. **Methodology:** materialistic dialectics, analysis, synthesis, formal legal, comparative legal methods. **Results:** when analyzing the text of the criminal procedural law, it is revealed that the accusation is used in several meanings, giving rise to ambiguity of its interpretation both in the criminal procedural doctrine and in practice. From the position of a multidimensional approach to law, it is substantiated that the charge as a category of law and as a legal category has

© Устинов Дмитрий Сергеевич, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ustinov681@yahoo.com
© Ustinov Dmitry Sergeevich, 2024
Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

the property of polysemy, multidimensionality. Conclusions: the concept of “accusation” is an integral interrelated system of aspects (conceptual scheme) reflecting its essence. Only the study of the accusation as a multidimensional phenomenon, as an integral systemic category with a number of natural properties, allows us to understand the essence of the accusation, the procedure for its implementation in criminal proceedings.

Keywords: legal category, category of law, criminal proceedings, accusation, criminal prosecution, the multidimensional nature of the category “accusation”, the system of aspects of the accusation, the concept of “accusation”.

Обвинение является необходимым и неотъемлемым элементом уголовного судопроизводства, выступая в качестве правового явления, которое приводит в движение всю уголовно-процессуальную деятельность и позволяет реализовать нормы материального (уголовного) права. В.М. Савицкий весьма точно отмечал, что «обвинение... необычайно емкая процессуальная категория ... Исследовать обвинение — значит исследовать пусковой механизм уголовного процесса, подвергнуть анализу самые основные, наиболее существенные его понятия» [1, с. 44].

Под обвинением в ныне действующем уголовно-процессуальном законодательстве понимается «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном кодексом» (п. 22 ст. 5 УПК РФ). На основе правил логики и общеправового требования о едином подходе к понятиям и терминам и их законодательному определению дефиниция обвинения не должна обладать свойством полисемии (когда термин или понятие употребляется в нескольких значениях) [2, с. 302–307].

Однако термин «обвинение», упоминаемый в УПК РФ более 180 раз, используется законодателем далеко не всегда в том смысле, который заложен в п. 22 ст. 5 УПК РФ. Так, в п. 45 этой же статьи при определении категории «стороны» говорится об участниках уголовного судопроизводства, «выполняющие на основе состязательности функцию обвинения», в п. 47, 61 говорится о стороне обвинения, в п. 59 используется понятие «уголовные дела частного обвинения», в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, в которой определяется назначение уголовного судопроизводства, законодатель ведет речь о защите личности «от незаконного и необоснованного обвинения» и др.

Исходя из анализа текста уголовно-процессуального закона можно выделить (сгруппировать) следующие значения термина «обвинение»:

как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в установленном законом порядке;

как направление деятельности участников уголовного судопроизводства (функция обвинения);

как указание на круг участников уголовного судопроизводства, изобличающих лицо в совершении преступления;

как вид деятельности по изобличению лица в совершении преступления (публичное, частное и частно-публичное обвинение).

Нет единого подхода к трактовке термина «обвинение» и в теоретико-правовых позициях Конституционного Суда РФ, который в одном случае говорит о том, что «выполнение функции обвинения заключается в возбуждении уголовного

преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде...»¹, а в другом своем решении использует рассматриваемый термин в самых различных смыслах, указывая на то, что, «осуществляя от имени государства уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, прокурор, а также следователь, дознаватель и иные должностные лица, выступающие на стороне обвинения, должны подчиняться предусмотренному УПК РФ порядку уголовного судопроизводства»².

Подобное «свободное» использование термина «обвинение» на законодательном уровне и при его официальном толковании неизбежно повлекло за собой и его неоднозначную трактовку в теории уголовного судопроизводства. Одни авторы понимают обвинение исключительно в том значении, которое заложено в п. 55 ст. 5 УПК РФ. Так, П.М. Давыдов рассматривал обвинение как утверждение «органа дознания, следователя, прокурора, судьи, суда о совершении лицом преступления, вменного в вину обвиняемому; такое утверждение должно быть истинным, доказанным и удовлетворять другим требованиям закона; целью обвинения является реализация уголовной ответственности...» [3, с. 9–10].

Профессор В.Я. Чеканов говорил об обвинении как о первоначальном заключении органа расследования о наличии оснований для уголовной ответственности [4, с. 4]. Ф.М. Кудин писал об обвинении как о «содержащемся в процессуальном акте утверждении органов уголовного судопроизводства о совершении лицом преступления, предусмотренного действующим уголовным законом, выдвинутом в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством» [5, с. 166].

Названные ученые-процессуалисты, исповедуя первый подход к пониманию обвинения, говорят и о сопровождающей это утверждение обвинительной деятельности. Например, Ф.М. Кудин предлагает четко обозначать направление деятельности, в ходе которого реализуется обвинение, как функцию уголовного преследования, отказавшись от использования в тексте УПК РФ термина «обвинение» в значении, не совпадающем по смыслу с положениями п. 22 ст. 5 УПК РФ [5, с. 166].

Вторая группа авторов исходит из сущности обвинения как уголовного иска, под которым, например, А.С. Александров и В.Е. Гущев рассматривают «предъявляемый по поводу и в связи с предполагаемым преступлением правопритязательный акт, состоящий в требовании публичного обвинителя (прокурора) к суду о признании конкретного лица виновным в совершении данного преступления и эвентуально о пределах наказания к нему, которое вправе применить к нему исполнительная власть согласно уголовному закону» [6].

Третья группа ученых, базируясь на понимании обвинения как деятельности компетентных органов по изобличению лиц, совершивших преступление, по сути, отождествляет его с уголовным преследованием. Еще М.С. Строгович под обвинением понимал «совокупность процессуальных действий, направленных

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2004. № 27, ст. 2804.

на то, чтобы изобличить в совершении преступления привлеченное к уголовной ответственности лицо и обеспечить применение к нему заслуженного наказания» [7, с. 190]. Вместе с тем М.С. Строгович выделял такие грани понимания обвинения как деятельность обвинителя, выступающего в качестве стороны в суде, как предмет обвинения (утверждение о виновности обвиняемого в совершении преступления) и как наименование стороны в суде [7, с. 190]. М.Т. Аширбекова, разделяя такие представления о сущности обвинения, пишет о том, что «понятия “выдвижение обвинения” соответствуют в конечном счете процессуальные действия по наделению лица статусом подозреваемого и обвиняемого, по предъявлению обвинения, а также утверждение прокурором обвинительного заключения и обвинительного акта с направлением уголовного дела в суд» [8, с. 295], то есть вся деятельность по уголовному преследованию.

Некоторые сторонники данной точки зрения подчеркивают все же, что понятия «обвинение» и «уголовное преследование» различны по содержанию и в них «заложен различный объем уголовно-процессуальной деятельности» [9, с. 227–228].

Четвертая группа ученых-процессуалистов, говоря о сущности обвинения, указывает на необходимость выделения двух его сторон: материально-правовую и процессуальную. По их мнению, в материально-правовом смысле «под обвинением следует понимать совокупность установленных по делу и вменяемых обвиняемому общественно-опасных и противоправных фактов (их признаков), составляющих существо того конкретного состава преступления, за который это лицо несет уголовную ответственность и должно быть осуждено» [10, с. 25]. Обвинение же в процессуальном смысле представляет собой «основанную на законе процессуальную деятельность компетентных органов и лиц по изобличению обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении и по обоснованию его уголовной ответственности с тем, чтобы добиться его публичного осуждения» [10, с. 23]. Такое определение сущности обвинения позволяет, по мнению сторонников этой точки зрения, раскрыть взаимосвязь обвинения как деятельности и ее предмета: «Обвинительная функция без формулы обвинения беспредметна, а формула обвинения без обвинительной деятельности мертва» [10, с. 27].

И, наконец, пятая группа авторов считает, что обвинение является одной из форм уголовного преследования. Как отмечал А.М. Ларин, понятие уголовного преследования шире понятия обвинения и включает в себя последнее; уголовное преследование существует в форме обвинения — привлечения в качестве обвиняемого, и в форме подозрения [11, с. 38–39]. Данную точку зрения сегодня разделяют многие авторы [12 с. 17; 13, с. 28–33; 14, с. 21–23].

Иные точки зрения на понятие обвинения представляют собой некие половинчатые позиции. Например, С.В. Горлова, разделяя категории уголовного преследования и обвинения, все же включает в понятие обвинения и деятельность, и утверждение (обвинительный тезис), считая, что «обвинение — это деятельность по обоснованию обвинительного тезиса» [15, с. 7].

Большинство из упомянутых в данной статье работ были написаны более 20 лет назад. Если же проанализировать исследования последних лет, то проблемы, касающиеся теоретического и практического переосмысления категории «обвинение» и связанных с ней правовых проблем в основном анализировались через призму государственного обвинения в суде первой инстанции, разделения процессуальных

функций уголовного преследования и разрешения уголовного дела [16, с. 10]. При этом их авторы, исследуя понятие и сущность обвинения и уголовного преследования оставались в рамках той или иной позиции, упомянутой ранее.

В связи с многообразием рассмотренных законодательных и теоретических представлений о сущности обвинения возникает закономерный вопрос: имеет ли понятие обвинения только одно значение или же оно является категорией полисемичной?

Правовая наука для отражения явлений, представляющих ее предмет и объект исследования, использует довольно обширный словарный аппарат, где всю основную нагрузку осуществляют фундаментальные понятия, «научные понятия» — категории. Они детерминируют систему знаний правовой науки, максимально обобщают специфическое в предмете и объекте науки. Категории — это «предельные по уровню обобщения фундаментальные абстрактные понятия теории правоведения» [17, с. 58]. Объективизируясь в праве, категории отражаются в законе. В связи с этим выделяют правовые категории и категории права. Несмотря на внешнее сходство данных выражений, они имеют разное смысловое значение. Если первые — это прежде всего научные понятия, являющиеся инструментом научного мышления и отображающие суть правовых явлений, то категории права представляют собой компоненты правовой нормативной структуры — инструмента правового регулирования. Одно и то же понятие может являться одновременно и правовой категорией, и категорией права. Именно в таком качестве в тексте уголовно-процессуального закона и в доктрине уголовного процесса выступает обвинение.

Правовые категории как теоретические единицы в силу своей направленности на познание обладают свойством гибкости и разветвленности. Они предполагают наличие определенных соподчиненных понятий, суждений, умозаключений, с помощью которых фиксируются те или иные стороны и связи изучаемого объекта. Данное соподчинение позволяет в полном объеме отразить существо конкретной правовой категории, представить ее как совокупность разнообразных сторон, выразить связи и переходы этих сторон. Правовые категории постоянно развиваются, так как направлены на получения нового знания.

Категории же права фиксируют определенный уровень знаний. В нормативном моменте права, отражающем своеобразным образом общественную действительность, категории (знания о явлении) как бы застывают, отражаясь в праве «в готовом виде». Категории права представлены в нормативном акте на момент его издания и представляют собой некий результат познания.

Однако невозможно отрицать и наличие многоаспектности, многосторонности отдельных категорий права. По данному вопросу сложилось два противоположных подхода к юридическим понятиям и терминам. Первый из них не допускает в принципе какое-либо толкование термина, кроме как в единственном значении (закрепленном в законе с однозначным пониманием). При таком подходе выделяют существенные признаки, которые характерны для всех юридических терминов:

- 1) смысловая точность, исключаящая омонимию и полисемию;
- 2) термин — объект определения;
- 3) нахождение термина вне экспрессии, то есть вне субъективного отношения говорящего;

4) обладание свойством ограниченной сочетаемостью с другими, неюридическими словами [18, с. 139–144].

Применительно же к правовым категориям такой подход априори не применим, поскольку означает возможность раскрытия любой категории только в ее статическом отражении. Как было отмечено, в нормативном правовом акте фиксируется лишь определенный уровень и сторона знаний. Право же находится в постоянном развитии, динамике. Появляются новые общественные отношения, требующие правового осмысления, оформления и предания им статуса правовых. В силу этого правовые категории постоянно развиваются и углубляются, включают в себя все новые представления и стороны. Как пишет А.М. Васильев, «определенность понятия — лишь момент, фиксирующий соответствующую степень познания предмета» [17, с. 88].

Второй подход основан на том, что терминалогизация — это динамическое явление, представляющее собой процесс перехода значения слова из общеязыковой лексики в специальную (понятийную, в терминологию той или иной науки), и его последующее развитие как категории указанной области. Это развитие приводит к возникновению новых значений термина и, как следствие, к полисемии [19, с. 351–357].

Полисемия терминов уголовно-процессуального права возникла и стала умножаться с развитием и усложнением самого уголовного процесса как вида государственной деятельности, как юридической науки и отрасли права. Если говорить об обвинении, то первоначально оно возникло в частно-исковой форме уголовного судопроизводства и понималось как требование — иск о возмещении вреда и наказание лиц, виновных в совершении преступления. С усложнением общественных отношений, сменой идеологии, формированием континентальной системы права в категории «обвинение» появился деятельностный аспект. Дальнейшее развитие теории о функциях уголовного процесса привело к выделению в понятии обвинения функциональной стороны [20, с. 52–55, 122–123].

Необходимо отметить, что понятия, вводимые в категориальный аппарат науки, испытывают и обратный процесс, когда значения, придаваемые в специальной области, переходят в общий словарный оборот. Если говорить о термине «обвинение», то, согласно Толковому словарю русского языка, он имеет несколько значений: «упреки, укоры»; «признание виновным в чем-нибудь, приписывание кому-нибудь какой-нибудь вины»; «вменение в вину»; «юридические действия, направленные на доказательство виновности того, кто привлекается к уголовной ответственности»; «обвинительный приговор; обвиняющая сторона в судебном процессе»¹. В этом же словаре далее приводятся понятия «обвинитель», «обвинить», «обвиняемый», «обвинительный», «обвинять», которые отражают одно из значений термина «обвинение».

Обвинение, его сущностные стороны разрастались, оно усложнялось и насыщалось новыми знаниями, которые раскрывали сложность и многогранность этой категории, используемой в тексте уголовно-процессуального закона и активно изучаемой учеными-процессуалистами. Сегодня обвинение можно охарактеризовать как многоаспектное, многостороннее явление, сущность которого невозможно раскрыть только лишь в одном строгом определении.

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17367> (дата обращения: 13.02.2024).

Следует подчеркнуть, что исторически сложилось положение, при котором само право многоаспектно и многогранно, представлено «в виде различных правовых концепций, которые представляют собой целостную органическую систему, взаимодействующую с юридической практикой, оказывающую на нее системное воздействие в целях ее преобразования и удовлетворения духовных и материальных потребностей общества, государства и личности» [21, с. 9]. Эта система концепций сформировалась как итог, совокупность знаний о праве, раскрывающих взаимосвязанные закономерности, отражающие сущность права через соответствующие концепты, то есть содержание понятий, их смысловую наполненность. Совокупность упорядоченных и иерархизированных концептов образует концептуальную схему, «обеспечивающую теоретическую организацию материала и схематизацию связи понятий, отображающих возможные тенденции изменения реферативного поля объектов, что позволяет продуцировать гипотезы о их природе и характере взаимосвязей» [21, с. 9]. Концепт функционирует внутри сформированной концептуальной схемы в режиме «понимание — объяснение» [22, с. 506–507]. При этом правовые концепции внутри названной схемы представляют собой не изолированные системы, существующие в рамках личных воззрений ученых, различных правовых школ и направлений, а взаимосвязанные, взаимообусловленные элементы, отражающие суть правового явления.

Что же касается концепта «обвинение», то именно многоаспектность его содержания и в качестве правовой категории, и в качестве категории права позволяет выразить его сложный характер, описать его как сложное явление, складывающееся из иерархически взаимосвязанной системы аспектов, отражающих его сущность. Как представляется, иерархическая система аспектов концепта «обвинение» может быть представлена следующим образом:

- 1) утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутого в порядке, установленном УПК РФ;
- 2) направление уголовно-процессуальной деятельности (функция) соответствующих участников уголовного судопроизводства;
- 3) основная, центральная форма осуществления уголовного преследования;
- 4) вид деятельности по изобличению лица в совершении преступления, осуществляемой в частном, частно-публичном и публичном порядке;
- 5) обозначение группы участников уголовного судопроизводства, изобличающих лицо в совершении преступления;
- 6) средство обеспечения прав потерпевшего и обвиняемого;
- 7) фактор, предопределяющий поведение обвиняемого по уголовному делу.

Полагаем, что стремление выработать единое представление об обвинении делает его функционально ограниченным в контексте юридической практики. Все указанные аспекты концепта «обвинение» имеют право на существование, но каждый из них в отдельности отражает лишь некоторые грани обвинения. Только изучение обвинения как многоаспектного явления, как целостной системной категории, которой присущи ряд закономерных свойств, позволяет понять и объяснить сущность обвинения, порядок его реализации, формулирование соответствующих норм уголовно-процессуального закона.

Библиографический список

1. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971. 344 с.

2. Толстик В.А. Требования, предъявляемые к юридической терминологии: формально-логическое и социокультурное обоснование // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 302–307.
3. Давыдов П.М. Обвинение в советском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1974. 47 с.
4. Чеканов В.Я. Привлечение лица в качестве обвиняемого и предъявление обвинения: учеб. пособие по советскому уголовному процессу. Саратов: СГУ, 1959. 45 с.
5. Кудин Ф.М., Зубенко Е.И. Понятие обвинения в науке и законодательстве российского уголовного процесса // Общество и право. 2010. № 2(29). С. 159–168.
6. Александров А.С., Гуцев В.Е. Субсидиарный уголовный иск. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 1999. 102 с.
7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 468 с.
8. Аширбекова М.Т. О некоторых вопросах содержания понятия «уголовное преследование» // Проблемы правопонимания и правоприменения: теория и практика: матер. межрегион. науч.-практ. конф. Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2007. С. 293–301 с.
9. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании. М.: Юрлитинформ, 2004. 544 с.
10. Фаткуллин Ф.Н., Зинатуллин З.З., Аврах Я.С. Обвинение и защита по уголовным делам: учеб. пособ. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. 168 с.
11. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.: Юрид. лит., 1986. 160 с.
12. Корнуков В.М. Уголовное преследование и реабилитация в российском уголовном процессе: курс лекций. Саратов, 2005. 24 с.
13. Халиулин А.Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 223 с.
14. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 52 с.
15. Горлова С.В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 20 с.
16. Чигрин Д.А. Государственное обвинение в российском уголовном процессе: проблемы формирования и поддержания: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2018. 24 с.
17. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Норма : Инфра-М, 2020. 264 с.
18. Пулодова Н.Ю. Семантико-семиологический процесс в юридической терминологии // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2010. № 4. С. 139–144.
19. Кожанов А.А. Неоднозначность: полисемия и омонимия в юридической терминологии (на материале немецкого языка) // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 351–357.
20. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 252 с.
21. Попов В.И. Методологические основания многоаспектного подхода к пониманию права и его значение для юридической практики // Lex russica 2019. № 3(148). С. 9–23.
22. Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.

References

1. Savitsky V.M. Public Prosecution in Court. М.: Science, 1971. 344 p.
2. Tolstogo V.A. Requirements for Legal Terminology: Formal-Logical and Socio-Cultural Justification // Legal Technique. 2016. No. 10. P. 302–307.

3. *Davydov P.M.* The Accusation in the Soviet Criminal Court: diss. ... Doc. of Law. Sverdlovsk, 1974. 47 p.
4. *Chekanov V.Ya.* Involvement of a Person as an Accused and Indictment: textbook on Soviet criminal procedure. Saratov: Moscow State University, 1959. 45 p.
5. *Kudin F.M., Zubenko E.I.* The Concept of Accusation in Science and Legislation of the Russian Criminal Procedure // *Society and Law*. 2010. No. 2(29). P. 159–168.
6. *Aleksandrov A.S., Gushchev V.E.* Subsidiary Criminal Claim. N. Novgorod: Publishing house of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1999. 102 p.
7. *Strogovich M.S.* Course of the Soviet Criminal Procedure. M.: Science, 1968. Vol. 1. 468 p.
8. *Ashirbekova M.T.* On Some Issues of the Content of the Concept of “Criminal Prosecution” // *Problems of Legal Understanding and Law Enforcement: Theory and Practice: mater. in-terregional. scientific-practical conf.* Volgograd: Volgograd State University, 2007. P. 293–301.
9. *Bagautdinov F.N.* Ensuring Public and Private Interests in the Investigation. M.: Yurlitinform, 2004. 544 p.
10. *Fatkullin F.N., Zinnatullin Z.Z., Avrakh Ya.S.* Prosecution and Defense in Criminal Cases: textbook. Kazan: Publishing house of the Kazan University, 1976. 168 p.
11. *Larin A.M.* Investigation of a Criminal Case: Procedural Functions. M.: Legal lit., 1986. 160 p.
12. *Kornukov V.M.* Criminal Prosecution and Rehabilitation in Criminal Proceedings in Russia: a course of lectures. Saratov, 2005. 24 p.
13. *Khaliulin A.G.* Implementation of the Criminal Prosecution Function by the Russian Prosecutor’s Office. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997. 223 p.
14. *Khimicheva G.P.* Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases: The Concept of Improving Criminal Procedural Activities: extended abstract of diss. ... Doc. of Law. M., 2003. 52 p.
15. *Gorlova S.B.* Criminal Prosecution as a Manifestation of Publicity in the Criminal Process: extended abstract of diss. ... Cand. of Law. Chelyabinsk, 2006. 20 p.
16. *Chigrin D.A.* State Prosecution in Russian Criminal Procedure: Problems of Formation and Maintenance: Comparative Legal Study: extended abstract of diss. ... Cand. of Law. Ufa, 2018. 24 p.
17. *Vasiliev A.M.* Legal Categories: Methodological Aspects of Developing a System of Categories of Legal Theory. M.: Norm: Infra-M. 2020. 264 p.
18. *Pulodova N.Yu.* Semantic-Semiological Process in Legal Terminology // *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics*. 2010. No. 4. P. 139–144.
19. *Kozhanov A.A.* Ambiguity: Polysemy and Homonymy in Legal Terminology (on the material of the German language) // *Bulletin of the Bryansk State University*. 2014. No. 2. P. 351–357.
20. *Alekseeva N.S., Daev V.G., Kokorev L.D.* Sketch of the Development of the Science of Soviet Criminal Procedure. Voronezh: Voronezh Univ. Publishing House, 1980. 252 p.
21. *Popov V.I.* Methodological Foundations of a Multidimensional Approach to Understanding Law and Its Implications for Legal Practice // *Lex russica (Russian law)*. 2019. No. 3(148). P. 9–23.
22. *World Encyclopedia: Philosophy / main scient.ed. and comp. by A.A. Gritsanov.* M.: AST; Mn.: Harvest, Modern Writer, 2001. 1312 p.

А.С. Каплунов

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОЦЕДУРЫ ОКОНЧАНИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ПОДСУДНЫМ СУДУ ПРИСЯЖНЫХ

Введение: выдвигается гипотеза, что существующая модель окончания предварительного следствия, предполагающая составление обвинительного заключения следователем и лишаящая прокурора полномочия по прекращению уголовного дела, уголовного преследования, является одной из причин высокой доли оправданных в суде присяжных по сравнению с долей оправданных приговорами, вынесенными судьями единолично или коллегией из трех судей. **Цель** — обосновать необходимость построения иной модели окончания предварительного следствия по уголовным делам, подсудным суду присяжных. **Методологическая основа:** общеправовые методы анализа и синтеза, а также статистический, формально-юридический методы исследования. **Результаты:** аргументирована позиция, что одной из причин направления прокурором в суд присяжных уголовных дел с недостаточной доказательственной базой и последующее оправдание лица имеет детерминанту, выраженную в недостаточности правозащитных полномочий прокурора на этапе окончания предварительного следствия. **Выводы:** прокурор должен иметь полномочия по составлению обвинительного заключения и прекращению уголовного дела и преследования по уголовным делам, подсудным суду присяжных.

Ключевые слова: суд присяжных, государственное обвинение, обвинительное заключение, прокуратура.

A.S. Kaplunov

IMPROVING THE PROCEDURE FOR THE TERMINATION OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES UNDER JURY TRIAL JURISDICTION

Background: it is hypothesized that the existing model for ending the preliminary investigation, which involves drawing up an indictment by the investigator and depriving the prosecutor of the power to terminate a criminal case or criminal prosecution, is one of the reasons for the high proportion of acquittals in jury trials compared to the proportion of sentences passed by judges alone or by a panel of three judges. **Objective** — to justify the need to build a different model of the end of preliminary investigation in criminal cases under the jurisdiction of the jury. **Methodology:** general philosophical methods of analysis and synthesis, as well as statistical, formal and legal research methods are used. **Results:** it is argued that one of the reasons for the prosecutor's referral of criminal cases with insufficient evidence base to the jury and the subsequent acquittal of a person has a determinant expressed in the insufficient human rights powers of the prosecutor at the stage of the preliminary investigation. **Conclusions:** the prosecutor should have the power to indict and dismiss criminal proceedings and prosecutions in criminal cases subject to jury trial.

Keywords: jury trial, public prosecution, indictment, prosecutor's office.

© Каплунов Алексей Сергеевич, 2024

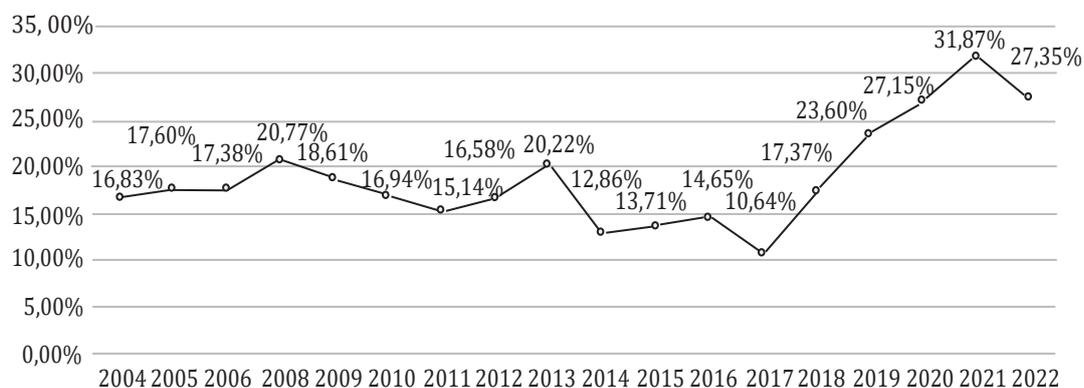
Аспирант кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kap9680@mail.ru

© Kaplunov Aleksei Sergeevich, 2024

Postgraduate at the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

С момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ) прошло более 20 лет. Изначально УПК РФ предполагал модель составления обвинительного заключения следователем и его последующее направление прокурору для утверждения. При недостаточности собранных органами следствия доказательств прокурор мог прекратить уголовное дело. Кроме того, прокурору предоставлялось право самому составить новое обвинительное заключение при достаточности собранных органами предварительного расследования доказательств. В 2007 г. указанные полномочия у прокурора были изъяты² в связи с производством уголовно-процессуальной реформы, направленной на существенное ограничение полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве.

Сравнение данных судебной статистики 2004–2006 гг. (следственные полномочия реализовывались в числе прочих органами прокуратуры), 2007–2010 гг. (существование Следственного комитета при прокуратуре РФ), 2011–2017 гг. (существование Следственного комитета РФ), 2018–2022 гг. (осуществление правосудия с участием присяжных в районных судах) показывает, что доля оправданных в суде присяжных возросла. При этом диапазон доли оправданных по делам, рассмотренным судьей единолично или коллегией из трех судей, составляет от 0,27 (2022 г.) до 1,6 % (2011 г.)³.

График динамики доли оправданных в суде присяжных в 2004–2006, 2008–2022 годах

Применение математическо-статистических методов позволяет сделать несколько выводов: 1) средняя арифметическая величина доли оправданных в суде присяжных в 2004–2006 гг. (при наличии в системе органов прокуратуры следственной части) составляет 17,27 %; 2) средняя арифметическая величина доли оправданных в суде присяжных в 2008–2010 гг. (в период существования Следственного комитета при прокуратуре РФ) составляет 18,77 %; 3) средняя арифметическая величина доли оправданных в суде присяжных в 2011–2017 гг. (сужение подсудности суда присяжных путем исключения из его подсудности

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 31 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; Российская газета. 2023. 3 августа.

² См.: Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»» (в ред. от 22 декабря 2014 г.) // СЗ РФ. 2007. № 24, ст. 2830; 2014. № 23, ст. 2930.

³ См.: Сводные статистические показатели о деятельности федеральных судов общей юрисдикции за 2004–2006, 2008–2022 годы. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 03.08.2023).

**Сравнительная таблица результатов рассмотрения уголовных дел
в суде с участием присяжных заседателей (2004–2006, 2008–2022)**

Год	Осуждено лиц	Оправдано лиц	Соотношение осужденных / оправданных лиц (в %)
2004	1008	204	83,17 / 16,83
2005	955	204	82,4 / 17,60
2006	1079	227	82,62 / 17,38
2007 год — создание Следственного комитета при прокуратуре РФ, ограничение полномочий прокурора			
2008	900	236	79,23 / 20,77
2009	1067	244	81,39 / 18,61
2010	1162	237	83,06 / 16,94
2011	1059	189	84,86 / 15,14
2012	820	163	83,42 / 16,58
2013	765	194	79,78 / 20,22
2014	691	102	87,14 / 12,86
2015	409	65	86,29 / 13,71
2016	361	62	85,35 / 14,65
2017	445	53	89,36 / 10,64
2018	428	90	82,63 / 17,37
2019	783	242	76,4 / 23,60
2020	668	249	72,85 / 27,15
2021	776	363	68,13 / 31,87
2022	1004	378	72,65 / 27,35

преступлений о коррупции и терроризме¹) составляет 14,82 %; 4) средняя арифметическая величина доли оправданных в суде присяжных в 2018–2022 гг. (расширение подсудности суда присяжных² на фоне отсутствия у прокурора полномочий прекратить уголовное дело, поступившее от следователя с обвинительным заключением, и составить новое обвинительное заключение) составляет 25,46 %.

Таким образом, совпадение по времени выделения следственного аппарата из состава прокуратуры РФ и увеличения средней доли оправданных на 1,5 % свидетельствует о том, что наличие между этими двумя феноменами правовой реальности причинно-следственной связи нельзя исключать. Сужение подсудности суда присяжных (исключение из его подсудности преступлений о коррупции и терроризме) и снижение средней доли оправданных на 3,95 % также совпадают по времени. Кроме того, расширение подсудности суда присяжных (включение

¹ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» // СЗ РФ. 2009. № 1, ст. 29.

² См.: Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 467-ФЗ «О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // СЗ РФ. 2018. № 1, ст. 51.

в его подсудность простого убийства, причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего и др.) и увеличение доли оправданных на 10,64 % также совпадают по времени. Закономерное совпадение времени, изменение доли оправданных и сужение (расширение) компетенции суда присяжных также свидетельствует о наличии причинно-следственной связи между этими явлениями.

Различия между соотношением доли осужденных и оправданных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей и долей осужденных и оправданных на основе приговоров, постановленных в ординарном порядке, имеет детерминанту, заключающуюся в том, что существующий порядок составления и утверждения обвинительного заключения не отвечает повышенным стандартам доказанности в суде присяжных.

Вопросы совершенствования модели окончания предварительного следствия освещены в трудах исследователей-процессуалистов. Мнения и позиции противоречивы, предлагаются различные воззрения на реализацию данного процессуального механизма. Так, утверждение прокурором обвинительного заключения как одно из проявлений уголовно-правовой политики России, призванное соединить деятельность прокурора и следователя целью борьбы с преступностью, рассматривает Ю.А. Цветков [10, с. 14–20].

Э.Н. Алимамедов предлагает наделить прокурора полномочием по составлению нового обвинительного заключения при нецелесообразности возвращения уголовного дела следователю для дополнительного расследования и составления нового обвинительного заключения [1, с. 12–13].

Ю.П. Боруленков также отмечает некую незавершенность уголовно-процессуальной реформы, выраженной в том, что выделение Следственного комитета РФ из состава прокуратуры РФ привело к необычным последствиям: появился новый орган государственной власти, однако часть полномочий по управлению им (в частности, утверждение обвинительного заключения) осталась в компетенции иного органа [3, с. 11–16]. Утверждение прокурором обвинительного заключения как самостоятельная стадия уголовного процесса рассмотрено в работе Э.Ф. Закировой [5, с. 179–185].

Роль прокурора при совершении действий по поступившему обвинительному заключению позитивно оценивают А.С. Каретников и С.А. Коретников, которые отмечают, что отстранение прокурора от данного этапа судопроизводства провоцирует рост оправдательных приговоров [6, с. 49–52].

С.П. Желтобрюхов предлагает следователю самостоятельно утверждать обвинительное заключение и направлять его прокурору, который либо направит дело в суд, либо вернет следователю на дополнительное расследование [4, с. 41–43]. Как отмечает И.В. Маслов, разделение обвинения и надзора — «не догма и не самоцель», поскольку именно прокурор должен критически оценить предоставленные ему доказательства, собранные в ходе предварительного расследования, и только после на основе своего внутреннего убеждения прийти к мнению о возможности направления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу [7, с. 35–41].

А.М. Багмет, Ю.А. Цветков отрицательно относятся к идее составления обвинительного заключения прокурором и предлагают передать полномочие по утверждению обвинительного заключения от прокурора руководителю следственного органа [2, с. 38–43]. Но в доктрине положение следователя в современном уго-

ловном судопроизводстве является предметом дискуссий, обсуждается предложение СК России считать «следователя не обвинителем, а беспристрастным “исследователем” обстоятельств совершенного преступления»¹.

Перспективной представляется позиция И.В. Овсянникова, который отмечает достоинства и считает заслуживающим внимания порядок, возлагающий полномочие по составлению итогового для предварительного следствия процессуального акта на прокурора. Такой порядок будет способствовать, своевременному пресечению направления в суд уголовного дела с недостаточной доказательственной базой путем выявления нарушений, допущенных органами предварительного расследования [8, с. 22–25].

Имеющиеся мнения противоречивы, предлагают различные варианты решения процессуальных проблем и отличаются взаимной исключаемостью. Выражая авторскую позицию по данной проблематике, отметим, что в нынешней модели предварительного следствия по делам, подсудным суду присяжных, прокурор фактически лишен полномочий самостоятельно изменить объем обвинения, исключить или добавить квалифицирующие признаки, прекратить уголовное дело. По поступившему уголовному делу прокурор принимает решение по обвинительному заключению в целом, то есть либо полностью соглашается, либо полностью отправляет для пересоставления. Таким образом, прокурор либо затягивает сроки следствия, направляя на незначительное исправление обвинительное заключение, либо идет на «сделку с совестью», соглашаясь с не всегда доказанной точкой зрения органа расследования.

И.В. Овсянников, И.А. Галкин указывают, что в отличие от профессиональных судей присяжные заседатели не связаны позицией «вышестоящих профессионалов» и проходят процедуры как предварительного отбора аппаратом суда, так и отбора в процессе формирования коллегии уже в рамках судебного заседания. По этим причинам «нет никаких оснований меньше доверять коллективной совести ни от кого не зависящих неюрисстов из народа, чем совести профессиональных юристов» [9, с. 9–11].

Полагаем, высокая доля оправданных в суде присяжных свидетельствует о том, что среди направляемых в суд уголовных дел распространены обвинительные заключения с необоснованным и недоказанным обвинением. Негативным феноменом российского правосудия выступает не сам факт вынесения оправдательного приговора в суде присяжных, а готовность прокурора в угоду «палочной системе» наращивать количественные показатели за счет направления дел в суд без достаточной доказательственной базы. Существующая ситуация повышает нагрузку на суд, на присяжных, требует расхода бюджетных средств на организацию таких процессов.

Думается, что по уголовным делам, подсудным суду присяжных, полномочием составлять обвинительное заключение следует наделить лишь того участника досудебного производства, который принимает решение о направлении дела в суд. Между тем после поступления уголовного дела от следователя к прокурору процессуальный порядок не должен блокировать неотъемлемое право прокурора при наличии оснований отказаться от осуществления уголовного преследования (ч. 4 ст. 37 УПК РФ), а потому у прокурора на данном этапе долж-

¹ Интервью Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина // Российская газета. 2014. 21 января URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/507958> (дата обращения: 21.01.2024).

но быть полномочие прекращать дело в целом и (или) уголовное преследование обвиняемого. При этом основание для такого прекращения может быть как реабилитирующее, так и нереабилитирующее, в противном же случае прокурор вновь «загоняется» в рамки, а само уголовное судопроизводство приобретает излишне казуистичную и ничем не оправданную дифференциацию совершения процессуальных действий.

Таким образом, для порядка окончания досудебного производства по уголовным делам, подсудным суду присяжных, предлагаем следующий вариант последовательности действий должностных лиц: следователь, установив, что уголовное дело подсудно суду присяжных, после выполнения требований ст. 215, 216, 217, 219 УПК РФ в форме постановления направляет дело прокурору для составления обвинительного заключения; прокурор составляет обвинительное заключение, вручает его обвиняемому и разъясняет ему право на заявление ходатайства о рассмотрении его дела судом присяжных или коллегией из трех судей, о применении особого порядка судебного разбирательства либо о проведении предварительных слушаний.

Библиографический список

1. *Алимамедов Э.Н.* Деятельность следователя на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 32 с.
2. *Багмет А.М., Цветков Ю.А.* Кто должен утверждать обвинительное заключение? // Вестник Московской академии Следственного комитета РФ. 2018. № 4. С. 38–43.
3. *Боруленков Ю.П.* О месте прокуратуры в системе органов уголовного преследования // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2013. С. 11–16.
4. *Желтобрюхов С.П.* Кто должен утверждать обвинительное заключение? // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 41–43.
5. *Закирова Э.Ф.* Утверждение прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) как самостоятельная стадия уголовного процесса // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2015. № 11. С. 179–185.
6. *Каретников А.С., Коретников С.А.* Сущность полномочий прокурора по надзору за предварительным следствием: прошлое и настоящее // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 49–52.
7. *Маслов И.В.* От Следственного комитета к единому органу расследования // Законность. 2012. № 3. С. 35–41.
8. *Овсянников И.В.* Полномочие по составлению итогового для предварительного следствия процессуального акта // Законность. 2023. № 5. С. 22–25.
9. *Овсянников И.В., Галкин А.И.* Одни ругают суд присяжных, другие — прокурора // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 9–11.
10. *Цветков Ю.А.* Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 14–20.

References

1. *Alimamedov E.N.* Activities of the Investigator at the Stage of Completing the Preliminary Investigation by Drawing up an Indictment: extended abstract of diss. ... Cand. of Law. M., 2018. 32 p.

2. *Bagmet A.M., Tsvetkov Yu.A.* Who Should Approve the Indictment? // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2018. No. 4. P. 38–43.
3. *Borulenkov Yu.P.* On the Place of the Prosecutor's Office in the System of Criminal Prosecution Bodies // Preliminary Investigation Bodies in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia: History, Modernity, Prospects: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference: in 2 part. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. P. 11–16.
4. *Zheltobryukhov S.P.* Who Should approve the Indictment? // Russian Justice. 2017. No. 3. P. 41–43.
5. *Zakirova E.F.* Approval by the Prosecutor of the Indictment (Judgement, Charging Document) as an Independent Stage of the Criminal process // Scientific notes of the Kazan branch of the Russian State University of Justice. 2015. No. 11. P. 179–185.
6. *Karetnikov A.S., Koretnikov S.A.* The Essence of the Prosecutor's Powers to Supervise the Preliminary Investigation: Past and Present // Russian Justice. 2015. No. 5. P. 49–52.
7. *Maslov I.V.* From the Investigative Committee to a single investigation body // Legality. 2012. No. 3. P. 35–41.
8. *Ovsyannikov I.V.* The authority to Draw up a Final Procedural Act for the Preliminary Investigation // Legality. 2023. No. 5. P. 22–25.
9. *Ovsyannikov I.V., Galkin A.I.* Some Criticize the Jury, Others Criticize the Prosecutor // Russian Justice. 1999. No. 3. P. 9–11.
10. *Tsvetkov Yu.A.* The Crisis of the Socio-Legal Identity of the Investigator and the Prosecutor // Criminal Proceedings. 2014. No. 1. P. 14–20.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И КРИМИНОЛОГИЯ

DOI 10.24412/2227-7315-2024-3-185-192
УДК 343.9

О.В. Шляпникова, С.Р. Козлов

О ЗАИМСТВОВАНИИ ОПЫТА КНР РОССИЕЙ В ОБЛАСТИ КОНТРОЛЯ ЗА НАРКОСИТУАЦИЕЙ

Введение: достаточно устойчивый удельный вес выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, тенденция их роста на 7,5 %, статистические данные, характеризующие масштабы немедицинского потребления наркотиков, распространение инфекционных заболеваний, в том числе ВИЧ, увеличение смертности наркозависимых лиц, требует поиска новых концептуальных подходов в реализации российской антинаркотической политики. Немаловажную роль в области контроля за наркоситуацией оказывает международное сотрудничество и возможности использования положительного зарубежного опыта. **Цель** — на основе изучения и сравнительного анализа наркоситуаций, сложившихся в России и КНР, определить возможности применения в Российской Федерации наиболее значимых и эффективных антинаркотических мер, использованных в Китайской Народной Республике. **Методологическая основа:** формально-правовой анализ нормативных основ государственной антинаркотической политики, сравнительно-правовой, системный, структурно-функциональный анализ, частно-научные методы: социологический, статистический и др. **Результаты:** аргументируется авторская позиция о целесообразности заимствования положительного опыта антинаркотической политики КНР, обосновывается необходимость устранения выявленных проблем, связанных с правовым и организационно-управленческим регулированием данной области общественных отношений. **Выводы:** государственная политика в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ предполагает не только использование и дальнейшее совершенствование отечественного положительного опыта в области контроля за наркоситуацией, но и заимствование отдельных наиболее эффективных форм и методов китайской законодательной и правоприменительной политики в данной сфере.

Ключевые слова: наркотическая политика, наркотизм, наркоситуация, зарубежный опыт, КНР.

-
- © Шляпникова Ольга Викторовна, 2024
Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ctork64@gmail.com
- © Козлов Станислав Русланович, 2024
Обучающийся (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kozlov_ssla@mail.ru
- © Shlyapnikova Olga Viktorovna, 2024
Candidate of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)
- © Kozlov Stanislav Ruslanovich, 2024
Student (Saratov State Law Academy)

O.V. Shlyapnikova, S.R. Kozlov

ON BORROWING THE PRC'S EXPERIENCE BY RUSSIA
IN CONTROLLING THE DRUG SITUATION

Background: the fairly stable share of detected crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, the tendency of their growth by 7,5 %, statistical data characterizing the scale of non-medical drug consumption, the spread of infectious diseases, including HIV, and the increase in the mortality rate of drug addicts require the search for new conceptual approaches in the implementation of the Russian anti-drug policy. International cooperation and opportunities to use positive foreign experience play an important role in controlling the drug situation. **Objective** — based on the study and comparative analysis of drug situations in Russia and the People's Republic of China, to determine the possibilities of applying in the Russian Federation the most significant and effective anti-drug measures used in the People's Republic of China. **Methodology:** formal-legal analysis of the normative foundations of the state anti-drug policy, comparative-legal, systemic, structural-functional analysis, private-scientific methods: sociological, statistical and others. **Results:** the author's position on the expediency of borrowing the positive experience of anti-drug policy of the People's Republic of China is argued, the need to eliminate the identified problems related to the legal and organizational and managerial regulation of this area of public relations is substantiated. **Conclusions:** state policy in the sphere of countering illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances implies not only the use and further improvement of domestic positive experience in the field of controlling the drug situation, but also the borrowing of some of the most effective forms and methods of Chinese legislative and law enforcement policy in this area.

Keywords: drug policy, drug abuse, drug situation, foreign experience, PRC.

Неблагоприятные тенденции наркопреступности в современной России требуют разработки новых методов и форм осуществления контроля за наркоситуацией. На заседании коллегии МВД в своем выступлении Президент РФ отметил: «Важно и дальше действовать здесь системно и наступательно... в целом искать более эффективные методы и технические решения в борьбе с наркоугрозой»¹, что говорит об актуальности данной темы. Необходимо отметить, что тема разработки новейших способов и средств противодействия наркомании и наркотизму публично поднималась на высшем уровне Президентом РФ и ранее².

На наш взгляд, описание и анализ такой практики может служить теоретической базой для улучшения российской методологии контроля наркоситуации.

КНР уже традиционно является одним из лидеров в эффективности контроля за наркоситуацией. Так, согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности, КНР (за исключением Гонконга и Макао) добилась большого сокращения (>10 %) потребления наркотиков в целом во всех возрастных группах, а также по всем основным видам наркотических средств (за исключением каннабиса)³.

Отдельно стоит отметить и то, что тесное сотрудничество с КНР в указанной сфере соответствует принятой по результатам 23-го саммита стран ШОС декла-

¹ См.: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 24.10.2023).

² См.: URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/11/16/847076-putin-prizval-iskatnovie-metodi-borbi> (дата обращения: 24.10.2023).

³ См.: URL: https://www.unodc.org/res/WDR-2023/annex/2.1_Expert_perception_of_trend_changes_in_use_of_drugs_all_drugs.xlsx (дата обращения: 24.10.2023).

рации¹, а также Антинаркотической стратегии ШОС на 2018–2023 гг.², в которых подчеркивается важность активного взаимодействия, консолидации сил и широкого сотрудничества по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, что имеет потенциал для инициативы российской стороны при принятии новой стратегии на 2024–2029 гг. Стоит отметить, что изучение опыта КНР соответствует основным целям текущей антинаркотической политики России — развитию сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС (подп. «г» и «е» п. 17 Указа Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года»)³, а также демонстрирует применение лучшего зарубежного опыта.

Как представляется, видение данной проблемы и возможность сформулировать теоретические выводы и разработать практические рекомендации позволит проанализировать данные наркоситуаций в КНР и России посредством сравнительного анализа Доклада о ситуации с наркотиками в Китае в 2022 г.⁴ и Доклада о наркоситуации в Российской Федерации в 2022 г.⁵

В КНР общее количество потребителей наркотиков оценивается в 1 млн 124 тысячи человек (0,08 % от численности населения). В то же время в России, по данным о незаконном употреблении наркотиков, общее число пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с потреблением наркотиков, составляет 391,7 тысячи человек (0,26 % населения, согласно данным Росстата), причем учитываются только официально поставленные диагнозы. На основе социологических исследований выявлено, что от регулярного или эпизодического употребления наркотиков зависят 1,2 млн человек (0,8 % от численности населения), что в целом может говорить о разных популяционных базах наркоситуаций в двух странах (более неблагоприятная наркоситуация сложилась в России).

Отдельно стоит отметить и различия в структуре наркотических веществ: для КНР более характерны героин, метамфетамин и кетамин, в то время как в России, по данным социологических опросов, в немедицинских целях чаще используют наркотики каннабисной группы и синтетические наркотики. В структуре наркотических средств в КНР выявлен небольшой удельный вес легких наркотических средств и увеличение степени распространенности более тяжелых наркотиков, в России наркотические средства представлены в основном каннабисной группой⁶, что, по словам Е. В. Ждановой, «может стать причиной дальнейшего перехода к потреблению таких наркотиков, как опиаты и кокаин» [1, с. 72].

¹ См.: Нью-Делийская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества от 4 июля 2023 г. // Официальный сайт Президента России. 4 июля 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5963> (дата обращения: 24.10.2023).

² См.: Приложение IV Письма постоянных представителей Китая и Кыргызстана при Организации Объединенных Наций от 3 апреля 2019 года на имя Генерального секретаря. URL: https://digitallibrary.un.org/record/3801151/files/A_73_833-RU.pdf (дата обращения: 24.10.2023).

³ См.: СЗ РФ. 2020. № 48, ст. 7710; 2023. № 14, ст. 2399.

⁴ См.: Доклад о ситуации с наркотиками в Китае в 2022 г. // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. 4 апреля 2023 года. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/gdxw/202307/t20230704_11107470.htm (дата обращения: 24.10.2023).

⁵ См.: Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2022 г. // Государственный антинаркотический комитет. Москва. 2023 г. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/4905796> (дата обращения: 24.10.2023).

⁶ См.: Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2019 г. // ООН. Вена, 2020. URL: <https://www.incb.org> (дата обращения: 24.10.2023).

Необходимо обратить внимание на различия в источниках наркотических средств в обеих странах. Так, для КНР характерно «нулевое, мелкомасштабное и разбросанное производство», в то время как основными источниками являются каналы из-за рубежа, причем в основном сухопутные — в первую очередь, из стран «Золотого треугольника» и в меньшей степени из районов «Золотого полумесяца», а также незначительный импорт марихуаны из Северной Америки. Для России ситуация же носит смешанный характер: несмотря на то, что влияние контрабанды наркотиков все еще велико, однако во многом подвержено текущей внешнеполитической ситуации, в результате чего наблюдается «импортозамещение» наркотических средств.

Таким образом, можно прийти к выводу, что, казалось бы, наркоситуации в России и КНР слишком отличаются для сравнения методов их контроля, но это далеко не так. Китайское правительство в 80–90 гг. прошлого века на фоне экономических реформ открыто признало, что «незаконное потребление наркотиков захлестнуло каждую провинцию; незаконное потребление наркотиков росло с беспрецедентной скоростью»¹, что говорит о сходстве с российской наркоситуацией в те же годы. Более того, сходны были и структурные потоки самих наркотиков. Россия являлась крупнейшим национальным рынком героина, самого популярного тогда для местного потребителя, 90 % которого, согласно данным ООН, производилось в Афганистане. Аналогичное монопроисхождение наркотиков было характерно и для КНР, 92,2 % героина в которую поставлялось из Мьянмы². На основании этого отметим, что обе страны были в схожих или сопоставимых условиях в 90-е гг. прошлого века, однако пришли к разным результатам по борьбе с наркоманией, что и отражают текущие различия в наркоситуациях.

Проведенное исследование «антинаркотических» актов КНР позволило установить общие черты и специфические особенности, выявить эффективные способы, средства, направления китайской антинаркотической политики, что было возможно, как представляется, на основе достигнутых успехов Управления Национальной комиссии по контролю за наркотиками Китая, которые отмечаются в области контроля над наркотиками за последние пять лет³.

1. Были приняты строгие меры по борьбе с преступлениями, связанными с распространением и употреблением наркотических веществ.
2. Укреплены службы реабилитации наркозависимых.
3. Усовершенствована информационно-разъяснительная работа и просвещение.
4. Усилен контроль над химическими веществами-прекурсорами.
5. Приняты профилактические меры по эффективному контролю за вредными наркотическими средствами и психотропными веществами.
6. Проведены работы по исправлению ситуации на местном уровне в критических районах.

¹ См.: Zhang X. Sheldon, *Chin Ko-lin. A People's War: China's Struggle to Contain its Illicit Drug Problem // Improving Global Drug Policy: Comparative Perspectives and UNGASS*. 2016. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/a-peoples-war-final.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

² См.: Наркомания, преступность, мятеежники. Транснациональная угроза афганского опия. Резюме // UNODC. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. 2009. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Afghanistan/Executive_Summary_russian.pdf (дата обращения: 25.10.2023).

³ См.: URL: <http://russian.china.org.cn/russian/32993.htm> (дата обращения: 24.10.2023).

7. Созданы и продемонстрированы образцовые города в целях улучшения общегородского управления проблемами наркотиков.

8. Был достигнут прогресс в решении проблем наркотиков в сельских районах путем объединения усилий по борьбе с наркотиками и нищетой.

9. Расширено международное сотрудничество в целях совместного построения сообщества, свободного от наркотиков, с единой судьбой человечества.

10. Укреплены на местном уровне возможности по борьбе с наркотиками за счет совершенствования применения технологий.

Следует отметить, что данные достижения¹ во многом соответствуют целям и задачам российской антинаркотической политики и требуют проведения указанных мероприятий в России.

Выделяя основные направления, с помощью которых китайское правительство достигло данных результатов, следует остановиться на решениях, которые представляют несомненный практический интерес.

1. Наибольший успех китайского контроля, на наш взгляд, заключается во всеобъемлющем учете лиц с наркотической зависимостью. Ю. Шевцова подчеркивает [2, с. 43] жесткость учета наркозависимых граждан с помощью национальной компьютерной базы органов общественной безопасности, в которой отражаются личные данные, место жительства, обращения за медицинской помощью, а также правонарушения. Регистрация идет на трех уровнях: квартальном, городском и общегосударственном. Следствием является низкий уровень латентности наркомании в КНР. Достигается это, по большей части, путем развитой координации правоохранительных и медицинских органов, принудительно ставящих на учет наркозависимых.

2. Д. Янг и М.Д. Джумарра рассматривают в своем исследовании различные уровни принудительного и добровольного лечения наркотической зависимости, подразумевающего детоксификацию по месту жительства, принудительную детоксификацию с изоляцией, общественные реабилитационные центры, а также возможность добровольного лечения в медицинских детоксификационных учреждениях. Наряду с этим стоит отметить и эффективность заместительной метадоновой терапии², а также эффективность и экономичность системы работы с наркозависимыми — один социальный работник успешно осуществляет персонализированную терапию в отношении 15 пациентов. Главными методами искоренения наркомании являются принудительное лечение в наркологических диспансерах и лечение в сочетании с воспитательным трудом в исправительно-трудовых учреждениях. Эти учреждения, по сути, представляют собой особые школы-лечебницы для оказания помощи наркозависимым [3].

3. Создание Национальной цифровой платформы по предупреждению употребления наркотиков среди молодежи, покрывающей более 100 млн студентов и учеников каждый год³, а также применение цифровых технологий правового

¹ См.: Zhang X. Sheldon, Chin Ko-lin. A People's War: China's Struggle to Contain its Illicit Drug Problem // Improving Global Drug Policy: Comparative Perspectives and UNGASS. 2016. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/a-peoples-war-final.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

² См.: Yang Jie, Giummarra M.J. Compulsory and voluntary drug treatment models in China: A need for improved evidence-based policy and practice to reduce the loaded burden of substance use disorders // International Journal of Drug Policy. Volume 29. June 2021. URL: <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2020.103063> (дата обращения: 25.10.2023).

³ См.: China's Narcotics Control Achievements over the Past Five Years // Сайт Посольства КНР в США. 2022. URL: http://us.china-embassy.gov.cn/eng/zgyw/202209/t20220901_10758622.htm (дата обращения: 25.10.2023).

просвещения в данной области значительно снизило количество новых лиц, употребляющих наркотики.

4. Наравне с предыдущей платформой необходимо отметить и Национальную информационную систему менеджмента веществ-прекурсоров¹.

5. Одним из результативных направлений борьбы с наркотиками в КНР считаем практику блокировки интернет-ресурсов и сетевой анонимности, так называемый Великий китайский файервол. А.А. Мазур отмечает данный опыт как «достаточно успешный: в стране постоянно блокируются все новые сервисы, которые предоставляют доступ к VPN, возможности работы Тог серьезно ограничены, и работа в этом направлении идет непрерывно» [4, с. 128]. Помимо того, на наш взгляд, положительное влияние также оказывают ограничительные меры на использование частных криптовалют, влияние которых на механизм незаконного оборота наркотиков отмечается Л.Г. Халлиулиной [5, с. 24].

6. В качестве антинаркотической меры была ужесточена уголовная ответственность за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в КНР, с привлечением несовершеннолетних лиц старше 12 лет, с выделением специальных форм соучастия; установлена смертная казнь за отдельные виды наркопреступлений [5, с. 115]. Считаем, что данный вопрос требует дальнейшего теоретического осмысления и практической апробации, а также возможности его применения в Российской Федерации с учетом сложившейся в нашей стране правовой системы, обычаев, традиции и менталитета.

Таким образом, на основе данных проведенного исследования предлагаются следующие изменения в концепцию антинаркотической политики РФ.

1. Усиление учета наркозависимых лиц путем расширения практики постановки их на наркологический учет в порядке ст. 56 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»; внесение изменений в нормативно-правовую базу о принудительной постановке на наркологический учет всех наркозависимых лиц. Основным путем разрешения данного вопроса предполагается либо включение в п. 9 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»² подпункта 2.1, предполагающим медицинское вмешательство без согласия гражданина в отношении лиц, страдающих от наркомании, либо включение в Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715³, заболеваний, предусмотренных кодами МКБ-10 F-10—F-19 (психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ), что позволит ставить на учет и проводить диспансерное лечение не только по решению суда в случае совершения преступления или административного правонарушения, но и в случае выявления наркозависимых при иных обстоятельствах.

¹ См.: China's Narcotics Control Achievements over the Past Five Years // Сайт Посольства КНР в США. 2022. URL: http://us.china-embassy.gov.cn/eng/zgyw/202209/t20220901_10758622.htm (дата обращения: 25.10.2023).

² См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724; Российская газета. 2023. 29 декабря.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» (в ред. от 31 января 2020 г.) // СЗ РФ. 2004. № 49, ст. 4916; 2020. № 6, ст. 674.

2. Создание системы наркологического лечения и реабилитации, расширение практики лечения и реабилитации наркозависимых лиц, в том числе в недобровольном порядке; рассмотрение вопроса о разрешении применения заместительной метадоновой терапии. Распространение практики обязательного лечения вместо принудительного как более эффективного [6, с. 30], в том числе в связке с расширением оснований для назначения обязательного лечения комиссией врачей.

3. Применение в массовом порядке цифровых технологий просвещения в области предупреждения наркомании, в том числе путем создания отдельных цифровых платформ. В связи с наличием проблем во взаимодействии медицинских учреждений, различных моделей взаимодействия первичного звена здравоохранения с наркологическими службами [7, с. 37] необходимо, на наш взгляд, создание федеральной информационной платформы (системы) взаимодействия и обмена информацией в области наркологической помощи, что исключило бы факты уклонения от лечения путем смены места жительства на другой регион.

4. Освоение китайской практики в области блокировки интернет-ресурсов и средств анонимизации; повышение государственного контроля за криптовалютами.

5. Усиление уголовной ответственности за наркопреступления.

Библиографический список

1. *Жданова Е.В.* Незаконный оборот наркотиков каннабисной группы и тенденции использования каннабиса в легальном обороте // Научный портал МВД России. 2021. № 4(56). С. 69–75.

2. *Шевцова Ю.* Противодействие наркоугрозе в Китае и Гонконге // *Обозреватель-Observer*. 2009. № 5. С. 43–48.

3. *Шеслер В.А., Цуканов Н.Н., Куприянчик Т.В.* Ответственность за наркоправонарушения в Китайской Народной Республике // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2022. № 3(48). С. 108–116.

4. *Мазур А.А.* Актуальные проблемы предупреждения преступности в социальной сети Даркнет // *Вестник РУК*. 2018. № 3(33). С. 125–129.

5. *Халлиулина Л.Г.* Криптовалюты в механизме незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // *Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право*. 2019. № 3. С. 23–26.

6. *Клименко Т.В., Целинский Б.П., Игонин А.Л.* Правовые основы назначения недобровольных мер медицинского характера наркологическим пациентам, привлеченным к уголовной или административной ответственности // *Российский психиатрический журнал*. 2019. № 6. С. 25–31.

7. *Клименко Т.В., Корчагина Г.А., Фадеева Е.В., Гречаная Т.Б., Вышинский К.В.* Совершенствование взаимодействия учреждений первичного звена здравоохранения и наркологической службы для оказания помощи пациентам с рискованным, пагубным употреблением или зависимостью от алкоголя или других психоактивных веществ // *Национальное здравоохранение*. 2022. № 3. С. 29–40.

References

1. *Zhdanova E. V.* Illicit Drug Trafficking of the Cannabis Group and Trends in the Use of Cannabis in Legal Circulation // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4(56). P. 69–75.

2. *Shevtsova Yu.* Countering the Drug Threat in China and Hong Kong // *Obozrevatel-Observer*. 2009. No. 5. P. 43–48.

3. *Shesler V.A., Tsukanov N.N., Kupriyanchik T.V.* Responsibility for Drug Violations in the People's Republic of China // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3(48). P. 108–116.
4. *Mazur A.A.* Actual Problems of Crime Prevention in the Darknet Social Network // Bulletin of RUK. 2018. No. 3(33). P. 125–129.
5. *Halliulina L.G.* Cryptocurrencies in the Mechanism of Illicit Trafficking of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances // Criminal Law and Criminology, Penal Enforcement Law. 2019. No. 3. P. 23–26.
6. *Klimenko T.V., Tselinsky B.P., Igonin A.L.* The Legal Basis for Prescribing Involuntary Medical Measures to Narcological Patients Brought to Criminal or Administrative Responsibility // Russian Psychiatric Journal. 2019. No. 6. P. 25–31.
7. *Klimenko T.V., Korchagina G.A., Fadeeva E.V., Grechanaya T.B., Vyshinsky K.V.* Improving the Interaction of Primary Health Care Institutions and Drug Treatment Services to Assist Patients with Risky, Harmful Use or Dependence on Alcohol or Other Psychoactive Substances // National Healthcare. 2022. No. 3. P. 29–40.

Р.Д. Ахмадуллина

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Введение: в современных реалиях, в том числе обусловленных проведением Российской Федерацией специальной военной операции, обеспечение национальной безопасности государства как никогда приобретает особую актуальность и значимость. В статье рассмотрены имеющиеся проблемы правового регулирования статуса органов прокуратуры РФ как самостоятельного субъекта обеспечения национальной безопасности России. **Цель** — выявить проблемы правового регулирования статуса прокуратуры России в системе обеспечения национальной безопасности РФ и изложить подходы к их решению. **Методологическая основа:** обще- и частнонаучные методы познания, представленные в первом случае в виде системно-структурного, во втором — в виде сравнительно-правового и формально-юридического методов. **Результаты:** выявлены пробелы в правовой регламентации статуса надзорного ведомства в механизме обеспечения национальной безопасности РФ, предложено внести ряд изменений в основополагающие правовые акты в сфере национальной безопасности с целью подтверждения особой роли органов прокуратуры России в указанной сфере. **Выводы:** органам прокуратуры РФ отведена роль ведущего и наиболее компетентного звена в механизме обеспечения национальной безопасности России. Правовое регулирование деятельности органов прокуратуры РФ в исследуемом аспекте имеет перспективы дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: национальная безопасность, Стратегия национальной безопасности, угрозы национальной безопасности, стратегические национальные приоритеты, субъекты системы обеспечения национальной безопасности, органы прокуратуры, Совет Безопасности РФ, специальная военная операция.

R.D. Akhmadullina

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Background: in modern realities, including those caused by the special military operation of the Russian Federation, ensuring national security of the state as never before acquires special relevance and importance. The article considers the existing problems of legal regulation of the status of the RF prosecutor's office as an independent subject of ensuring national security of Russia. **Objective** — to identify problems of legal regulation of the status of the Prosecutor's office of the Russian Federation in the system of ensuring national security of the Russian Federa-

---

© Ахмадуллина Рената Динисламовна, 2024
Помощник прокурора Мари-Турекского района Республики Марий Эл, аспирант факультета подготовки научных кадров (Университет прокуратуры Российской Федерации); e-mail: akhmadullina.zimfira@yandex.ru
© Akhmadullina Renata Dinislamovna, 2024
Assistant Prosecutor of the Mari-Turek District of the Republic of Mari El, Postgraduate at the Faculty of Scientific Staff Training (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

tion and to outline approaches to their solution. **Methodology:** a set of general scientific (logical, system-structural) and private scientific methods (formal legal, comparative legal) of cognition. **Results:** gaps in the legal regulation of the status of the supervisory agency in the mechanism of ensuring the national security of the Russian Federation are revealed, it is proposed to make a number of changes to the fundamental legal acts in the field of national security in order to confirm the special role of the Russian prosecutor's office in this area. **Conclusions:** the role of the leading and most competent link in the mechanism of ensuring national security of Russia is assigned to the prosecutor's office of the Russian Federation. Legal regulation of the activities of the RF prosecutor's office in the studied aspect has prospects for further improvement.

Keywords: national security, National Security Strategy, threats to the national security, strategic national priorities, subjects of the national security system, the Prosecutor's Office, the Security Council of the Russian Federation, special military operation.

В период кардинальных и необратимых перемен во всем мире, в свете нарастающей геополитической напряженности, изоляции России в большей части международных отношений, беспрецедентного давления ряда недружественных государств на нашу страну и наличия внутренних вызовов, обусловленных ростом радикальных и экстремистских настроений, в том числе в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции, обеспечение национальной безопасности Российского государства как никогда приобретает особую актуальность и значимость. От решения указанной проблемы зависит будущее России как самостоятельного государства и российского народа как нации. Правовую основу системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации составляет ряд нормативных правовых актов, принятых в указанной сфере¹.

Основопологающим документом стратегического планирования, который определяет национальные интересы, стратегические национальные приоритеты, цели и задачи политики Российского государства в сфере обеспечения национальной безопасности, а также устойчивого развития нашей страны на долгосрочную перспективу является Стратегия национальной безопасности, которая под национальной безопасностью России понимает такое состояние защищенности национальных интересов государства от внешних и внутренних угроз, когда обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в государстве, охрана суверенитета, независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие Российской Федерации².

А.И. Гальченко и иные анализировавшие соответствующие вопросы исследователи отмечают, что для защиты национальной безопасности РФ существует

¹ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416; Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (в ред. от 10 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 2; 2023. № 29, ст. 5304; Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (в ред. от 17 февраля 2023 г.) // СЗ РФ. 2014. № 26, ч. 1, ст. 3378; 2023. № 8, ст. 1206; Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2 ст. 5351; Указ Президента РФ от 25 мая 2012 г. № 715 «Об утверждении состава Совета Безопасности Российской Федерации» (в ред. от 17 марта 2023 г.) // СЗ РФ. 2012. № 22, ст. 2758; 2023. № 12, ст. 2019; и др.

² См.: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

потребность в согласованных усилиях всех органов государственной власти, входящих в механизм обеспечения национальной безопасности, независимо от их предназначения и ведомственной принадлежности [1, с. 16].

Тем не менее органам прокуратуры РФ отведена роль ведущего и наиболее компетентного звена в этом механизме. Так, 15 марта 2023 г. на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ главой государства — Президентом РФ В.В. Путиным отмечена высокая роль органов прокуратуры во всех сферах жизни общества и государства, в том числе в сфере обеспечения безопасности Российского государства. В.В. Путин подчеркнул особую важность деятельности надзорного ведомства в данной сфере в тех непростых условиях, в которых в настоящее время находится Россия, отстаивая свой суверенитет¹. В обосновании указанной точки зрения хочется привести и мнение ряда ученых, с позицией которых нельзя не согласиться.

Так, доктор юридических наук Т.А. Ашурбеков, детально исследовавший вопрос о роли органов прокуратуры в системе обеспечения национальной безопасности РФ, следующим образом определил статус надзорного органа в исследуемом аспекте. В частности, ученый указал, что практически каждая из сфер правовых отношений охватывается надзором за исполнением законов. Соответствующий надзор ориентирован на практику исполнения всех относящихся к защите национальной безопасности законов. Прокурором в рамках указанного надзора при выявлении причиняющих вред национальным интересам нарушений применяются многообразные средства реагирования. Т.А. Ашурбековым акцентировано внимание на взаимодействии органов прокуратуры с прочими обеспечивающими национальную безопасность органами. Прокуратура России при этом определенным образом влияет на деятельность, которую осуществляют указанные органы. Данный надзор имеет, по замечанию автора, существенное значение с точки зрения предупреждения преступлений [2, с. 110–111].

По мнению профессора В.В. Меркурьева, органы прокуратуры РФ осуществляют непосредственное выявление угроз национальной безопасности, их устранение, предупреждение в рамках реализации предусмотренных для надзорного ведомства функций с учетом состояния законности на конкретной территории [3, с. 47]. Доктор юридических наук Н.Н. Карпов отмечает, что усилия и ресурсы органов прокуратуры концентрируются на реализации национальных приоритетов, изложенных в п. 26 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [4, с. 111–112].

В связи с тем, что в механизме государственной власти положение органов прокуратуры является особым, данные органы имеют возможность, используя средства прокурорского надзора, выявлять относящиеся к сфере национальной безопасности угрозы, осуществлять их нейтрализацию. При этом в силу общей целевой направленности деятельности данных органов они способствуют утверждению авторитета права, укреплению основ конституционного строя.

Несмотря на ясность места и роли надзорного ведомства в механизме обеспечения национальной безопасности РФ приходится констатировать о проблемах

¹ См.: Доклад Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70678> (дата обращения: 14.10.2023).

правового регулирования статуса органов прокуратуры в указанной части. Так, в настоящее время в основополагающих правовых актах в сфере национальной безопасности отсутствует четкая регламентация места, роли, полномочий органов прокуратуры России в обеспечении национальной безопасности. На это обращали внимание многие ученые, например И.Б. Кардашова, и предлагали свои концептуальные модели места и роли органов прокуратуры в системе обеспечения национальной безопасности Российского государства [5, с. 58–65].

В частности, проводя анализ Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (в ред. от 10 июля 2023 г.)¹ (далее — Закон о безопасности), пришедшего на смену Закону РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (в ред. от 26 июня 2008 г.)² (далее — Закон № 2446-1), установлено, что обозначенный акт не регламентирует относящиеся к обеспечению национальной безопасности полномочия органов прокуратуры. Система обеспечивающих национальную безопасность органов указана в ч. 3 ст. 4 анализируемого Закона. Данная система представлена федеральными и региональными государственными органами, а также органами, осуществляющими местное самоуправление. В гл. 2 Закона о безопасности предусмотрены нормы, относящиеся к полномочиям главы государства, палат Федерального Собрания, органов исполнительной власти, являющихся федеральными, в том числе Правительства РФ, региональных органов власти, а также органов, осуществляющих местное самоуправление.

Однако стоит обратить внимание на то, что в Законе № 2446-1 существовала отдельная норма о прокурорском надзоре за законностью деятельности органов, обеспечивающих безопасность (ст. 22 разд. V). В связи с тем, что органы прокуратуры России не входят в классическую триаду разделения властей, на наш взгляд, целесообразнее вернуть в Закон о безопасности самостоятельную норму о прокурорском надзоре за законностью деятельности органов, обеспечивающих безопасность, содержащуюся в Законе № 2446-1. Полагаем, что отсюда вытекает и необходимость предусмотреть в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 24 июля 2023 г.)³ отдельное направление, цель осуществляемой надзорным ведомством деятельности в виде обеспечения национальной безопасности.

Стратегия национальной безопасности представляет собой правовой акт, имеющий фундаментальное значение. Стратегия предусматривает, что базовый документ стратегического планирования реализуется посредством действий, которые под руководством Президента РФ скоординированно осуществляют органы публичной власти, а также относящиеся к гражданскому обществу организации и институты. При этом не предусматривается положение, которое занимают в системе обеспечения национальной безопасности отдельные субъекты данной системы, в том числе надзорное ведомство.

В ранее действовавших Концепциях, Стратегиях национальной безопасности положение указанного ведомства в системе обеспечивающих национальную безопасность органов также определено не было⁴. Так, в качестве органов, обеспечивающих

¹ См.: СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 2; 2023. № 29, ст. 5304

² См.: Российская газета. 1992. 6 мая; 2008. № 26, ст. 3022.

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5772.

⁴ См.: Указы Президента РФ: от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (в ред. от 10 января 2000 г.) // Российская газета.

национальную безопасность РФ, они определяли федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, организации и институты гражданского общества. В то же время статус каждого органа и их компетенцию применительно к вопросу обеспечения национальной безопасности базовые документы стратегического планирования не устанавливали. В связи с чем также считаем необходимым внести изменения в базовый документ стратегического планирования, предлагаем наряду с разделами «Общие положения», «Россия в современном мире: тенденции и возможности», «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты», «Обеспечение национальной безопасности», «Организационные основы и механизмы реализации настоящей Стратегии» включить раздел «Система органов, обеспечивающих национальную безопасность», определяющий статус субъектов обеспечения национальной безопасности РФ, в том числе и органов прокуратуры. Кроме того, полагаем, что с учетом вызовов нового времени, в которых России приходится отстаивать суверенитет и независимость в условиях проведения специальной военной операции, Стратегия национальной безопасности требует пересмотра в полном объеме.

Генеральный прокурор участвует в Совете Безопасности — особом органе совещательной компетенции, содействующем главе государства в реализации связанных с обеспечением национальной безопасности полномочий. Данное обстоятельство также следует учитывать при оценке предназначения органов прокуратуры в сфере обеспечения национальной безопасности. Изучение предусмотренных Законом о безопасности в отношении Совета безопасности функций, задач позволяет сделать вывод о том, что основным инструментарием в деятельности данного органа является информация о состоянии законности. При этом единственным органом государственной власти, аккумулирующим указанную информацию по всем сферам общественной жизни, является прокуратура РФ. Вместе с тем в соответствии с Указом Президента РФ № 715¹ в состав постоянных членов Совета Безопасности РФ Генеральный прокурор РФ не включен, несмотря на то, что руководители таких правоохранительных органов России, как Министерство внутренних дел и Федеральная служба безопасности, являются постоянными членами указанного совещательного органа. Хочется обратиться к опыту Республики Беларусь в регулировании статуса участия Генерального прокурора в специальном совещательном органе, созданном по вопросам обеспечения национальной безопасности государства. Так, в Республике Беларусь Генеральный прокурор входит в состав постоянных членов Совета Безопасности². В связи с чем также считаем целесообразным определить статус Генерального прокурора РФ в органе совещательной компетенции в качестве постоянного члена указанного органа, а значит внести изменения в названный ранее Указ Президента.

1997. 26 декабря; 2000. 18 января; от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 2, ст. 170; от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (в ред. от 1 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 2009. № 20, ст. 2444; 2014. № 27, ст. 3754; от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1, ч. 2, ст. 212.

¹ См.: Указ Президента РФ от 25 мая 2012 г. № 715 «Об утверждении состава Совета Безопасности Российской Федерации» (в ред. от 17 марта 2023 г.) // СЗ РФ. 2012. № 22, ст. 2758; 2023. № 12, ст. 2019.

² См.: Совет Безопасности Республики Беларусь // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/president/glavnokomanduyushchiy/sovet-bezopasnosti> (дата обращения: 15.10.2023).

Резюмируя итоги проведенного анализа, необходимо отметить, что компетенция надзорного ведомства является уникальной. Органам прокуратуры присущ особый правозащитный потенциал. Вследствие этого следует отметить существенное значение деятельности, осуществляемой в рамках обеспечения национальной безопасности России органами прокуратуры. Однако, к сожалению, приходится констатировать наличие ряда проблем в правовой регламентации положения, занимаемого в системе обеспечения национальной безопасности органами прокуратуры. Решение поставленных в рамках настоящей статьи проблем правового регулирования позволит подтвердить особую роль органов прокуратуры России в деятельности по обеспечению национальной безопасности.

Библиографический список

1. Гальченко А.И. Роль прокуратуры в обеспечении национальной безопасности // Законность. 2015. № 12(974). С. 16–19.
2. Ашурбеков Т.А. Правовые и организационные основы надзорной и иной функциональной деятельности прокуратуры в сфере национальной безопасности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 543 с.
3. Меркурьев В.В. Задачи прокуратуры Российской Федерации по противодействию экстремизму и терроризму в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 3(53). С. 44–53.
4. Карпов Н.Н. Прокуратура России в системе обеспечения национальной безопасности // Правовое обеспечение национальной безопасности. Тридцать лет законодательству о безопасности Российской Федерации: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (РАНХиГС, г. Москва, 22 апреля 2022 г.) / отв. ред. Д.В. Ирошников. М.: Проспект, 2023. С. 107–112.
5. Кардашова И.Б. О проблемах определения роли прокуратуры в обеспечении национальной безопасности // Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности (Сухаревские чтения): сб. матер. III Науч.-практ. конференции (г. Москва, 6 октября 2017 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус; [под науч. ред. А.Ю. Винокурова]. М.: Изд-во Ун-та прокуратуры РФ, 2018. С. 58–65.

References

1. Galchenko A.I. The Role of the Prosecutor's Office in Ensuring National Security // Legality. 2015. No. 12(974). P. 16–19.
2. Ashurbekov T.A. Legal and Organizational Bases of Supervisory and Other Functional Activities of the Prosecutor's Office in the Field of National Security: diss. ... Doc. of Law. M., 2009. 543 p.
3. Merkuryev V.V. Tasks of the Prosecutor's Office of the Russian Federation on Countering Extremism and Terrorism in the Context of Ensuring National Security // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2016. No. 3(53). P. 44–53.
4. Karpov N.N. The Prosecutor's Office of Russia in the National Security System // Legal Provision of National Security. Thirty Years of Legislation on the Security of the Russian Federation: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (RANEPА, Moscow, April 22, 2022) / ed. D.V. Iroshnikov. M.: Prospect, 2023. P. 107–112.
5. Kardashova I.B. On the Problems of Determining the Role of the Prosecutor's Office in Ensuring National Security // Prosecutor's Office in the System of National Security (Sukharev readings): collection of materials of the III scientific-practical conference (Moscow, October 6, 2017) / under general ed. O.S. Kapinus; [under scientific ed. A.Yu. Vinokurov]; M.: Izd-vo University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018. C. 58–65.

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2024-3-199-207
УДК 347.73

М.Б. Разгильдиева, Д.А. Карамышев

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДАСТРОВОЙ ОЦЕНКИ

Введение: проблематика статьи связана с широко распространенной практикой завышения кадастровой стоимости объектов недвижимости. **Цель** — разработать теоретико-правовые обобщения в сфере нормативного правового регулирования государственной кадастровой оценки и практики его реализации, формирующие основу для предложений по совершенствованию действующего правового регулирования в этой сфере, в том числе механизма защиты прав и законных интересов собственников объектов недвижимости. **Методологическая основа:** анализ действующего законодательства и судебной практики в сфере государственной кадастровой оценки. **Результаты:** разработаны предложения по совершенствованию действующего правового регулирования в сфере государственной кадастровой оценки объектов недвижимости, практики его применения и региональной политики, обеспечивающих большую степень защиты прав и законных интересов собственников объектов недвижимости. **Выводы:** важно обеспечить экономическую обоснованность результатов государственной кадастровой оценки, в том числе на уровне стратегического экономического планирования федерального и регионального уровней зафиксировать, что завышение кадастровой стоимости объектов недвижимости не является выгодным для сферы публичных интересов как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: кадастровая оценка, рыночная стоимость, кадастровая стоимость, недвижимое имущество, порядок изменения кадастровой стоимости, оценочная деятельность, налогообложение.

© Разгильдиева Маргарита Бяшировна, 2024
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: razgildieva@yandex.ru

© Карамышев Денис Андреевич, 2024
Ассистент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kda.64@yandex.ru

© Razgildieva Margarita Byashirovna, 2024
Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

© Karamyshev Denis Andreevich, 2024
Assistant Professor at the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

M.B. Razgildieva, D.A. Karamyshev

CURRENT TRENDS OF LAW ENFORCEMENT
IN THE SPHERE OF STATE CADASTRAL VALUATION

Background: the problematic issue of the article is related to the widespread practice of overestimating the cadastral value of real estate objects. **Objective:** to develop theoretical and legal generalizations in the field of normative legal regulation of state cadastral valuation and the practice of its implementation, forming the basis for proposals to improve the current legal regulation in this area, including the mechanism for protecting the rights and legitimate interests of property owners. **Methodology:** analysis of current legislation and judicial practice in the field of state cadastral valuation. **Results:** proposals for improving the current legal regulation in the field of state cadastral valuation of real estate, the practice of its application and regional policy, ensuring a greater degree of protection of the rights and legitimate interests of property owners were developed. **Conclusions:** it is important to ensure the economic validity of the results of state cadastral valuation, including at the level of strategic economic planning of the federal and regional levels to fix that overestimation of the cadastral value of real estate objects is not beneficial for the sphere of public interests both in the long and short term.

Keywords: cadastral valuation, market value, cadastral value, real estate, procedure for changing cadastral value, valuation activities, taxation.

Анализ правоприменительной практики позволяет констатировать наличие ряда проблем, возникающих у собственников объектов недвижимости при оспаривании размера кадастровой стоимости, установленного в результате государственной кадастровой оценки. В комплексе данные проблемы можно обозначить как существенно затрудняющие право собственников объектов недвижимости на экономически обоснованное налогообложение таких объектов, определяемое по результатам государственной кадастровой оценки.

Согласно сведениям Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее — Росреестр), в 2023 г. в суды поступило 6 987 исков об установлении кадастровой стоимости объектов недвижимости в размере их рыночной стоимости, что составило 99,1 % от общего числа исков, поступивших в суд в связи с оспариванием результатов государственной кадастровой оценки. За указанный период было удовлетворено 40,45 % от числа поданных исков, что составило 91,28 % от числа рассмотренных. Большая часть исков от числа направленных в суд — 55,69 % — находится на рассмотрении, по ним окончательное решение не принято¹. По сведениям Росреестра, в результате вынесенных судебных решений суммарная величина кадастровой стоимости уменьшена на 37 %, что в денежном выражении составляет 99,02 млрд руб. Аналогичные тенденции определения кадастровой стоимости в завышенном размере проявлялись также и в предыдущие годы².

Распространенным основанием для завышения кадастровой стоимости объекта недвижимости, определенной по результатам государственной кадастро-

¹ См.: Обобщенные сведения о рассмотрении споров в судах // Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. URL: <https://rosreestr.gov.ru/activity/kadastrovaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrvoy-stoimosti-informatsiya-o-sudebnykh-sporakh-v-otnoshenii-rezultatov-opredeleniya-kadastrvoy-stoimosti-obektov/> (дата обращения: 20.01.2024).

² См.: Там же.

вой оценки, по сравнению с рыночной стоимостью данного объекта, является недостоверность или неполнота сведений, использованных при определении кадастровой стоимости. В науке эта проблема связывается с необходимостью модернизации не только методологии кадастровой оценки, но и процедур сбора и обработки исходных данных об объектах недвижимости [1, с. 30–50].

Основы правовой концепции соотношения кадастровой и рыночной стоимости объекта недвижимости определены Конституционным Судом Российской Федерации (далее — КС РФ) в Постановлении от 11 июля 2017 г. № 20-П (далее — Постановление № 20-П). Согласно изложенной в нем правовой позиции, как кадастровая, так и рыночная стоимость являются условными, но считаются достоверными до тех пор, пока их величина не пересмотрена или исправлена законно установленными способами. Различия в методах оценки кадастровой и рыночной стоимости с неизбежностью приводят к несовпадению результатов разных оценок по одному и тому же объекту недвижимости, однако кадастровая стоимость в размере рыночной имеет приоритет, поскольку ее размер получен в результате индивидуальной оценки объекта недвижимости и позволяет определять размер налогового обязательства по этому объекту на экономически обоснованном уровне. КС РФ подчеркнул, что из смысла принципов проведения государственной кадастровой оценки, закрепленных в ст. 4 Федерального закона «О государственной кадастровой оценке», вытекает, что оценка не должна быть произвольной, она должна обеспечивать приближенность кадастровой стоимости к существующим рыночным реалиям, а существенное превышение кадастровой стоимости над уровнем рыночной стоимости этого же объекта может свидетельствовать об ошибке, допущенной при формировании методики определения кадастровой стоимости или при ее применении к конкретному объекту¹.

Поэтому важнейшей задачей сокращения числа споров по поводу завышенной кадастровой стоимости является совершенствование методики государственной кадастровой оценки объектов недвижимости. Однако действующим правовым регулированием такая задача не фиксируется, поскольку прямо не определяется, например, обязанность государственного бюджетного учреждения, осуществляющего кадастровую оценку, проводить анализ причин существенного отклонения размера кадастровой стоимости, определенной в размере рыночной стоимости объекта недвижимости, от размера, установленного по результатам государственной кадастровой оценки.

Вторая широко распространенная проблема, связанная со спорами о признании кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере, равном его рыночной стоимости, касается распределения судебных расходов. Еще в 2017 г. в Постановлении № 20-П, признавая несоответствующими Конституции РФ отдельные положения актов процессуального законодательства, КС РФ указал на недопустимость возложения на налогоплательщика бремени несения вынужденных расходов, связанных с устранением допущенных при ее проведении возможных ошибок, и на наличие приемлемого диапазона «с точки зрения существующих стандартов

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2017 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н.Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения “Российский сельскохозяйственный центр”» // СЗ РФ. 2017. № 30, ст. 4726.

государственной кадастровой оценки» расхождения кадастровой и рыночной стоимости. Однако изменения в акты процессуального законодательства не были внесены, заявленные стандарты также не были утверждены.

В современной судебной практике, как правило, именно на заявителя, оспаривающего завышенную кадастровую стоимость, возлагаются судебные расходы, включая расходы на проведение оценки рыночной стоимости объекта недвижимости, а также последующей судебной экспертизы отчета по такой оценке. Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) в определении от 16 сентября 2020 г. № 58-КАД20-6-К9 справедливо отмечал, что данное обстоятельство «не только сужает реальную доступность правосудия, но и способно финансово обесценить значение соответствующего судебного решения с точки зрения соотношения бремени судебных расходов с ожидаемыми налоговыми выгодами», отметив, что приемлемой разницей между рыночной и кадастровой стоимостью является диапазон в 30 %, при котором бремя несения судебных расходов возлагается на налогоплательщика¹.

Несмотря на то, что указанный диапазон сам по себе достаточно широк и ставит налогоплательщика в уязвимое положение, на практике его придерживаются далеко не всегда и суды продолжают возлагать судебные расходы на заявителя и при его превышении. Например, решением Иркутского областного суда по делу № 3а-414/2022² суд счел приемлемым диапазон отклонения результатов в 34,9 % (в апелляционной и кассационной инстанции решение не было пересмотрено³). Суды полагают, что судебные расходы не могут быть возложены на орган, утвердивший результаты определения кадастровой стоимости, поскольку им не были допущены ошибки при формировании методики определения кадастровой стоимости или при ее применении к конкретному объекту недвижимости⁴, при этом отнесение на административного истца судебных расходов финансово не обесценивает значение судебного решения, так как размер взысканных судебных расходов не превышает налоговую выгоду от оспаривания кадастровой стоимости, а диапазон отклонения в 35,3 % признается допустимым с точки зрения существующих стандартов государственной кадастровой оценки⁵.

Однако трудно согласиться с подобной аргументацией, поскольку она не мотивирует государственные структуры, задействованные в формировании и применении методики кадастровой оценки, к ее совершенствованию, поскольку чем значительнее уровень завышения кадастровой стоимости по отношению к рыночной, тем выше уровень налоговой выгоды, которую получает налогоплательщик, следовательно, меньше шансы на признание того, что понесенные им расходы по проведению оценки рыночной стоимости и экспертизы отчета о такой оценке будут отнесены на счет государственного субъекта. Кроме того, не ясно,

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 16 сентября 2020 г. № 58-КАД20-6-К9 // СПС «ГарантМаксимум».

² См.: Решение Иркутского областного суда от 25 апреля 2022 г. по делу № 3а-414/2022 // СПС «ГарантМаксимум».

³ См.: Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 4 мая 2023 г. № 88а-10228/2023 по делу № 3а-414/2022 // СПС «ГарантМаксимум».

⁴ См.: Решение Саратовского областного суда от 18 марта 2021 г. по делу № 3а-23/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 мая 2022 г. № 88а-14248/2022 по делу № 3а-23/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

на какие стандарты государственной кадастровой оценки ссылаются суды, поскольку они не были приняты, поэтому не понятна и мотивация, по которой тот или иной диапазон расхождения между кадастровой и рыночной стоимостью признается допустимым. Поэтому полагаем необходимым определиться на законодательном уровне с допустимым размером такого отклонения, что будет способствовать большей степени определенности правового механизма защиты прав собственников объектов недвижимости.

К числу проблемных аспектов применения правового регулирования федерального уровня в сфере государственной кадастровой оценки следует также отнести расхождение судебной практики с действующими законодательными нормами. В соответствии с п. 3 ст. 245 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации¹ (далее — КАС РФ) заявление об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости может быть подано в суд не позднее момента внесения результатов определения кадастровой стоимости, полученных при проведении очередной государственной кадастровой оценки, либо сведений, связанных с изменением качественных или количественных характеристик объекта недвижимости, повлекших изменение его кадастровой стоимости. Исходя из буквального толкования данной нормы следует, что оспаривание архивной кадастровой стоимости невозможно. Между тем ВС РФ в определении от 16 февраля 2017 г. № 67-КГ16-23 указал, что требование о пересмотре кадастровой стоимости, ставшей архивной, может быть рассмотрено по существу, если на дату обращения в суд сохраняется право на применение результатов такого пересмотра для целей, установленных законодательством². Несмотря на изложенную позицию, суды продолжают отказывать в удовлетворении требований о пересмотре архивной кадастровой стоимости³, а ВС РФ отправлять на пересмотр данные решения⁴. Безусловно, это существенно затрагивает права и законные интересы собственников объектов недвижимости, затягивая процесс их защиты. Видится, что во избежание расхождений норм КАС РФ и судебной практики необходимо внесение поправок в действующее законодательство.

Следующая проблема правового регулирования федерального уровня в рассматриваемой сфере связана с пониманием методических указаний о государственной кадастровой оценке как необходимой основы для защиты прав собственников объектов недвижимости при оспаривании размера завышенной кадастровой стоимости. Так, Московским городским судом по делу № 3а-539/2022⁵ было неверно определен сегмент земельного участка, что повлекло вынесение судебного решения, которое было пересмотрено в вышестоящих инстанциях⁶. Представляется, что критерии кадастровой оценки, в том числе ценообразующие факторы и их значение, должны быть более понятными и прозрачными как для судебных

¹ См.: СЗ РФ. 2015. №10, ст. 1391; 2023. № 1, ч. 1, ст. 20.

² См.: Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 16 февраля 2017 г. № 67-КГ16-23 // СПС «ГарантМаксимум».

³ См.: Решение Московского городского суда от 20 ноября 2020 г. по делу № 3а-5298/2020 // СПС «ГарантМаксимум».

⁴ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 27 апреля 2022 г. № 5-КАД22-7-К2 // СПС «ГарантМаксимум».

⁵ См.: Решение Московского городского суда от 6 апреля 2022 г. по делу № 3а-0539/2022 // СПС «ГарантМаксимум».

⁶ См.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2023 г. по делу № 88а-198/2023 // СПС «ГарантМаксимум».

органов, так и для собственников недвижимого имущества, поскольку только в этом случае можно обеспечить соответствие закрепленным в ст. 4 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке в Российской Федерации» (в ред. от 19 декабря 2022 г.)¹ (далее — Закон № 237-ФЗ) принципам открытости процедур государственной кадастровой оценки на каждом этапе их осуществления, экономической обоснованности и проверяемости результатов определения кадастровой стоимости. В связи с чем, представляется, необходимо в рамках функционирования публичной кадастровой карты разработать сервис по подробной калькуляции кадастровой стоимости по каждому объекту недвижимого имущества по ценообразующим факторам и иным составляющим, формирующим его кадастровую стоимость, примененным государственным бюджетным учреждением при ее расчете.

На основе анализа судебной практики также выявлена негативная тенденция по преодолению государственным бюджетным учреждением, проводившим кадастровую оценку, решения о признании кадастровой стоимости в размере рыночной и возврату ее размера к уровню, установленному по результатам государственной кадастровой оценки². Статья 16 Закона № 237-ФЗ регламентирует обязательность проведения новой кадастровой оценки по объектам недвижимости, если в сведения Единого государственного реестра недвижимости (далее — ЕГРН) по таким объектам внесены изменения, влекущие изменение их кадастровой стоимости. Проблема связана с тем, что нормативно не закрепляется обязанность государственного бюджетного учреждения, проводящего государственную кадастровую оценку, анализировать и учитывать в последующем причины отклонения кадастровой стоимости объекта недвижимости от его рыночной стоимости, установленной по результатам индивидуальной оценки. Поскольку прямо предусмотрено, что в случае внесения в ЕГРН сведений об изменениях объекта недвижимости, влекущих изменение его кадастровой стоимости, кадастровая стоимость такого объекта определяется заново по алгоритмам, предусмотренным в Методических указаниях, с применением подходящей модели оценки кадастровой стоимости на основе результатов последней государственной кадастровой оценки, действовавших по состоянию на дату возникновения основания для пересчета кадастровой стоимости³. Следовательно, в тех случаях, когда кадастровая стоимость уже определена в размере рыночной, переоценка будет осуществляться по моделям массовой оценки без ее корректировки даже при наличии существенной разницы между кадастровой и рыночной стоимостью. Отсутствие в нормативной регламентации кадастровой оценки требования к корректировке методики кадастровой оценки или учету при ее проведении причин существенного расхождения между кадастровой и рыночной стоимостью одного и того же объекта недвижимости приводит собственников объектов недвижимости к необходимости осуществлять оцен-

¹ См.: СЗ РФ. 2016. № 27, ст. 4170; 2022. № 52, ст. 9376.

² См., например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 октября 2021 г. № 09АП-61622/2021 по делу № А40-77916/2021; Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 24 января 2023 г. № 66а-27/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. п. 72 Методических указаний о государственной кадастровой оценке: утв. Приказом Росреестра от 4 августа 2021 г. № П/0336 (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 20.12.2021).

ку рыночной стоимости принадлежащих им объектов на постоянной основе: каждые пять лет, а в городах федерального значения — каждые два года, если установлена такая периодичность кадастровой оценки. Подобная модель правового регулирования не соответствует закрепленным в ст. 4 Закона № 237-ФЗ принципам непрерывности актуализации сведений, необходимых для определения кадастровой стоимости и экономической обоснованности ее результатов.

Специально следует подчеркнуть, что изменения, внесенные в Закон № 237-ФЗ в 2020 г.¹, были направлены на реализацию п. 2 Перечня поручений по реализации Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15 марта 2018 г. № Пр-436, согласно которому порядок определения кадастровой стоимости объектов недвижимости должен обеспечивать при налогообложении величину кадастровой стоимости объекта недвижимости, не превышающую величину его рыночной стоимости². Оценивая в целом развитие федерального правового регулирования в сфере государственной кадастровой оценки, можно заключить, что оно направлено на постоянное совершенствование в целях обеспечения баланса частных и публичных интересов, затрагиваемых в результате государственной кадастровой оценки: недопущение определения необоснованной кадастровой стоимости, устранение накопленных в ЕГРН ошибок без необходимости обращаться в суд, непрерывного надзора, снижение степени влияния региональных властей на результаты государственной кадастровой оценки и др.

Однако существенный дисбаланс в формируемую модель установления кадастровой стоимости в размере рыночной стоимости объекта недвижимости вносится Распоряжением Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «О перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями»³ (далее — Распоряжение № 3214-р), согласно которому судебные строительно-техническая и землеустроительная экспертизы, назначаемые в целях определения рыночной стоимости объектов недвижимости в рамках оспаривания или установления их кадастровой стоимости, отнесены к видам экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями.

В полной мере можно согласиться с уже изложенной в научно-практической литературе аргументацией недопустимости такого ограничения [2, с. 89–97], а также подчеркнуть несоответствие подобного подхода требованиям Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 13 июня 2023 г.)⁴ (далее — Закон № 135-ФЗ). Согласно этому Закону, определение кадастровой стоимости относится к видам профессиональной деятельности субъектов оценочной деятельности (ст. 3), а суды самостоятельны в выборе оценщика (ст. 9). Несмотря на то, что принятое Распоряжение № 3214-р регламентирует процессуальные аспекты судебной экспертизы, оно, тем не менее, имеет прямое отношение к формированию налоговых обязательств по объектам недвижимости и должно соответствовать общим ограничениям в этой сфере правового регулирования, в том числе обозначенным КС РФ положениям о том, что дискреция, принадлежащая государству в установ-

¹ См.: СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5028; 2022. № 52, ст. 9376.

² См.: СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

⁴ См.: СЗ РФ. 2021. № 47, ст. 7923; 2023. № 45, ст. 8098.

лении и прекращении налоговых обязанностей, не позволяет ему действовать вопреки критериям формальной определенности закона, принципам поддержания доверия к действиям властей, законного и справедливого налогообложения¹.

Рассматривая вопрос, связанный с нарушениями проведения государственной кадастровой оценки, на региональном уровне (применительно к Саратовской области), можно отметить низкую степень нарушаемости². В то же время, видится, что по правовым актам Саратовской области не прослеживается придание особого значения повышению степени приближенности кадастровой стоимости объектов недвижимости, определяемой по результатам государственной кадастровой оценки, уровню их рыночной стоимости, что могло бы служить иллюстрацией ответственной региональной политики по привлечению инвестиций в регион. В частности, подобные задачи не предусмотрены в документах, определяющих региональную стратегию экономического развития³. При этом Планом мероприятий по росту доходов и оптимизации расходов бюджета, утвержденного Постановлением Правительства Саратовской области от 29 марта 2011 г. № 165-П «Об исполнении условий заключенных Соглашений» в актуальной редакции⁴, предусмотрена задача по актуализации результатов государственной кадастровой оценки недвижимости. Из чего можно заключить, что в разрезе региональной политики актуализация результатов государственной кадастровой оценки связывается не с переходом к модели паритета кадастровой и рыночной стоимостей, а именно с возрастанием кадастровой.

Несмотря на совершенствование нормативного правового регулирования в сфере государственной кадастровой оценки, для собственников объектов недвижимости процесс, связанный с обоснованным снижением завышенного размера кадастровой стоимости, по-прежнему является сложным и дорогостоящим. Реализация подобной государственной политики нивелирует стимулы к вложениям в объекты капитального строительства, соответственно, уменьшается инвестиционная привлекательность территории и ее экономическое развитие. Практика проведения государственной кадастровой оценки, а также судебная практика рассмотрения споров по этому вопросу, отражают пока широко распространенный тренд на завышение кадастровой стоимости объектов недвижимости, допускаемое в деятельности государственных бюджетных уч-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 ноября 2020 г. № 46-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 4 статьи 378.2 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества “Московская шерстопрядильная фабрика”» // СЗ РФ. 2020. № 47, ст. 7624.

² См.: Результаты мониторинга 2022 года в разрезе субъектов Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/15-upr/Результаты%20мониторинга_таблица.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

³ См.: Постановление Правительства Саратовской области от 11 октября 2013 г. № 546-П «О государственной программе Саратовской области “Развитие экономического потенциала и повышение инвестиционной привлекательности региона”» // СЗ Саратовской области. 2013. № 42; Новости Саратовской губернии. URL: www.g-64.ru, 22.12.2023; Постановление Правительства Саратовской области от 30 июня 2016 г. № 321-П «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года» // Новости Саратовской губернии. URL: www.g-64.ru, 06.07.2016; 19.09.2023.

⁴ См.: Постановление Правительства Саратовской области от 29 марта 2011 г. № 165-П «Об исполнении условий заключенных Соглашений» // СЗ Саратовской области. 2011. № 10; Новости Саратовской губернии. URL: www.g-64.ru, 27.03.2023.

реждений, осуществляющих государственную кадастровую оценку, и не всегда пресекаемое органами государственной власти, призванных обеспечивать интересы граждан и юридических лиц, являющихся собственниками объектов недвижимости. Возможно предположить, что необходимо более явственно в документах стратегического экономического планирования федерального и регионального уровней, а также в разъяснениях государственных органов власти, высших судебных инстанций зафиксировать, что завышение кадастровой стоимости объектов недвижимости не является выгодным для сферы публичных интересов как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе.

Представляется, в целях гармонизации действующего законодательства и фактически складывающейся судебной практики целесообразно изложить ч. 3 ст. 245 Кодекса административного судопроизводства РФ в следующей редакции: «Административное исковое заявление об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости может быть подано в суд, если на момент его подачи для административного истца сохраняется право на применение результатов такого пересмотра».

Для решения проблемы монополизации государственных экспертных организаций в сфере экспертизы результатов государственной кадастровой оценки, в том числе в целях снижения коррупциогенных рисков, порождаемых такой монополизацией и затягиванием процесса защиты прав собственников недвижимости, полагаем возможным исключить раздел II Перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, утвержденного Распоряжением № 3214-р.

В разрезе экономической политики Саратовской области рекомендуется провести оценку повышения инвестиционной привлекательности региона при формировании репутации территории, на которой проводится политика экономически обоснованного налогообложения объектов недвижимости, основанного на формировании размера кадастровой стоимости объектов недвижимости в объеме, приближенном к их справедливой рыночной оценке.

Библиографический список

1. *Губанищева М.А.* Оценка кадастровой стоимости объектов недвижимости в условиях информационных и организационных диспропорций: дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2021. 179 с.
2. *Комиссаров Г.А.* Государственный протекционизм в делах об оспаривании кадастровой стоимости // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 9. С. 89–97.

References

1. *Gubanishcheva M.A.* Estimation of Cadastral Value of Real Estate Objects in the Conditions of Information and Organizational Disparities: diss. ... Cand. of Econ. Sci. Novosibirsk, 2021. 179 p.
2. *Komissarov G.A.* State Protectionism in Cases of Challenging Cadastral Value // Property Relations in the Russian Federation. 2022. No. 9. P. 89–97.

М.А. Панина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ АКТУАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ
РАЗВИТИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ
ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО
ЗНАЧЕНИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Введение: создание особо охраняемых природных территорий (далее — ООПТ) выступает одним из главных инструментов сохранения экосистемы и биоразнообразия Российской Федерации. Грамотная правовая политика в области создания и функционирования ООПТ позволит сделать этот процесс наиболее эффективным. **Цель** — изучить правовой режим ООПТ регионального значения на территории Саратовской области, проанализировать действующее федеральное и региональное законодательство, регулирующие особо охраняемые природные территории регионального значения. **Методическая основа:** использован диалектический, сравнительно-правовой методы, анализ и синтез. **Результаты:** аргументирована авторская позиция о действующем законодательстве и правовом режиме особо охраняемых природных территорий регионального значения. Проведен анализ ряда нормативных правовых актов Саратовской области, предложены изменения положений федерального законодательства, регулирующего ООПТ. **Выводы:** необходимо увеличить количество ООПТ на территории России, в частности ООПТ регионального значения. Следует проработать вопрос разработки уникальных региональных нормативных правовых актов, которые будут учитывать все потребности особо охраняемых природных территорий регионального значения, для которых они принимаются. Вместе с тем необходимо проанализировать действующее региональное и федеральное законодательство на предмет актуальности, а также внести в него необходимые изменения.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, особо охраняемые природные территории регионального значения, особо охраняемые природные территории Саратовской области, режим особой охраны, правовой режим, экологическое право, земельное право.

М.А. Panina

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF REALIZATION
OF THE ACTUAL CONCEPT OF DEVELOPMENT AND LOCATION
OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL TERRITORIES
OF REGIONAL SIGNIFICANCE IN THE SARATOV REGION

Background: creation of specially protected natural areas (hereinafter — SPNA) is one of the main tools for the conservation of the ecosystem and biodiversity of the Russian Federation. A competent legal policy in the field of creation and functioning of protected areas will make this process the most effective. **Objective** — to study the legal regime of SPNA of regional significance in the territory of the Saratov region, to analyze the current federal and regional legislation regulating

© Панина Мария Александровна, 2024

Преподаватель кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: mariarann@yandex.ru

© Panina Maria Aleksandrovna, 2024

Lecturer at the Department of Land and Environmental Law (Saratov State Law Academy)

*specially protected natural areas of regional significance. **Methodology:** the dialectical method, the method of analysis and synthesis, the comparative legal method are used. **Results:** the author's position on the current legislation and legal regime of specially protected natural territories of regional significance is argued. A number of normative legal acts of the Saratov region are analyzed, changes in the provisions of the federal legislation regulating SPNA are proposed. **Conclusions:** it is necessary to increase the number of SPNAs on the territory of Russia, in particular SPNAs of regional significance. The issue of developing unique regional normative legal acts that will take into account all the needs of specially protected natural areas of regional significance, for which they are adopted, should be worked out. At the same time, it is necessary to analyze the current regional and federal legislation for relevance, as well as to make the necessary changes.*

Keywords: *specially protected natural territories, specially protected natural territories of regional significance, specially protected natural territories of the Saratov region, special protection regime, legal regime, environmental law, land law.*

Особо охраняемые природные территории — это «участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, объекты растительного и животного мира, естественные экологические системы, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны»¹. Вопрос правового регулирования ООПТ очень важен, поскольку они играют особую роль в сохранении экологического баланса, биологического разнообразия, а также уникальной экосистемы России, сохранение которой от негативного воздействия различного рода является одной из ключевых задач государства.

Согласно действующему законодательству, различают следующие категории ООПТ: «государственные природные заповедники, в том числе биосферные заповедники; национальные парки; природные парки; государственные природные заказники; памятники природы; дендрологические парки и ботанические сады»².

Президент РФ В.В. Путин неоднократно подчеркивал важность ООПТ, а также необходимость увеличения их количества на территории нашей страны: «В Российской Федерации реализуется комплексная стратегия устойчивого развития, в рамках которой уделяется повышенное внимание экологической повестке, защите и восстановлению редких и находящихся под угрозой исчезновения животных и растений, а также дальнейшему укреплению системы особо охраняемых природных территорий. При этом к 2024 году собираемся создать не менее 23 новых охраняемых природных территорий»³, — озвучил в своем выступлении на XV Конференции сторон Конвенции ООН глава государства в 2021 г.

По данным Федеральной службы государственной статистики, опубликованным 19 февраля 2024 г., по состоянию на 2022 г. (без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям) в России насчитывается

¹ См.: Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (в ред. от 10 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1995. № 12, ст. 1024; 2023. № 29, ст. 5328.

² См.: Там же.

³ См.: Путин заявил, что Россия создаст не менее 23 охраняемых природных территорий к 2024 году. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12635153> (дата обращения: 28.03.2024).

11 931 ООПТ, из них федерального значения — 300, регионального значения — 10 625, местного значения — 1 006¹. Так, по сравнению только с 2019 г. количество ООПТ увеличилось на 109 единиц. Подобный рост можно объяснить правильной политикой государства, проводимой в области охраны окружающей среды и экологии. Создание новых ООПТ позволит сохранить и защитить уникальные природные комплексы, биологические виды, развивать экологический туризм, проводить новые научные исследования и многое другое.

Анализируя Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях»², можно выделить ряд признаков, при наличии хотя бы одного из которых территория может быть признана ООПТ: значение соответствующей территории для сохранения биологического разнообразия, в том числе редких, находящихся под угрозой исчезновения и ценных в хозяйственном и научном отношении объектов растительного и животного мира и среды их обитания; наличие в границах соответствующей территории участков природных ландшафтов и культурных ландшафтов, представляющих собой особую эстетическую, научную и культурную ценность; наличие в границах соответствующей территории геологических, минералогических и палеонтологических объектов, представляющих собой особую научную, культурную, эстетическую ценность; наличие в границах соответствующей территории уникальных природных комплексов и объектов, в том числе одиночных объектов, представляющих собой особую научную, культурную и эстетическую ценность [1, с. 23].

Особую роль в развитии ООПТ играют регионы России, поскольку подавляющее большинство особо охраняемых природных территорий имеет именно региональный статус. Для правового регулирования ООПТ регионального значения ежегодно издаются новые постановления региональных правительств, определяющие направления развития, порядок особой охраны, порядок использования территорий и др.

Решения о создании ООПТ федерального значения принимаются федеральным органом исполнительной власти в области охраны окружающей среды, а об образовании ООПТ регионального значения или об изменении режима их особой охраны принимаются органами государственной власти субъектов РФ при обязательном согласовании с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в области охраны окружающей среды или федеральными органами исполнительной власти в области обороны страны и безопасности государства, если предполагается, что в границах особо охраняемых природных территорий будут находиться земли и другие природные ресурсы, предоставленные для нужд Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов [2, с. 23].

На территории Саратовской области действует постановление Правительства Саратовской области от 7 марта 2024 г. № 166-П «Об утверждении Концепции развития и размещения особо охраняемых природных территорий регионального значения на период до 2030 года»³ (далее — Концепция). По состоянию на 1 ян-

¹ См.: Сведения об особо охраняемых природных территориях (1-ООПТ). URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=особо+охраняемые+природные++территории> (дата обращения: 28.03.2024).

² См.: Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (в ред. от 10 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1995. № 12, ст. 1024; 2023. № 29, ст. 5328.

³ См.: Постановление Правительства Саратовской области от 7 марта 2024 г. № 166-П «Об утверждении Концепции развития и размещения особо охраняемых природных террито-

варя 2023 г. в Саратовской области функционирует 94 ООПТ общей площадью 181 063 га (1,8 % территории области). Около 0,69 % всей площади ООПТ области приходится на две федеральные ООПТ площадью 70 339 га¹ — национальный парк «Хвалынский» и государственный природный заказник «Саратовский». Данная Концепция была издана с целью повышения эффективности государственного управления в сфере правового регулирования создания, использования, охраны и развития региональных ООПТ на территории Саратовской области.

Создание новых ООПТ является одной из ключевых задач руководства области, поскольку это положительно влияет на экологическую обстановку в регионе. Уже в апреле 2024 г. в регионе было создано две новых ООПТ регионального значения — «Урочище “Тинь-Зинь”»² в городе Энгельсе и памятник природы «Сарминская тюльпанная степь»³ в Ершовском муниципальном районе. Их создание позволило установить особый режим охраны указанных территорий, что, несомненно, положительно скажется на экосистеме региона, сохранит ее нерушимость для будущих поколений.

Необходимость защиты окружающей среды установлена на самом высоком уровне, в Основном Законе государства. Статья 42 Конституции РФ закрепляет «право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением»⁴. Именно поэтому вопрос увеличения количества ООПТ, в том числе и регионального значения, всегда остается актуальным и стоит особенно остро.

Вместе с тем создание новых ООПТ в регионе не всегда может в полной мере решить вопрос охраны данной территории от негативного воздействия человека. Законодательство в данной сфере требует постоянного совершенствования и актуализации. В качестве положительного примера своевременного и актуального нормативного правового акта можно привести постановление Правительства Саратовской области от 5 февраля 2024 г. № 64-П «О порядке расчета предельно допустимой рекреационной емкости особо охраняемых природных территорий регионального значения при осуществлении туризма»⁵.

Внутренний туризм на территории Саратовской области с каждым годом набирает все большую популярность. Красота и многообразие природных объектов региона привлекает не только его жителей, но и гостей из разных уголков нашего большого государства. Издание указанного постановления в совокупно-

рий регионального значения на период до 2030 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2024).

¹ См.: Постановление Правительства Саратовской области от 7 марта 2024 г. № 166-П «Об утверждении Концепции развития и размещения особо охраняемых природных территорий регионального значения на период до 2030 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2024).

² См.: Постановление Правительства Саратовской области от 11 января 2024 г. № 7-П «О создании особо охраняемой природной территории регионального значения — памятника природы “Урочище “Тинь-Зинь”». URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2024).

³ См.: Постановление Правительства Саратовской области от 16 января 2024 г. № 15-П «О создании особо охраняемой природной территории регионального значения — памятника природы “Сарминская тюльпанная степь”». URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2024).

⁴ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

⁵ См.: URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2024).

сти с другими принимаемыми мерами позволит сохранить баланс между комфортным отдыхом туристов и сохранением окружающей среды, предотвратив ее деградацию.

Согласно упомянутой Концепции был установлен ряд мероприятий в целях совершенствования сети ООПТ регионального значения в Саратовской области. Так, Концепция предусматривает создание до 2030 г. на территории области не менее 22 новых ООПТ регионального значения. Данная мера весьма целесообразна, поскольку сегодня на территории региона существует большое количество природных объектов, имеющих историческую и экологическую ценность, но никак дополнительно не защищенных со стороны законодательства и государства. В приложении 1 к Концепции перечислены 34 объекта, которые в будущем могут стать частью сети ООПТ регионального значения Саратовской области.

При создании новых ООПТ необходимо учитывать уникальность каждой из них. Невозможно принять один нормативный правовой акт, который в полной мере учтет все территориальные, биологические, исторические и иные нюансы. В данном вопросе также не допустим формальный подход и использование единого шаблона для каждой особо охраняемой природной территории. При создании новой ООПТ необходимо разрабатывать уникальный нормативный правовой акт, учитывающий потребности конкретной территории, практику негативного воздействия человека на нее, исторические факты, территориальное расположение и много другое. Только при таком подходе увеличение количества ООПТ в Саратовской области будет иметь смысл для сохранения окружающей среды.

Кроме того, необходимо актуализировать законодательство в целях уточнения категорий, площадей, границ, режимов особой охраны и природопользования уже существующих региональных ООПТ. Данное мероприятие также запланировано Концепцией.

Тем не менее даже детально разработанный и изданный нормативный правовой акт не будет гарантировать его соблюдения. К сожалению, на практике законы не всегда соблюдаются в полной мере. Так, в 2018 г. прокуратурой Саратовской области был выявлен ряд нарушений: не завершена работа по утверждению проектов положений об охранных зонах 75 особо охраняемых природных территориях; в государственном кадастре недвижимости не имеется сведений о границах памятника природы «Парк «Солнечный»»; выявлены нарушения при рассмотрении обращений граждан, которые проявились в неполноте проведенных проверок; инспекторами не во всех случаях отбирались пробы воды для проведения лабораторных исследований с целью установления фактов загрязнения водоемов и оценки ущерба, причиненного окружающей среде¹.

В 2021 г. по результатам проверки прокуратуры Волжского района города Саратова возбуждено уголовное дело по факту загрязнения особо охраняемой природной территории природного парка «Кумысная поляна». Прокуратурой было выявлено, что в Волжском районе была установлена насосная станция, оборудование которой демонтировано и сточные воды из многоквартирных

¹ См.: Прокуратурой области выявлены нарушения законодательства об особо охраняемых природных территориях. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/mass-media/news?item=47073152 (дата обращения: 29.03.2024).

домов проходят по территории природного парка «Кумысная поляна». Ущерб от загрязнения прокуратура оценила в 2,6 млн рублей¹.

На территории области действует постановление Правительства Саратовской области от 9 ноября 2021 г. № 960-П «Об утверждении Положения о региональном государственном контроле (надзоре) в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий»². Данный документ устанавливает порядок организации и осуществления регионально государственного контроля (надзора) в области охраны и использования ООПТ, а также закрепляет круг должностных лиц, ответственных за осуществление данного контроля (надзора), таких как министр природных ресурсов и экологии области, главный государственный инспектор области в сфере охраны окружающей среды, заместитель министра природных ресурсов и экологии области, начальник управления государственного экологического надзора, заместитель главного государственного инспектора области в области охраны окружающей среды, заместитель начальника управления государственного экологического надзора, начальник отдела охраны окружающей среды и др.³ Данный документ также регулирует процедуру проведения проверок, сроки, условия проведения и иные вопросы.

Кроме того, Концепция включает в себя ряд предложений по внесению изменений в Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», а также целесообразность выхода с данной инициативой. Предлагается раскрыть суть понятий «ликвидация ООПТ регионального значения», «реорганизация ООПТ регионального значения», а также порядка изменения границ ООПТ регионального значения.

Действительно, данный вопрос является достаточно спорным и актуальным. В названном Законе нет прямого запрета на ликвидацию особо охраняемых природных территорий регионального значения на региональном уровне, также нет запрета на реорганизацию и изменение границ. Но вместе с тем федеральное законодательство не дает прямого разрешения на проведение данных процедур и в целом не включает упомянутые понятия. Данная правовая коллизия позволяет трактовать Закон властями регионов России на свое усмотрение, что может привести к негативным последствиям. Следует внести в законодательство данные понятия и установить четкий порядок реорганизации или ликвидации либо установить прямой запрет на подобные действия на региональном уровне.

Таким образом, анализируя законодательство и практику, можно сделать следующие выводы. Во-первых, необходим непрерывный всесторонний контроль со стороны всех уполномоченных органов, который поможет обеспечить неукоснительное соблюдение законодательства как органами власти, так и должностными лицами, физическими и юридическими лицами.

Кроме того, увеличение количества ООПТ на территории России, в частности ООПТ регионального значения, а также экологически грамотная законодательная политика позволит обеспечить стабильность всех компонентов окружающей среды, поддержать климат, сохранить и восстановить популяции животных и растений. Следует не только увеличить количество и разнообразие ООПТ ре-

¹ См.: Возбуждено уголовное дело по факту загрязнения Кумысной поляны. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5143572> (дата обращения: 29.03.2024).

² См.: URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.03.2024).

³ См.: Там же.

гионального значения на территории Саратовской области, а также проработать вопрос разработки уникальных нормативных правовых актов, которые будут учитывать все потребности территорий, для которых они издаются, а также иные конкретные характеристики данной особо охраняемой территории.

Вместе с тем необходимо внести изменения в уже существующие региональные нормативные правовые акты, актуализировать их под потребности каждой ООПТ, учесть категорию, площадь, границы, режимы особой охраны и природопользования, изменения климата, антропогенные факторы и иное.

Отдельным вопросом стоит внесение изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях». Так, предлагается внести в законодательство понятия «ликвидация ООПТ регионального значения», «реорганизация ООПТ регионального значения» и установить четкий порядок реорганизации или ликвидации указанных единиц, либо установить прямой запрет на подобные действия на региональном уровне. Существующий пробел дает право регионам на самостоятельную правовую политику в данной сфере, что может повлечь негативные последствия для особо охраняемых природных территорий и, как следствие, экосистемы РФ.

Правовое регулирование особо охраняемых природных территорий — важный элемент в системе мер, применяемых для сохранения экосистемы, биологического разнообразия, защиты редких видов животных и растений, сохранения мест обитания и многого другого. Только грамотная политика государства в данной сфере позволит сохранить самое ценное, что есть у настоящего поколения для всех последующих, — природу.

Библиографический список

1. *Шагапова Р.А.* Правовой режим геопарков как особо охраняемых природных территорий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 23 с.
2. *Скибин С.С.* Особенности правового регулирования пользования недрами при ограниченной хозяйственной деятельности в пределах особо охраняемых природных территорий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 23 с.

References

1. *Shagapova R.A.* The Legal Regime of Geoparks as Specially Protected Natural Territories: diss. ... Cand. of Law. M., 2023. 23 p.
2. *Skibin S.S.* Features of the Legal Regulation of the Use of Mineral Resources with Limited Economic Activity Within Specially Protected Natural Areas: diss. ... Cand. of Law. M., 2015. 23 p.

Д.А. Гершиноква

ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО В СИСТЕМЕ ТОРГОВЛИ ВЫБРОСАМИ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Введение: единственным в мире примером включения лесного сектора в систему квотирования и торговли выбросами парниковых газов является Новозеландская система торговли выбросами, существующая с 2008 г. В России лесное хозяйство играет значительную роль в углеродном балансе страны, но не включено в углеродное регулирование. Достижение целей увеличения природного поглощения CO₂ почти в два раза к 2050 г. (в соответствии со Стратегией низкоуглеродного развития РФ) невозможно без специальных механизмов регулирования поглощения парниковых газов. **Цель** — изучить возможности включения лесного хозяйства в углеродное регулирование в России на примере Новой Зеландии. **Методологическая основа:** общенаучные (анализ, синтез, логический, сравнение) и специально-юридические (сравнительно-правовой) методы. **Результаты:** сформулированы предложения о введении в обращение в России «лесных» единиц в качестве платежа за выбросы парниковых газов регулируемых организаций и создании таким образом дополнительного финансового механизма охраны, защиты и воспроизводства лесов. **Выводы:** несмотря на отсутствие в России частной собственности на земли лесного фонда, подходы Новой Зеландии по вовлечению лесного хозяйства в углеродное регулирование представляют практический интерес.

Ключевые слова: углеродное регулирование, поглощение парниковых газов, система квотирования и торговли выбросами парниковых газов, Парижское соглашение, лесоклиматические проекты, Сахалинский эксперимент.

D.A. Gershinkova

FORESTRY IN NEW ZEALAND'S GREENHOUSE GAS EMISSIONS TRADING SYSTEM

Background: the only example in the world of the inclusion of the forestry sector in the system of quoting and trading in greenhouse gas emissions is the New Zealand Emissions Trading System, which has been in place since 2008. In Russia, forestry plays a significant role in the country's carbon balance, but is not included in carbon regulation. Achieving the goals of increasing natural CO₂ uptake almost twice by 2050 (in accordance with the Low Carbon Development Strategy of the Russian Federation) is impossible without special mechanisms to regulate greenhouse gas uptake.

Objective — to study the possibilities of including forestry in carbon regulation in Russia on the example of New Zealand. **Methodology:** general scientific (analysis, synthesis, logical, comparisons) and special legal (comparative legal) methods. **Results:** proposals were formulated to introduce “forest” units into circulation in Russia as a payment for greenhouse gas emissions of regulated organizations and thus create an additional financial mechanism for the protection, conservation and reproduction of forests. **Conclusions:** despite the lack of private ownership of forest land in Russia, New Zealand's approaches to involving forestry in carbon regulation are of practical interest.

Keywords: carbon regulation, greenhouse gas absorption, GHG emissions trading system, Paris Agreement, forest carbon offset projects, Sakhalin experiment.

© Гершиноква Динара Александровна, 2024
Соискатель юридического факультета (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского);
e-mail: gdinara@list.ru

© Gershinkova Dinara Aleksandrovna, 2024
Applicant at the Faculty of Law (Dostoevsky Omsk State University)

Новозеландская система торговли выбросами парниковых газов (НСТ) функционирует с 2008 г. и является не только главным инструментом внутригосударственного углеродного регулирования, но и единственной из 28 систем торговли выбросами парниковых газов¹, действующих в мире, где лесное хозяйство включено в регулируемые виды деятельности. Леса занимают около 10 млн га, или 40 % территории Новой Зеландии², и как естественные поглотители CO₂ компенсируют порядка 30 % выбросов парниковых газов³. Во исполнение целей Парижского соглашения Новая Зеландия стремится достичь углеродной нейтральности (то есть баланса между антропогенными выбросами и поглощениями) до 2050 г. путем сокращения выбросов и увеличения их поглощения в лесах⁴, применяя механизм НСТ.

Площадь лесов в России составляет 897 млн га [1], или 20 % лесов мира⁵. Леса компенсируют 22–27 % антропогенных выбросов парниковых газов в стране. Россия стремится достичь углеродной нейтральности не позднее 2060 г.⁶, и лесные ресурсы играют в этом важную роль. Однако леса не включены в углеродное регулирование, основой которого являются законы об ограничении выбросов парниковых газов и о проведении эксперимента по квотированию выбросов парниковых газов⁷. То есть лесопользователи не имеют обязательств ни по углеродной отчетности, ни по квотированию выбросов в рамках Сахалинского эксперимента. При этом заинтересованными лицами на добровольной основе в лесах могут реализовываться так называемые лесоклиматические проекты⁸. Два лесоклиматических проекта уже зарегистрированы в российском реестре углеродных единиц⁹ — по лесоразведению в Сахалинской области и по охране лесов от пожаров в Красноярском крае — совокупным средним объемом поглощения порядка 390 тысяч тонн CO₂ в год¹⁰.

¹ См.: ICAP (2023). Emissions Trading Worldwide: Status Report 2023. Berlin: International Carbon Action Partnership. URL: <https://icapcarbonaction.com> (дата обращения: 27.01.2024).

² См.: Интернет-сайт министерства экологии Новой Зеландии. URL: <https://www.mpi.govt.nz/forestry/new-zealand-forests-forest-industry/> (дата обращения: 27.01.2024).

³ См.: UNFCCC, Summary of GHG Emissions for New Zealand, 2021. URL: www.unfccc.int (дата обращения: 27.01.2024).

⁴ См.: Submission under the Paris Agreement New Zealand's first Nationally Determined Contribution Updated 4 November 2021. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-06/New%20Zealand%20NDC%20November%202021.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

⁵ См.: Глобальная оценка лесных ресурсов 2020 года. ФАО. URL: <https://www.fao.org/forest-resources-assessment/2020/ru/> (дата обращения: 27.01.2024).

⁶ См.: Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 44, ст. 7865.

⁷ См.: Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // СЗ РФ. 2021. № 27, ст. 5124; Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1391.

⁸ Название не утверждено, но применяется в нормативно-правовых документах. См., например: Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 40, ст. 6818.

⁹ См.: Интернет-сайт Российского реестра углеродных единиц. URL: <https://carbonreg.ru/?ysclid=lsggwmmk70226908881> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁰ Оценка выполнена автором по информации об ожидаемых результатах проектов и их продолжительности, размещенной на сайте реестра углеродных единиц.

В соответствии со Стратегией низкоуглеродного развития России до 2050 г.¹ поглощение парниковых газов в лесах должно увеличиться более чем в два раза — с 535 млн тонн CO₂-экв в 2019 г. до 1 200 млн тонн в 2050 г. Объективно, потенциала добровольных мероприятий будет недостаточно для достижения заявленных амбициозных целей. В связи с этим изучение опыта Новой Зеландии по вовлечению лесного сектора в систему государственного регулирования выбросов и поглощений парниковых газов актуально.

Новозеландская система торговли выбросами (НСТ) устроена следующим образом. Законом о реагировании на изменение климата² определены участники НСТ — пороговые значения и виды экономической деятельности включают в себя стационарные источники энергии (использование жидких углеводородов, добыча угля, добыча и импортирование природного газа, сжигание углеводородов и отходов для производства энергии, промышленные процессы, обращение с отходами, сельское хозяйство). Участникам НСТ установлены квоты на выбросы, превышение которых необходимо покрыть специально введенной в обращение новозеландской углеродной единицей (NZU), равной 1 тонне CO₂-экв. Приобрести NZU можно либо на государственных аукционах, либо на вторичном рынке. Некоторое количество NZU для участников НСТ бесплатно распределяется государством, максимально — для энергоемких предприятий³.

Участие лесного хозяйства в НСТ предусмотрено двумя способами⁴:

в обязательном порядке — для владельцев лесных угодий, существовавших до 1 января 1990 г.;

добровольно — для владельцев лесных угодий, сформировавшихся после 31 декабря 1989 г.

Такое разделение было обусловлено участием страны в Киотском протоколе, где 1990 год является базовым годом, а леса разделяются на существовавшие до 1990-го и после 1989 г. Правительство контролирует базовый уровень, чтобы не допустить массовую вырубку лесов, что будет конвертировано в выбросы. Леса Новой Зеландии являются объектом частной и государственной собственности. В состав государственных (около 80 % лесов страны) преимущественно входят охраняемые природные территории, ценные старовозрастные леса. Рубка в этих лесах запрещена. Лесозаготовки осуществляются на искусственно созданных лесных плантациях, находящихся в частной собственности (20 % лесов страны) [2].

Владельцы лесных участков, созданных до 1990 г., имеют право осуществлять лесопользование без ограничений за исключением сплошной рубки и обязаны уведомить курирующее ведомство — Министерство промышленности — о вырубке леса размером более 2 га за любой пятилетний период, а также предоставить соответствующую декларацию и внести плату за утраченный объем поглощения

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2021 г. № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // СЗ РФ. 2021. № 45, ст. 7556.

² См.: Climate Change Response Act 2002. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2002/0040/latest/whole.html> (дата обращения: 27.01.2024).

³ См.: Интернет-сайт министерства экологии Новой Зеландии. URL: <https://www.epa.govt.nz/industry-areas/emissions-trading-scheme/industrial-allocations/eligibility/> (дата обращения: 27.01.2024).

⁴ См.: New Zealand: an emissions trading case study. 2015. URL: https://www.i4ce.org/wp-content/uploads/15-05-25_new_zealand-3.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

в эквиваленте единиц NZU либо компенсировать потери путем создания эквивалентного по уровню поглощения леса в другом месте. То есть владельцы этой категории лесов имеют установленные законом обязательства.

Владельцы лесов, созданных после 1989 г., могут участвовать в НСТ добровольно и получать у регулятора NZU в объеме накопленного углерода за период с момента регистрации в системе торговли. Эти углеродные единицы можно продать на вторичном углеродном рынке. Однако в случае уменьшения накопленного поглощения, например в результате рубки или пожара, необходимо будет вернуть государству полученные NZU пропорционально потерям. Владельцы лесных участков также обязаны проинформировать регулятора о продаже участка или его части и вернуть связанные с участком NZU, если в дальнейшем проданный участок не будет участвовать в НСТ. К участию в НСТ допускаются лесные угодья, расположенные на землях площадью не менее 1 га, сомкнутостью крон более 30 %, с деревьями, которые в зрелом возрасте должны достигать высоты не менее 5 м. Данное определение соответствует критериям леса, утвержденным правилами Киотского протокола¹. Фруктовые деревья и орешники не учитываются.

Для всех участников НСТ от лесного хозяйства (обязательных и добровольных) устанавливается обязанность представлять углеродную отчетность (оценку накопленного поглощения) на ежегодной основе. Оценка производится с помощью методик, основанных на рекомендациях Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), которые позволяют рассчитать поглощение в зависимости от категории лесов, пород и возраста деревьев, региона расположения участка, его площади². Проверка достоверности сведений о лесных ресурсах осуществляется уполномоченным исполнительным органом власти — Министерством окружающей среды на основании геоинформационных систем и спутникового мониторинга³. Верификация отчетов третьей стороной не требуется.

Число участников НСТ от лесного хозяйства преобладает по сравнению с другими отраслями экономики: около 4 000 зарегистрированных владельцев лесов и только 197 зарегистрированных лиц из других отраслей. Добровольные участники от лесного хозяйства составляют подавляющее большинство (3 922)⁴. Таким образом, лесное хозяйство является основным поставщиком NZU на вторичном рынке. Лимитов по применению NZU от лесного хозяйства для соблюдения квот на выбросы регулируемым организациям не установлено. До 2016 г. участники НСТ, не связанные с лесным хозяйством, платили 1 NZU за 2 т превышения установленных выбросов, то есть оплачивались 50 % выбросов. В 2019 г. формула «один за два» была изменена на «один за один»⁵, то есть выбросы оплачиваются в полном объеме. Законодательно установлена и стартовая цена NZU на аукционах — 60 новозеландских долл. в 2023 г. (36 долл. США) с увеличением до 75 долл.

¹ См.: Решение сторон Киотского протокола к Рамочной Конвенции ООН об изменении климата FCCC/CP/2001/13/Add.1 (дата обращения: 27.01.2024).

² См.: Climate Change (Forestry) Amendment Regulations 2022. URL: <https://legislation.govt.nz/> (дата обращения: 27.01.2024).

³ См.: New Zealand submission on emissions removals to the Supervisory Body of the Article 6.4 Mechanism. 2023. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/NewZealand.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

⁴ См.: URL: https://www.ieta.org/wp-content/uploads/2023/10/2023_IETA_BizBrief_NZ_V2.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

⁵ См.: Climate Change Response Act 2002.

(45 долл. США) в 2027 г. Штрафы за нарушения установленных норм составляют трехкратную стоимость NZU на углеродном рынке. Кроме этого, для нарушителей сохраняется обязательство покрыть превышение квоты. Более того, юридические лица могут быть оштрафованы от 24 до 40 тыс. новозеландских долл. (от 15 до 32 тыс. долл. США) за непредставление углеродной отчетности или предоставление искаженной информации в отчетах. Предусмотрена также уголовная ответственность за умышленное искажение информации в НСТ с целью получения финансовой выгоды¹.

На сайте Министерства окружающей среды Новой Зеландии в открытом доступе находится вся нормативная база по НСТ, включая указанные методики, подробное описание алгоритмов регистрации в НСТ, подачи отчетности, примеры расчетов по методикам, указание контактных лиц для обращений — все, что создаст удобство пользователям и минимизирует ошибки в самостоятельных расчетах.

Несмотря на немалый потенциал поглощения и значительный задел в углеродном регулировании поглощений парниковых газов в лесном хозяйстве, официальная позиция Новой Зеландии в переговорах по Парижскому соглашению состоит в том, что меры по абсорбации (поглощению) парниковых газов должны дополнять, а не заменять реальное сокращение выбросов².

В 2024 г. Минэкономразвития России высказалось за введение платы за выбросы парниковых газов в стране с учетом результатов Сахалинского эксперимента³. В связи с этим по аналогии с новозеландским подходом можно рассмотреть введение в обращение единиц поглощения («лесных» углеродных единиц) и включение лесного хозяйства в углеродное регулирование как основного источника таких единиц, которые будут эквивалентом платежа за выбросы парниковых газов регулируемых организаций. В этом случае поступающие в бюджет средства будут направляться на финансирование государственных мероприятий по охране, защите и воспроизводству лесов. Таким образом, с одной стороны, будет обеспечиваться дополнительное финансирование мер по внедрению современных технологий ухода за лесом, профилактике и борьбе с лесными пожарами, с насекомыми-вредителями и т.д. — без чего невозможно увеличить в два раза объемы поглощения парниковых газов CO₂ в стране (цель, предусмотренная Стратегией низкоуглеродного развития). А с другой стороны, будет решен вопрос о целевом использовании платежей за выбросы парниковых газов. Для этого потребуется наделить федеральные органы исполнительной власти и органы власти субъектов Федерации полномочиями по выпуску и учету «лесных» углеродных единиц.

Отметим, что за счет лесоклиматических проектов решить задачу по двукратному увеличению поглощения парниковых газов в лесах к 2050 г. невозможно. В России более 70 % лесов находятся под управлением государства, поэтому обеспечить ключевой принцип климатических проектов — принцип дополненности — представляется непростой и к тому же затратной задачей: по не-

¹ См.: URL: <https://icapcarbonaction.com/en/ets/new-zealand-emissions-trading-scheme> (дата обращения: 27.01.2024).

² См.: New Zealand submission on emissions removals to the Supervisory Body of the Article 6.4 Mechanism.

³ См.: Замглавы Минэкономки Торосов назвал необходимым введение платы за углерод // Коммерсантъ. 2024. 11 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6507920?ysclid=lsn5tqgiij16041239> (дата обращения: 13.02.2024).

которым оценкам стоимость мероприятий лесоклиматического проекта может достигать 20 млн руб. на 1 га [3].

Подходы по использованию потенциала поглощения лесным сектором в Новой Зеландии отличаются от многих систем торговли выбросами парниковых газов тем, что лесной сектор интегрирован в саму систему, а не является источником офсетов, генерируемых за рамками системы торговли, то есть результатом климатических проектов. Благодаря вовлечению лесного сектора в углеродное регулирование, разрешения на выбросы в одном месте представляют собой поглощение CO₂ в другом. Этот опыт заслуживает внимания в контексте развития российской системы углеродного регулирования и решения задачи максимального раскрытия потенциала поглощения CO₂ российскими лесами.

Введение в России механизма учета поглощения парниковых газов лесопользователями, предусматривающего выпуск «лесных» углеродных единиц для их последующей реализации на углеродном рынке, может внести вклад в обеспечение дополнительного финансирования мер по охране и воспроизводству лесов.

Библиографический список

1. Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом за 1990–2021 гг. М.: Росгидромет, 2023. 479 с.
2. *Троицкая Л.В.* Правовое регулирование охраны лесов как поглотителей парниковых газов в зарубежном праве // ВЭПС. 2016. № 2. С. 213–220.
3. *Птичников А.В., Шварц Е.А., Попова Г.А., Байбар А.С.* Стратегия низкоуглеродного развития России и роль лесов в ее реализации // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93, № 1. С. 36–49.

References

1. National Inventory Report of Anthropogenic GHG Emissions from Sources and Removals by Sinks Not Regulated by the Montreal Protocol for 1990–2021. M.: Roshydromet, 2023. 479 p.
2. *Troitskaya L. V.* Legal Regulation of Forest Protection as Sinks of Greenhouse Gases in Foreign Law // VEPS. 2016. No. 2. P. 213–220.
3. *Ptichnikov A. V., Schwartz E. A., Popova G. A., Baybar A. S.* The Strategy of Low-Carbon Development of Russia and the Role of Forests in Its Implementation // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2023. Vol. 93, no. 1. P. 36–49.

DOI 10.24412/2227-7315-2024-3-221-227
УДК 343.9

Н. С. Кудинова

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МАРКИРОВКИ И СУДЕБНОЙ МЕХАНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СЛЕДОВ МАРКИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Введение: в условиях стремительного роста товарных масс маркированные изделия массового производства имеют преимущество перед товарами без маркировки. Оно выражается прежде всего в защите товаров от фальсификации. Однако нередки случаи, когда фальсификации подвергается и сама маркировка. Поэтому решение экспертной задачи относительно соответствия нанесения маркерных знаков техническим условиям завода (предприятия) — изготовителя ведет к решению задачи относительно соответствия изготовления исследуемого изделия данным условиям и к решению вопроса его подлинности (фальсификации). **Цель** — доказать необходимость создания криминалистических паспортов в качестве образцов для сравнительного исследования для повышения качества производства трасологических экспертиз производственно-технологических следов и доказательственного значения экспертных заключений. **Методологическая основа:** общая трасологическая методика идентификационного исследования следов производственно-технологического происхождения. **Результаты:** показана принципиальная возможность выявления идентификационного комплекса признаков производственно-технологической установки, отображающегося в следах маркирования и позволяющего отождествить конкретный маркиратор. **Выводы:** любая установка обладает комплексом индивидуализирующих признаков, которые способны отображаться в производственно-технологических следах на изделиях. В связи с этим необходимо изготовить криминалистические паспорта, что будет способствовать решению экспертной задачи по отождествлению конкретного маркиратора.

Ключевые слова: механико-техническая экспертиза, производственно-технологические следы, маркировка, фальсификация, идентификационный комплекс признаков, криминалистический паспорт.

N.S. Kudinova**FORENSIC SIGNIFICANCE OF MARKING AND FORENSIC MECHANOSCOPIC EXAMINATION OF INDUSTRIAL AND TECHNOLOGICAL TRACES OF MARKING AT THE PRESENT STAGE**

Background: in conditions of rapid growth of commodity masses, labeled mass-produced products have an advantage over unlabeled goods. It is expressed primarily in the protection of goods from counterfeiting. However, there are not rare cases when the marking itself is subjected to falsification. Therefore, the solution of the expert problem regarding the compliance of marking with the technical conditions of the plant (enterprise) — manufacturer leads to the solution of the problem regarding the compliance of the manufacture of the product under study with these conditions and to the solution of the issue of its authenticity (falsification). **Objective** — to prove the necessity to create “forensic passports” as samples for comparative study to improve the quality of production of trace examination of industrial and technological traces and the evidentiary value of expert conclusions. **Methodology:** general tracological methodology of identification study of traces of industrial-technological origin. **Results:** the principal possibility of revealing the identification complex of features of the production-technological unit, displayed in the marking traces and allowing to identify a specific marker is shown. **Conclusions:** irrespective of the marking method, any installation always possesses a whole complex of individualizing features that can be reflected in the production and technological traces on the products. Therefore, there is a real possibility to distinguish a particular marker (or equipment) from a group of similar ones. In this connection, there is an urgent need to produce “forensic passports”.

Keywords: mechanoscopic examination, production and technological traces, marking, falsification, identification complex of signs, “forensic passport”.

Судебная механоскопическая экспертиза производственно-технологических следов обладает рядом особенностей по сравнению с другими видами криминалистических экспертиз. Прежде всего они связаны с процессом постоянного развития и совершенствованием существующих методик и созданием новых, что, в свою очередь, связано с непрерывным прогрессом в области промышленного оборудования, технологий и организацией производства. Так, «имеющиеся в настоящее время методики исследования производственно-технологических следов не затрагивают вопросов, связанных с экспертизой объектов, изготовленных с применением современных технологий, в частности с применением 3D-принтеров. Это связано с тем, что 3D-печать является развивающимся направлением» [1, с. 35]. Появление на рынке изделий, изготовленных по новым технологиям, ведет к расширению круга объектов исследования, предоставляемых на трасологическую механоскопическую экспертизу.

Сегодня существующие методики часто не позволяют решать экспертные задачи относительно источника происхождения ряда изделий массового производства. В основном это связано с недостатком информации о технологии производства, в том числе о технологии маркирования (процесса нанесения маркировки), которая широко применяется как для изготовления изделий, так и для их защиты. Защитная маркировка активно используется страховыми компаниями, государственным таможенным комитетом, предприятиями при изготовлении разного рода оборудования.

Как правило, экспертиза по установлению происхождения маркировки назначается при расследовании преступлений, связанных с хищением авто-

транспортных средств, с хищением и незаконным оборотом оружия, подделкой ювелирных изделий, пломбировочных устройств и других изделий массового производства, с фальсификацией алкогольной продукции, контрафактным изготовлением узлов и агрегатов автотранспортных средств, запасных деталей самолетов и даже космических аппаратов. Среди товаров наиболее подделываемыми являются детские игрушки, одежда и обувь, часы, потребительская электроника и аксессуары, бытовая химия и парфюмерия, а также «брендовые» товары и пищевая продукция. Усилия по преломлению данной ситуации в стране предпринимаются давно. Более пяти лет назад, например, было предложено все бутылки, выпускаемые каждым заводом, изготавливающим стеклотару, маркировать и учитывать индивидуальные номера при отпуске их производителям алкогольной продукции, то есть, по сути, разделить ответственность между производителями стеклотары и алкогольной продукции.

Учитывая важность проблемы, распоряжением Правительства РФ от 6 февраля 2021 г. № 256-р утверждена Стратегия по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Российской Федерации на период до 2025 года¹. В документе говорится, что «высокая доля незаконного оборота промышленной продукции в общем обороте товаров наносит существенные потери бюджетной системе Российской Федерации в виде недополученных таможенных и налоговых платежей, снижает заинтересованность предпринимателей вкладывать значительные финансовые средства в развитие как отдельных производств, так и целых отраслей экономики, обеспечивать рост производительности труда и инвестировать в развитие рабочей силы, соблюдать стандарты качества продукции, создавать высокоэффективные цепочки движения качественных товаров от производства к потребителю и в конечном итоге наносит вред жизни и здоровью граждан Российской Федерации».

В связи с этим механизм маркирования должен стать эффективным инструментом в противодействии незаконному обороту промышленной продукции, поэтому сегодня маркировка приобретает особое криминалистическое значение. Так, основным назначением маркировки в виде индивидуального номера на огнестрельном оружии, помимо учета выпускаемой продукции, является именно защитная функция, которая способствует предупреждению хищений, незаконного сбыта, изготовления и других противоправных действий.

Маркировка, кроме защиты товаров от фальсификации, контрафактности и нелегитимности изготовления, обладает традиционными функциями: информационной, контрольной, гарантийной, испытательной, поверительной, пробирной, идентификационной (обеспечивающей верификацию предметов) — и должна удовлетворять определенным требованиям, таким как длительный срок жизни, хорошая выявляемость, стойкость к агрессивным средам и абразивным воздействиям, восстановление после уничтожения или видоизменения, криминалистическая идентификация.

В настоящее время отмечается негативная тенденция подделки не только товаров, но и их нематериальных свойств, к числу которых относится и маркировка. Это мешает контролирующим органам выявить нелегальную продукцию

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 6 февраля 2021 г. № 256-р «Об утверждении Стратегии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в РФ на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2021. № 8, ч. 2, ст. 1381.

и требует различного рода значительных затрат, в том числе и по экспертному сопровождению расследуемых преступлений. Поэтому часто решение экспертной задачи относительно установления подлинности маркировки одновременно является и решением задачи в отношении подлинности самого изделия, представленного на исследование [2, с. 73].

В трасологической механоскопии, помимо изучения «свойств орудий, инструментов и механизмов», должен изучаться «своеобразный, присущий только им процесс следового контакта (взаимодействия)» [3, с. 9]. В данном случае вопрос о способности эксперта разрешать вопросы технического характера имеет ключевое значение, особенно если этот вопрос касается следов маркирования. При их исследовании возникают определенные трудности. Большинство из них связано с особенностью механизма следообразования (непосредственный или дистанционный следовой контакт) и недостатком информации относительно технологии маркирования. В криминалистической литературе отсутствуют систематизированные данные относительно трасологической характеристики признаков, отображающихся в следах различных видов маркировки, наличествуют сведения только относительно общей характеристики производственно-технологических процессов маркирования и разрозненные сведения относительно их признаков.

Тем не менее можно констатировать, что доказательственное значение трасологической механоскопической экспертизы в настоящее время повышается. В связи с этим целесообразно привести пример, когда экспертное исследование, проведенное в рамках уголовного дела по факту кражи товаров, перевозимых в железнодорожном вагоне, опломбированном запорно-пломбировочными устройствами (ЗПУ) одной из известных отечественных фирм-изготовителей, позволило сформулировать следственную версию и выявить субъектов преступления. Фабула дела состояла в следующем: при комиссионной выгрузке вагона была обнаружена крупная недостача дорогостоящих промышленных товаров. При этом ЗПУ, которыми были опломбированы вагоны, не имели видимых следов криминального снятия и повторного навешивания. Позже сотрудниками железной дороги вблизи путей были обнаружены брошенные ЗПУ-дубликаты с такими же индивидуальными номерами, что и ЗПУ на вагонах, что недопустимо для данного вида пломбировочных устройств.

Была назначена и проведена механоскопическая экспертиза производственно-технологических следов. Среди прочих решались вопросы относительно общности (единого) источника происхождения двух ЗПУ и конкретного источника происхождения — технологической установки, с помощью которой маркировались изделия. В процессе исследования в качестве образцов для сравнения были предоставлены корпуса ЗПУ, отмаркированные на всех имеющихся в распоряжении производителя установках, с целью установления идентификационных признаков каждой из них. Был выявлен идентификационный комплекс признаков, отобразившихся в производственно-технологических следах, после чего эксперт сделал вывод, что индивидуальные номера ЗПУ-дубликатов нанесены в соответствии с технологическими условиями фирмы-изготовителя и выполнены на одной и той же лазерной установке. Решение данных экспертных вопросов помогло следствию выявить способ, место, время совершения преступления, установить причастность лиц (организатора и участников) в соверше-

нии преступления, выявить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (слабый контроль за поступающими на участок маркирования комплектующими элементами ЗПУ и возможность оператора вносить изменения в программу). То есть результаты механоскопической экспертизы способствовали не только установлению обстоятельств преступления, но и их профилактике.

Успешное разрешение экспертом вопросов, поставленных на разрешение, привело к убеждению о необходимости создания подобных сравнительных образцов для всех групп изделий, которые наиболее часто подвергаются фальсификации. За обоснованность данного утверждения говорит и анализ материалов экспертной практики, который свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев задача установления конкретного источника происхождения (промышленной технологической обстановки или оборудования) обычно не решается, а сводится только к решению вопроса относительно общности (единого) источника происхождения двух (нескольких) изделий. Это объясняется тем, что у эксперта отсутствует натурная коллекция с подобными объектами, а на экспертизу не предоставляются образцы для сравнения, что иногда связано с «засекречиванием» технологии самими производителями.

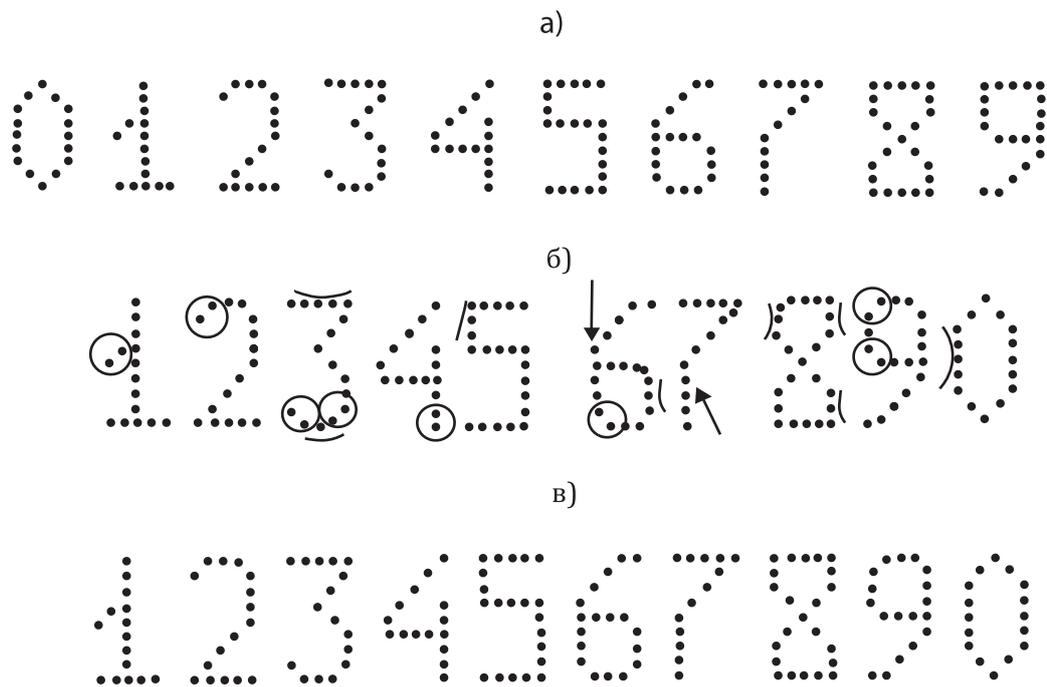
Совершенно очевидно, что наличие образцов, так называемых криминалистических паспортов, со следами маркирования изделий всеми установками-маркираторами, работающими в рамках определенного технологического процесса (с конкретно-определенными установленными параметрами процесса) и имеющимися в распоряжении изготовителя, как это было в описанном случае, позволило бы выйти трасологической механоскопической экспертизе на более качественный уровень.

Автором уже изучалась возможность отождествления конкретной технологической лазерной установки по следам маркировки на корпусе ЗПУ. Фирмой изготовителем для этих целей предоставлялись образцы для сравнительного исследования. Они представляли собой пластины, материал и поверхность которых были аналогичны материалу и внешним поверхностям корпусов ЗПУ, на которых были «собраны» следы всех производственно-технологических установок, возможные для данного предприятия. В следах каждого «паспорта» отображался свой неповторимый (индивидуализирующий) комплекс признаков, присущий только конкретной установке. В частности, «в следах лазерной маркировки “образца” достаточно полно отобразились индивидуализирующие признаки сканирующей системы случайного происхождения, которые можно было разделить на две группы. В первую группу входили особенности работы (сбой) компьютерной управляющей программы, возникающие в процессе ее трансляции (записи) на компьютер конкретной лазерной установки. Они выражались в появлении (отсутствии) дискретных маркерных знаков, не предусмотренных устанавливаемой программой. К признакам второй группы относились в основном механические дефекты работы сканирующей системы, выражающиеся в искривлении, удлинении или укорочении элементов цифро-буквенных обозначений, неоднородности параметров растровой графики при формировании их отдельных участков.

При сравнении методом сопоставления было отмечено совпадение ...индивидуализирующих признаков, отобразившихся в следах лазерной маркировки на “образце” и на одном из исследуемых ЗПУ...» [4, с. 159].

Таким образом, по предоставленным «образцам» — паспортам и отождествлялась каждая конкретная лазерная установка.

В отношении технологических установок и оборудования, маркирующих изделия другими способами, такая же принципиальная возможность существует. Это подтверждается исследованиями иглоударных установок одной из известных отечественных фирм-производителей, наносящих маркировку на такие же изделия массового производства (запорно-пломбировочные устройства). В данной ситуации также «прослеживалось типичное проявление свойств маркирующих установок» [5, с. 194]. На рисунке окружностями отмечены отображения групповых признаков (характерных для всех исследуемых установок) — увеличенный интервал, связанный с особенностями работы программного обеспечения, стрелками и отрезками кривых показаны отображения индивидуальных признаков конкретной маркирующей установки.

Групповые и индивидуализирующие признаки установки, отображающиеся в следах маркирования иглоударным способом

По результатам работы можно сделать следующие выводы:

необходимо разработать криминалистические паспорта предприятий, чьи изделия наиболее часто подвергаются фальсификации, совместно со сведениями об используемой маркирующей установке и включающие геометрические параметры используемых шрифтов, их изображения с разметкой групповых и индивидуализирующих признаков и краткое описание наиболее существенных характеристик маркировки;

описать систему трасологических (диагностических и идентификационных) признаков отдельных видов маркировки, получивших широкое распространение;

разработать методику экспертного исследования различных видов маркировки с целью установления заводского происхождения маркировки и отождествления используемой установки;

подготовить методические рекомендации с целью апробации методики;
проработать вопросы организации и правового регулирования взаимодействия между производителями и экспертными службами органов исполнительной власти.

Логическим результатом этих мероприятий должно стать повышение доказательственного значения судебных трасологических экспертиз.

Библиографический список

1. *Калякин А.В., Кудинова Н.С.* Перспективные направления механоскопических трасологических исследований производственно-технологических следов на изделиях, изготовленных с помощью 3D-принтеров // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы: научный журнал. 2020. № 2(16). С. 34–38.
2. *Кудинова Н.С., Косыгина Т.А.* Значение криминалистических исследований защитной маркировки изделий массового производства в целях обеспечения экономической безопасности // Информационная безопасность регионов. 2017. № 3-4(28-29). С. 72–76.
3. *Майлис Н.П.* Криминалистическая трасология как теория и система методов решения задач в различных видах экспертиз: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 46 с.
4. *Кудинова Н.С.* Судебная механоскопическая экспертиза производственно-технологических следов лазерной размерной обработки и маркировки: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 220 с.
5. *Филимонов А.В., Сухарев А.Г., Кудинова Н.С.* Основы механоскопической экспертизы следов иглоударной маркировки // Известия Саратовского университета. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2022. Вып. 2, т. 22. С. 191–195.

References

1. *Kalyakin A.V., Kudinova N.S.* Promising Directions of Mechanoscopic Tracological Studies of Industrial and Technological Traces on Products Manufactured Using 3D Printers // Problems of Criminal Procedure, Criminalistics and Judicial Expertise: scientific journal. 2020. No. 2(16). P. 34–38.
2. *Kudinova N.S., Kosygina T.A.* The Importance of Forensic Studies of Protective Labeling of Mass-Produced Products in Order to Ensure Economic Security // Information Security of Regions. 2017. No. 3-4(28-29). P. 72–76.
3. *Mailis N.P.* Criminalistic Tracology as a Theory and System of Methods for Solving Problems in Various Types of Examinations: extended abstract diss. ... Doc. of Law. M., 1992. 46 p.
4. *Kudinova N.S.* Forensic Mechanoscopic Examination of Industrial and Technological Traces of Laser Dimensional Processing and Marking: dis. ... Cand. of Law. Saratov, 2006. 220 p.
5. *Filimonov A.V., Sukharev A.G., Kudinova N.S.* Fundamentals of Mechanical Examination of Traces of Acupuncture Marking // Izvestiya (News) Saratov University. Ser. Economy. Management. Law. 2022. Iss. 2, vol. 22. P. 191–195.

Е.А. Сурменова

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ФИНАНСОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО НА РЕАЛИЗАЦИЮ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

Введение: для развития культуры добросовестного поведения на финансовом рынке Банком России был разработан Кодекс добросовестного поведения, определивший семь основных принципов поведения финансовых организаций: честность, справедливость, транспарентность, защиту, профессионализм, ответственность, целостность. **Цель** — провести оценку практических аспектов функционирования института финансового уполномоченного с точки зрения его влияния на реализацию обозначенных принципов добросовестного поведения на финансовом рынке. **Методологическая основа:** формально-логический, сравнительно-правовой, статистический методы исследования. **Результаты:** выявлено, что вся многоплановая деятельность института финансового уполномоченного влияет на реализацию таких принципов добросовестного поведения на финансовом рынке, как честность, справедливость, транспарентность, защита, профессионализм, ответственность, целостность. **Вывод:** институт финансового уполномоченного способен положительно влиять на культуру поведения финансовых организаций как профессиональных участников рынка, оказывая опосредованное влияние на реализацию основных принципов добросовестного поведения на финансовом рынке.

Ключевые слова: финансовый уполномоченный, финансовый рынок, добросовестное поведение, принципы, честность, справедливость, транспарентность, защита, профессионализм, ответственность, целостность.

E.A. Surmeneva

IMPACT OF THE INSTITUTION OF THE FINANCIAL COMMISSIONER ON THE IMPLEMENTATION OF THE BASIC PRINCIPLES OF FAIR BEHAVIOR ON THE FINANCIAL MARKET

Background: in order to develop a culture of good conduct in the financial market, the Bank of Russia developed the Code of Good Conduct, which defined seven basic principles of financial organizations' conduct: honesty, fairness, transparency, protection, professionalism, responsibility, integrity. **Objective** — to assess the practical aspects of functioning of the institution of financial commissioner from the point of view of its impact on the implementation of the above principles of good faith behavior in the financial market. **Methodology:** formal-logical, comparative-legal, statistical research methods. **Results:** it was revealed that the whole multifaceted activity of the institute of the financial commissioner affects the implementation of such principles of fair behavior in the financial market as honesty, fairness, transparency, protection, professionalism, responsibility, integrity. **Conclusions:** the institution of the financial commissioner is able to positively influence

© Сурменова Екатерина Анатольевна, 2024

Соискатель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия), руководитель Филиала № 1 АНО «СОДФУ» в г. Саратове; e-mail: surmenevaea@finombudsman.ru

© Surmeneva Ekaterina Anatolievna, 2024

Applicant at the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy), Head of Branch No. 1 of ANO SODFU in Saratov

the culture of behavior of financial organizations as professional market participants, having an indirect impact on the implementation of the basic principles of fair behavior in the financial market.

Keywords: *financial commissioner, financial market, conscientious behavior, principles, honesty, fairness, transparency, protection, professionalism, responsibility, integrity.*

Институт финансового уполномоченного, функциональное предназначение которого заключается в досудебном урегулировании споров между финансовыми организациями и потребителями финансовых услуг, способен влиять на культуру поведения профессиональных участников рынка, оказывая опосредованное влияние на реализацию основных принципов добросовестного поведения на финансовом рынке, нашедших свое закрепление в Кодексе добросовестного поведения¹.

Единые правовые позиции, подкрепленные серьезной методологической основой и обеспечивающие предсказуемость решений финансовых уполномоченных, служат ориентиром для финансовых организаций в претензионной работе с потребителями и в совокупности с мерами финансового стимулирования способствуют надлежащему исполнению финансовыми организациями своих договорных обязательств перед потребителем. В силу более длительного взаимодействия со страховыми организациями положительное влияние проявляется в их взаимоотношениях с потребителями в рамках договоров ОСАГО. Анализ правоприменительной практики финансового уполномоченного свидетельствует о сокращении числа случаев необоснованных отказов в страховых выплатах, об увеличении случаев удовлетворения требований потребителей, связанных с нарушением сроков выплат, на стадии рассмотрения претензий или в максимально короткие сроки после обращения к финансовому уполномоченному. Так, доля обращений, поступающих финансовому уполномоченному в связи с отказом выплат по ОСАГО, сократилась с 26,7 % в 2019 г.² до 13,9 % в 2022 г.³ Доля обращений в связи с нарушением сроков страховых выплат по ОСАГО снизилась с 25,3 до 19 %. Аналогичные тенденции наблюдаются и по жалобам, поступающим от потребителей в Банк России. В частности, количество обращений по ОСАГО в связи с нарушением сроков выплат по сравнению с 2019 г.⁴ сократилось на 11,1 % и в 2022 г. составило 2,2 %⁵. О положительном влиянии института финансового уполномоченного на взаимоотношения финансовых организаций и потребителей свидетельствует и снижение доли судебных взысканий в общем объеме всех произведенных выплат по ОСАГО. Так, если на конец 2019 г. этот показатель

¹ См.: Основные принципы добросовестного поведения на финансовом рынке (Кодекс добросовестного поведения) // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/67559/basic_principles_financial%20market.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

² См.: Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного в 2019 году // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/assets/files/341/Otchet-odeyatelnosti-v-2019-godu.pdf> (дата обращения: 05.02.2024).

³ См.: Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного в 2022 году // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/about/otchetyi-odeyatelnosti/otchet-za-2022-god.html> (дата обращения: 05.02.2024).

⁴ См.: Отчет Службы по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг о работе с обращениями граждан (январь–декабрь 2019 г.) // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/27316/2019_4.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

⁵ См.: Отчет Службы по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг о работе с обращениями граждан (январь–декабрь 2022 г.) // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43709/2022_4.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

составлял 21 %, то с 2019 по 2022 г. он демонстрировал устойчивую тенденцию к снижению и на конец 2022 г. составил 4,8 %¹. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что институт финансового уполномоченного способен обеспечивать реализацию принципа честности в части создания условий для добросовестного поведения финансовых организаций и соблюдения ими взятых на себя обязательств, а также принципа профессионализма в части соблюдения профессиональными участниками рынка требований и принципов российского законодательства во взаимоотношениях с потребителями.

Служба финансового уполномоченного на постоянной основе осуществляет контроль за исполнением финансовыми организациями обязанностей, установленных Федеральным законом от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»² (далее — Закон № 123-ФЗ). В целях формирования представления об уровне дисциплины финансовых организаций в части соблюдения требований данного Закона на официальном сайте финансового уполномоченного систематически публикуются списки финансовых организаций, ненадлежащим образом исполнявших обязанность по уплате взносов в фонд финансирования деятельности финансового уполномоченного; систематически нарушавших требования Закона № 123-ФЗ; не предоставивших сведения и документы, когда это повлекло прекращение рассмотрения обращений потребителей финансовых услуг. В ежегодных отчетах Службы финансового уполномоченного, также публикуемых на официальном сайте, содержатся сведения о рассмотренных обращениях и вынесенных решениях; об исполнении решений финансового уполномоченного, об обжаловании и результатах обжалования решений финансового уполномоченного с указанием наименований финансовых организаций; неоплаченных либо оплаченных с нарушением срока взносов финансовых организаций. Публикация подобных сведений направлена, в том числе, на выравнивание конкуренции и повышение уровня доверия потребителей как к конкретным организациям, так и к финансовому рынку в целом.

Рассматривая обращения потребителей в отношении финансовых организаций, финансовый уполномоченный не только применяет нормы права, но и оценивает действия профессиональных участников финансового рынка с точки зрения их соответствия принципу добросовестности (честности). Результатом такой оценки выступает формирование базы обобщенных сведений о недобросовестных практиках, применяемых финансовыми организациями. С 3-го квартала 2022 г. по 3-й квартал 2023 г. Службой финансового уполномоченного было выявлено 212 случаев неприемлемых практик: в 3-м квартале 2022 г. — в деятельности пяти кредитных организаций, семи страховых организаций; в 4-м квартале 2022 г. — в деятельности восьми кредитных организаций и страховой организации; в 1-м квартале 2023 г. — в деятельности 13 кредитных организаций и микрофинансовой организации, восьми страховых организаций; во 2-м квартале 2023 г. — в деятельности 14 кредитных организаций, двух микрофинансовых организаций, четырех страховых организаций; в 3-м квартале 2023 г. — в деятельности 21 кредитной организации, двух микрофинансовых организаций, семи

¹ См.: Годовой отчет Российского Союза Автостраховщиков за 2022 год. URL: https://autoins.ru/upload/reports/ARReport_RAMI_2022.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

² См.: СЗ РФ. 2018. № 24, ст. 3390; 2023. № 12, ст. 1883.

страховых организаций¹. Обзоры неприемлемых практик в разрезе конкретных финансовых организаций и видов финансовых услуг ежеквартально публикуются на официальном сайте финансового уполномоченного.

Необходимо отметить, что недобросовестные практики все чаще становятся предметом публичного обсуждения. Внимание средств массовой информации к этой важной для граждан теме создает необходимое репутационное давление на участников рынка, публичное обсуждение способствует корректировке практик и здоровой конкуренции среди самих участников рынка [1, с. 64]. Информирование потребителей и профессионального сообщества о подобных выявляемых Службой практиках оказывает дестимулирующее влияние на недобросовестных участников рынка, заставляя их изменять свои бизнес-процессы.

По оценкам Председателя Банка России, несмотря на то, что масштабы недобросовестных продаж на финансовом рынке остаются высокими, их объем снижается. Это подтверждается, в частности, статистическими данными, свидетельствующими о сокращении числа жалоб потребителей, поступающих в Банк России². Аналогичная тенденция наметилась и по обращениям, поступающим финансовому уполномоченному в связи с навязыванием дополнительных услуг в отношении кредитных организаций: в 2021 г. — 6 967 (49,2 %) ³, в 2022 г. — 5 284 (38,4 %) ⁴.

Служба финансового уполномоченного не наделена контрольно-надзорными полномочиями, позволяющими в случае выявления нарушений законодательства и недобросовестного поведения в деятельности финансовых организаций применять соответствующие меры административно-правового принуждения, в связи с чем важное значение для защиты прав потребителей приобретает взаимодействие с контрольно-надзорными органами. В этом аспекте особо следует отметить взаимодействие Службы финансового уполномоченного с Банком России — основным субъектом поведенческого надзора на финансовом рынке. В рамках заключенного соглашения об информационном взаимодействии на ежеквартальной основе Служба предоставляет в Банк России обобщенные сведения об используемых финансовыми организациями неприемлемых практиках, выявленных в ходе рассмотрения обращений, о нарушениях финансовыми организациями требований Закона № 123-ФЗ. Так, за 2022 г. Службой финансового уполномоченного в Банк России были направлены сведения о более 20 видах недобросовестных практик, 217 случаях нарушений срока предоставления

¹ См.: Список неприемлемых практик, выявленных в деятельности финансовых организаций, взаимодействующих с финансовым уполномоченным, 3 квартал 2022 г. — 3 квартал 2023 года // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/organizations/informacziya-o-neispolnenii-finansovyimi-organizacziyami-obyazannostej-po-vzaimodejstviyu-s-finansovyim-upolnomochennyim.html> (дата обращения: 05.02.2024).

² Согласно отчетам Службы Банка России по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг о работе с обращениями граждан за 2019–2022 гг. доля жалоб в отношении субъектов страхового дела, поступивших в Банк России по поводу мисселинга, снизилась с 37,4 % в 2020 г. до 31,2 % в 2021 г., и в 2022 г. составила 25,6 %. Доля жалоб на мисселинг в отношении кредитных организаций с 2021 по 2022 г. сократилась с 53,4 до 51,3 %. Доля жалоб, связанных с навязыванием дополнительных услуг при заключении договора, в отношении кредитных организаций с 2019 по 2022 г. сократилась на 6,5 %.

³ См.: Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного в 2021 году // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/assets/files/1072/Otchet-o-deyatelnosti-v-2021-godu.pdf> (дата обращения: 05.02.2024).

⁴ См.: Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного в 2022 году // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/about/otchetyi-o-deyatelnosti/otchet-za-2022-god.html> (дата обращения: 05.02.2024).

документов и сведений по запросу финансового уполномоченного, 521 случае непредоставления документов и сведений по запросу финансового уполномоченного¹. Аккумулируя информацию поведенческого характера и доводя ее до соответствующих контрольно-надзорных структур, институт финансового уполномоченного создает своеобразный информационный повод для проведения уполномоченными субъектами проверок деятельности финансовых организаций и применения соответствующих мер в целях предотвращения и пресечения нарушений прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, что способствует реализации принципа ответственности.

Обозначенные ранее аспекты деятельности института финансового уполномоченного свидетельствуют о его способности обеспечивать прозрачность деятельности финансовых организаций, полное и своевременное раскрытие и предоставление достоверной информации другим финансовым организациям, потребителям и Банку России, информированность потребителей о рисках, связанных с деятельностью финансовой организации, что, в свою очередь, обеспечивает реализацию принципа транспарентности на финансовом рынке.

Служба финансового уполномоченного уделяет особое внимание организации претензионной работы в части соблюдения финансовыми организациями приема обращений (заявлений, претензий) потребителей и направления ответов на них как одной из составляющих принципа защиты. В частности, Службой систематически анализируется соблюдение финансовыми организациями обязанности направления потребителям ответов на заявления (претензии), сроков ее исполнения, публикуются соответствующие сведения на официальном сайте финансового уполномоченного, сведения о допущенных нарушениях передаются в Банк России. Так, в 4-м квартале 2022 г. в деятельности девяти финансовых организаций выявлено 64 нарушения, выразившиеся в непредоставлении ответов на заявления потребителей в соответствии с требованиями ст. 16 Закона № 123-ФЗ и (или) нарушении сроков направления ответов на такие заявления. Всего за 2022 г. в Банк России были направлены сведения о 170 случаях таких нарушений. За девять месяцев 2023 г. Службой выявлено 361 нарушение: в 1-м квартале — 139 нарушений в деятельности 14 финансовых организаций, во 2-м квартале 2023 г. — 124 нарушения в деятельности 14 финансовых организаций, в 3-м квартале 2023 г. — 98 нарушений в деятельности 19 финансовых организаций². Обеспечение институтом финансового уполномоченного публичности подобной информации и передача сведений в Банк России способствует корректировке поведенческих установок финансовых организаций относительно исполнения обязанности по своевременному направлению ответов потребителям на их претензии. Об этом свидетельствует, в частности, снижение количества выявляемых Службой нарушений в деятельности некоторых крупных игроков страхового рынка³.

¹ См.: Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного в 2022 году // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/about/otchetyi-odeyatelnosti/otchet-za-2022-god.html> (дата обращения: 05.02.2024).

² См.: Список финансовых организаций, систематически нарушавших требования Закона № 123-ФЗ (2022 г. — 3 квартал 2023 г.) // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/organizations/informacziya-o-neispolnenii-finansovyimi-organizacziyami-obyazannostej-po-vzaimodejstviyu-s-finansovyim-upolnomochennyim.html> (дата обращения: 05.02.2024).

³ Так, если в 4-м квартале 2022 г. в деятельности ПАО «Группа Ренессанс Страхование» было выявлено 42 нарушения, выразившегося в непредоставлении ответов на заявления потребителей, то в 3-м квартале 2023 г. число таких нарушений сократилось почти вдвое и составило 24.

Исполняя установленную законодательством обязанность до обращения к финансовому уполномоченному обратиться с претензией к финансовой организации, потребитель нередко сталкивается с ее недобросовестным поведением. Например, некоторые страховщики на своих официальных сайтах размещают информацию о возможности направить претензию о несогласии с урегулированием убытка по договору ОСАГО посредством чат-ботов. Однако при обращении потребителя к финансовому уполномоченному ссылаются на несоблюдение им претензионного порядка в связи с тем, что такой способ подачи претензии законодательством не предусмотрен. Фактически в описанном случае страховщик, который, безусловно, обладает правом расширить перечень способов направления документов потребителем, устанавливает дополнительный канал для подачи претензии, а потом по формальным основаниям ссылается на неправомерность действий клиента, воспользовавшегося таким каналом [2, с. 30]. Подобные практики финансовый уполномоченный, как правило, расценивает в качестве недобросовестных, констатирует факт соблюдения установленного претензионного порядка и, как следствие, отсутствие оснований для прекращения рассмотрения обращения потребителя в связи с тем, что потребитель предварительно не обратился в финансовую организацию в порядке, установленном Законом № 123-ФЗ.

Важным аспектом реализации принципов защиты и ответственности на финансовом рынке является обеспечение финансовыми организациями повышения уровня финансовой грамотности потребителей, в том числе уровня информированности об организациях, осуществляющих защиту их прав. Служба финансового уполномоченного контролирует исполнение финансовыми организациями обязанностей по размещению информации о финансовом уполномоченном. Сведения об их неисполнении публикуются на официальном сайте финансового уполномоченного с указанием такой организации, что стимулирует финансовые организации устранять допущенные нарушения, повышая уровень информированности потребителей о возможностях защиты их прав посредством обращения к финансовому уполномоченному¹. По инициативе Службы финансового уполномоченного, информация о досудебном порядке урегулирования споров финансовым уполномоченным была предусмотрена в утверждаемых нормативными актами Банка России формах документов для потребителей финансовых услуг², благодаря чему информация об институте финансового уполномоченного была включена примерно в 177 млн юридически значимых документов для потребителей финансовых услуг³. Примечательно, что в период функционирования института финансового уполномоченного уровень информированности об организациях, занимающихся защитой прав граждан на финансовом рынке, увеличился с 38 до 51 %⁴.

¹ См.: Перечень кредитных организаций, у которых обнаружены признаки нарушений в части реализации обязанностей согласно п. 5 ч. 3 ст. 28 Закона № 123-ФЗ по состоянию на 27.06.2023 // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/organizations/informacziya-o-neispolnenii-finansovyimi-organizacziyami-obyazannostej-po-vzaimodejstviyu-s-finansovyim-upolnomochennyim.html> (дата обращения: 05.02.2024).

² Среди таких нормативных актов указания Банка России: от 15 июля 2021 г. № 5859-У; от 10 января 2022 г. № 6057-У; от 17 мая 2022 г. № 6139-У.

³ См.: Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного в 2022 году // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: <https://finombudsman.ru/about/otchet-yi-odeyatelnosti/otchet-za-2022-god.html> (дата обращения: 05.02.2024).

⁴ См.: Исследование уровня финансовой грамотности: четвертый этап // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/fin_ed_4/ (дата обращения: 05.02.2024).

Для повышения профессионализма финансовых организаций Служба финансового уполномоченного использует специальные механизмы взаимодействия — Совет Службы, Экспертный Совет, рабочие группы и встречи, адресные консультации. На указанных площадках обсуждаются актуальные вопросы взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным, практики рассмотрения финансовым уполномоченным обращений, а также вопросы, связанные с использованием недобросовестных практик во взаимоотношениях с потребителями. В целях развития системы взаимодействия с финансовыми организациями Службой внедрен механизм информационных рассылок, предназначенный для направления в адрес финансовых организаций сведений вне рамок рассмотрения конкретного обращения. Например, ежеквартально осуществляются рассылки об исполнении финансовыми организациями запросов финансового уполномоченного. Подобные информационные рассылки позволяют профессиональным участникам рынка своевременно совершенствовать бизнес-процессы, связанные в том числе с учетом поступающих финансовому уполномоченному в отношении них обращений и контролем за исполнением принимаемых по таким обращениям решений, а также обеспечивают формирование дружественной среды взаимодействия финансовых организаций со Службой.

Вся многоплановая деятельность института финансового уполномоченного имеет своей направленностью обеспечение состояния защищенности потребителей финансовых услуг как наиболее слабых участников финансового рынка. В условиях проявляющихся на рынке финансовых услуг информационной, договорной и процессуальной диспропорций он обеспечивает равное отношение к правам и законным интересам потребителей финансовых услуг, тем самым способствуя реализации принципа справедливости.

Таким образом, институт финансового уполномоченного является уникальным для российской правовой системы механизмом, способным не только разрешать конкретные юридические споры, но и способствовать реализации основных принципов добросовестного поведения на финансовом рынке — честности, справедливости, транспарентности, защиты, профессионализма, ответственности. В итоге данный институт способствует повышению эффективности финансового рынка, росту доверия потребителей к финансовым продуктам, развитию культуры добросовестного поведения, составляющих основу принципа целостности.

Библиографический список

1. *Климов В.В.* Значительная часть споров касается недобросовестного поведения // Национальный банковский журнал. 2023. № 3(218). С. 62–64.
2. *Крайнова О.И.* Профилактика эффективнее спора // Современные страховые технологии. 2023. № 1(96). С. 28–32.

References

1. *Klimov V.V.* A significant part of the disputes concerns unfair behavior // National Banking Journal. 2023. No. 3(218). P. 62–64.
2. *Krainova O.I.* Prevention is more effective than dispute // Modern insurance technologies. 2023. No. 1(96). P. 28–32.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.24412/2227-7315-2024-3-235-241
УДК 659

С.Э. Либанова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНЦИПОВ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА:
РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Е.В. ТИТОВОЙ, Т.П. ПОДШИВАЛОВА
«ПРИНЦИПЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА»
(М.: ПРОСПЕКТ, 2023. 288 С.)

S.E. Libanova

ACTUAL PROBLEMS OF THE PRINCIPLES OF PUBLIC LAW:
REVIEW OF THE COLLECTION MONOGRAPH EDITED BY E.V. TITOVA,
T.P. PODSHIVALOV "PRINCIPLES OF PUBLIC LAW" (M.: PROSPECT, 2023. 288 P.)

Монография «Принципы публичного права» подготовлена авторским коллективом под руководством Е.В. Титовой и Т.П. Подшивалова [1]. В авторский коллектив вошли сотрудники Юридического института Южно-Уральского государственного университета, а также ученые, активно сотрудничающие с ЮУрГУ в реализации исследовательских проектов. Среди авторов необходимо отметить таких известных ученых, как д.ю.н. В.В. Кванина, д.ю.н. И.А. Кравец, д.ю.н. А.В. Минбалеев, д.ю.н. Д.В. Осинцев и других исследователей.

Для характеристики рецензируемой монографии важно отметить, что ее издание стало частью крупного междисциплинарного исследовательского проекта Юридического института ЮУрГУ в рамках темы принципов права и их реализации. Кроме обозначенной книги, по теме исследования издано еще две монографии — «Принципы гражданского права и их реализация» [2], «Принципы частного права» [3]. Такой проектный подход к проведению научного исследования демонстрирует комплексность и основательную фундаментальность при написании монографии.

Книга базируется на значительном объеме научного и практического материала, написана на хорошем профессиональном уровне, отражает базовые характеристики принципов публичного права в целом, его отраслей и прин-

---

© Либанова Светлана Эдуардовна, 2024
Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права (Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева); e-mail: libany@rambler.ru
© Libanova Svetlana Eduardovna, 2024
Doctor of Law, Professor at the Department of Constitutional Law (Yakovlev Ural State University)

ципов комплексных отраслей права в частности. На страницах рецензируемой монографии прослеживается ценная научная идея — конвергенция публичного и частного права, взаимодействие их принципов. Развитие этой идеи логично привело к необходимости исследования тенденции цифровизации права как междисциплинарного явления [4].

В монографии в целом выдержана единая и стройная концепция принципов публичного права и их реализации. Хотя при этом авторы иногда придерживаются различных подходов по частным вопросам.

Структура монографии представляется логичной и последовательной. Материал в книге объективно распределен по трем большим разделам — «Конституционализация принципов права как основа функционирования принципов публичного права», «Общетеоретическое осмысление принципов публичного права» и «Принципы отраслей публичного права». Каждый из разделов включает главы, сформированные из параграфов, тематически близких по направлению научных исследований.

Первый раздел «Конституционализация принципов права как основа функционирования принципов публичного права» объединяет четыре главы, в рамках которых последовательно рассматриваются прежде всего концептуальные и дискуссионные вопросы соотношения конституционных принципов и конституционализации через призму таких аспектов, как понятие и правовая природа конституционных принципов, верховенство права и верность конституции, а также особенности судебной конституционализации и верности конституции. Авторы исходят из тезиса, что политико-правовой режим реального конституционализма должен основываться на социальной справедливости и ожидании от власти использования ее ресурсов в интересах общества [5]. Именно социально ориентированный конституционализм способен стать источником возрождения доверия во взаимоотношениях между личностью, обществом, властью.

Вторая глава посвящена вопросам систематизации и реализации конституционных принципов: рассматривается система конституционных принципов, проблематика конкуренции конституционных принципов и особенности реализации конституционного принципа соразмерности (пропорциональности). Авторы констатируют, что в правоприменительной судебной практике, особенно при осуществлении нормоконтроля, потенциал принципа соразмерности может использоваться более широко.

Значительный интерес представляет глава третья, посвященная феномену правомерного поведения, рассматривающая особенности реализации конституционных принципов в правомерном поведении субъектов права. В главе затронуты такие аспекты, как соотношение конституционных принципов и правомерного поведения, конституционные принципы как нормативно-ценностные критерии правомерного поведения, а также принципы, определяющие взаимодействие государства и личности.

Важно указать, что проблемные аспекты правомерного поведения с позиции конституционного права достаточно подробно и обстоятельно исследуются редактором монографии Е.В. Титовой [6] на протяжении длительного времени.

Четвертая глава посвящена особенностям проявления конституционных принципов в процессуальных отраслях права — проблемам применимости конституционных принципов при привлечении к административной ответствен-

ности, принципам административного процесса, конституционным принципам правосудия и деятельности третейских судов.

Второй раздел «Общетеоретическое осмысление принципов публичного права» представлен двумя главами. В первой из них рассматриваются такие вопросы, как понятие и сущность публичного права; понимание принципов публичного права и их систематизация. В следующей главе описываются универсальные принципы права, которые имеют влияние и в публичном праве, и в частных отраслях права — добросовестность, справедливость, разумность и гуманизм.

Третий раздел «Принципы отраслей публичного права» представлен шестью главами. Глава седьмая посвящена принципам отдельных отраслей публичного права и включает четыре параграфа. В рамках первого параграфа последовательно рассматриваются принципы административного права, выступающие как ряд последовательных идеологем для формирования правовой основы и последующей практической реализации норм административного права. Второй параграф посвящен основным принципам местного самоуправления, которые разделены в зависимости от содержания на две основные группы: на принципы организации местного самоуправления как положения, закрепляющие организационные моменты современной системы местного самоуправления, и принципы осуществления местного самоуправления как положения, закрепляющие основы непосредственного и опосредованного осуществления населением местного самоуправления. В третьем параграфе исследована система принципов правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, которая может рассматриваться в качестве отраслевых принципов информационного права.

В рамках четвертого параграфа рассмотрены принципы, формирующие отрасль миграционного права. На первое место авторы ставят принципы миграционного права, касающиеся прав человека как основного субъекта миграционного права (недопустимость дискриминации мигрантов), затем принципы свободы и личной неприкосновенности мигрантов; государственной защиты мигрантов от насилия и эксплуатации, предоставления мигрантам прав и свобод, которыми пользуются граждане России, гарантии судебной защиты мигрантов; свободы передвижения и свободы выбора места жительства; запрета высылки или депортации. И лишь затем указывают на принципы, касающиеся интересов государства.

Восьмая глава третьего раздела включает три параграфа. В первом параграфе данной главы рассмотрены принципы финансового права. При этом справедливо отмечается, что «принципы финансового права» и «принципы финансовой деятельности государства» нередко дополняют и заменяют друг друга.

Во втором параграфе восьмой главы рассматриваются принципы налогового права. В параграфе представлена история становления и развития данных принципов; осуществлено разграничение принципов налогового права на общие, специальные (отраслевые), принципы институтов налогового права. К принципам налогового права отнесены в том числе следующие принципы: законность налогообложения, гласность, справедливость налогообложения, соблюдение баланса частных и публичных интересов, стабильность налоговых отношений, единство налоговой политики на территории РФ, единство системы налогов и сборов, всеобщность налогообложения, экономическое основание налогов (сборов), налоговое планирование.

В третьем параграфе рассматриваемой главы, посвященном принципам валютного права, подчеркнуто, что данные принципы нашли свое полное отражение в Федеральном законе «О валютном регулировании и валютном контроле»: предпочтение экономических мер перед административными, запрет на произвольное участие государства в лице органов и агентов валютного контроля в валютных операциях резидентов и нерезидентов, единство внешней и внутренней валютной политики, единство системы валютного регулирования и валютного контроля, обеспечение государством защиты прав и экономических интересов резидентов и нерезидентов при осуществлении валютных операций.

Девятая глава «Принципы регулирования международных отношений» включает три параграфа. Первый посвящен рассмотрению проблематики принципов международного публичного права, являющихся своеобразной «квазиконституцией» международной правовой системы. Во втором параграфе принципы права рассматриваются как основа оговорки о публичном порядке. Третий параграф посвящен исследованию особенностей принципа суверенного равенства в сфере природных ресурсов.

Десятая глава третьего раздела содержит принципы регулирования природоохранных отношений. Первый параграф данной главы посвящен принципам земельного права. В монографии отмечается, что в научной литературе отсутствует единство взглядов на классификацию принципов земельного права. В рамках каждой классификации представлены положения законодательства, через которые раскрываются эти принципы.

Второй параграф десятой главы посвящен классификации принципов экологического права, вопрос о которой в доктрине является неоднозначным. В работе предложен комплексный критерий, на основе которого представлена система данных принципов: конституционные принципы, международно-правовые принципы, межотраслевые принципы, специальные принципы, регулирующие отдельные виды экологических правоотношений (водные, лесные, земельные и др.).

Третий параграф десятой главы раскрывает конституционный принцип — принцип соблюдения права человека на благоприятную окружающую среду. Данный принцип находит свое отражение как в Конституции РФ (ст. 42), так и в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» (ст. 11). Его содержание заключается в необходимости определения на государственном уровне системы мер, позволяющих поддерживать природную среду в благоприятном состоянии.

Одиннадцатая глава третьего раздела посвящена публичным основам принципов правового регулирования в сфере экономической деятельности. Первый параграф представлен системой принципов публичных закупок, которая закреплена в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ст. 6). Данная система охватывает следующие принципы публичных закупок: открытость и прозрачность, обеспечение конкуренции, профессионализм заказчика, стимулирование инноваций, единство контрактной системы в сфере закупок, ответственность за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок. Обращено внимание на нечеткость формулировок указанных принципов, что нередко приводит к их игнорированию на практике.

Во втором параграфе этой же главы раскрываются принципы антимонопольного регулирования. Отмечается отсутствие единообразного подхода к формули-

рованию и обоснованию данных принципов. В то же время подчеркивается, что антимонопольное регулирование в первую очередь основывается на целом ряде конституционных принципов, закрепленных в ст. 8, 15, 19, 34 Конституции РФ: запрете на осуществление экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию; законности; равенстве субъектов товарного рынка перед требованиями антимонопольного законодательства. Помимо базовых конституционных принципов отдельным направлениям антимонопольного регулирования присущи и специальные принципы, например состязательности, предотвращения нарушений антимонопольного законодательства, недопустимости необоснованного вмешательства государственных органов в условиях конкуренции на рынке, открытости антимонопольной политики и деятельности государственных органов, направленности на предупреждение нарушений антимонопольного законодательства, эффективности антимонопольного регулирования.

Третий параграф одиннадцатой главы посвящен принципам поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Данные принципы закреплены в ст. 14 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»: заявительный порядок обращения субъектов предпринимательства за оказанием поддержки, доступность инфраструктуры поддержки субъектов предпринимательства для всех субъектов, равный доступ субъектов малого и среднего предпринимательства к участию в государственных программах и муниципальных программах, оказание поддержки с соблюдением требований, установленных Федеральным законом «О защите конкуренции», открытость процедур оказания государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Отмечается, что в судебной практике данные принципы недостаточно востребованы, что объясняется в том числе недостаточной проработанностью данного вопроса на теоретическом уровне.

В четвертом параграфе этой же главы освещаются принципы технического регулирования. Институт технического регулирования является межотраслевым, в связи с чем для него характерны как общеправовые принципы, так и принципы, присущие отдельным отраслям права. Кроме того, специальные принципы данного института закреплены в ст. 3 и 19 Федерального закона «О техническом регулировании»: единство правил установления требований к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования; соответствие технического регулирования уровню развития национальной экономики; независимость органов по аккредитации, органов по сертификации от изготовителей, продавцов, исполнителей и приобретателей, в том числе потребителей; недопустимость совмещения одним органом полномочий по государственному контролю (надзору) за исключением осуществления контроля за деятельностью аккредитованных лиц, с полномочиями по аккредитации или сертификации; доступность информации о порядке осуществления подтверждения соответствия заинтересованным лицам и др. Заслуживает внимания вывод о том, что содержание и значение принципов института технического регулирования развивают только идеи свободы и поддержки предпринимательства, но совершенно не затрагивают интересы потребителей. Для достижения баланса интересов предлагается закрепить в Федеральном законе «О техническом регулировании» следующие принципы: приоритет обеспечения безопасности жизни и здоровья

потребителей при производстве и реализации товаров, работ, услуг; приоритет благоприятной окружающей среды при производстве и реализации товаров, работ, услуг; недопустимость совершения хозяйствующим субъектом действий, вводящих в заблуждение потребителей при приобретении товаров, работ, услуг.

Четвертый параграф одиннадцатой главы посвящен принципам создания территорий с особым режимом экономической деятельности. На основе системного анализа законодательства, а также материалов юридической практики предложены следующие принципы создания территорий с особым режимом экономической деятельности: единство экономического пространства, обеспечение добросовестной конкуренции, установление особого режима экономической деятельности, взаимодействие уполномоченных органов государственной власти и местного самоуправления по вопросам создания таких территорий, финансирование создаваемых территорий с применением механизмов государственно-частного партнерства.

Двенадцатая глава монографии посвящена принципам публичного права в регулировании отдельных видов правоотношений. В первом параграфе рассматриваются административные принципы и модернизация органов публичного управления миграционными процессами. Отмечено, что в России реализуются меры по модернизации органов публичного управления, цель которой состоит в создании оптимальной системы органов исполнительной власти, соответствующей требованиям и условиям развития современного государства. Более того, аргументированно подчеркивается необходимость создания законодательного основания построения системы миграционных органов путем принятия федерального миграционного кодекса, так как на законодательном уровне отсутствует как организационно-правовая форма центрального федерального органа исполнительной власти, призванного обеспечивать поддержание публичного порядка в сфере миграции, так и единое его общее наименование. Представляет научный и практический интерес вывод авторов о необходимости приведения действующего миграционного законодательства к логически выверенному документу прямого действия, устанавливающему систему органов РФ, принципы и задачи их деятельности.

Во втором параграфе двенадцатой главы исследуются принципы технико-правового регулирования. Они подразделяются на технико-обусловленные и социально-обусловленные принципы.

Третий параграф данной главы посвящен публично-правовым началам арбитражного процесса. Авторы исходят из тезиса, что любой судебный процесс (уголовный, арбитражный, административный, гражданский) является публичным, а не частноправовым. Разрешая конкретный гражданский или административный спор, суд прежде всего восстанавливает нарушенное право не только конкретного субъекта, но и общества в целом, поскольку нарушение прав субъекта может повлиять на социально-экономические отношения группы субъектов либо общества. Закрепление большинства принципов арбитражного процесса в Конституции РФ свидетельствует об их значимости, направленности на обеспечение конституционности правопорядка, его соответствия целям Основного Закона Российского государства. В следующем параграфе исследуются закономерности формирования идеи гражданского общества на основе конституционных принципов, отмечается роль конституционных начал в процессе ста-

новления идеи гражданского общества, использования конституционных основ для изучения законодательных ресурсов обеспечения современного процесса формирования гражданского общества.

Материал данного раздела монографии свидетельствует о том, что выбранная тема для преподавателей юридического института ЮУрГУ является не проходящей, а находится в центре их постоянного внимания, свидетельством чему выступают их многочисленные работы [7; 8].

В заключение отметим, что в книге обстоятельно и высокопрофессионально освещены крупные догматические вопросы и научные проблемы, существующие в рамках заявленной тематики, поэтому монография заслуживает высокой оценки.

Библиографический список

1. Принципы публичного права: монография / под ред. Е.В. Титовой, Т.П. Подшивалова. М.: Проспект, 2023. 288 с.
2. Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Г.С. Демидовой. М.: Проспект, 2017. 352 с.
3. Принципы частного права: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, В.В. Кваниной, М.С. Сагандыкова. М.: Проспект, 2018. 400 с.
4. Право цифровой среды / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М.: Проспект, 2022. 896 с.
5. *Конева Н.С.* Трансформация модели взаимодействия гражданского общества и власти в условиях цифрового государства // Проблемы права. 2019. № 5. С. 36–40.
6. *Титова Е.В.* Конституционно-правомерное поведение как объект научного исследования // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 9–16.
7. *Кванина В.В., Громова Е.А., Спиридонова А.В.* К вопросу о системе принципов предпринимательского права // Бизнес, менеджмент и право. 2018. № 4. С. 18–21.
8. *Спиридонова А.В.* Принцип взаимодействия антимонопольных органов и бизнес-сообщества в обеспечении добросовестной конкуренции в Российской Федерации // Конкурентное право. 2019. № 4. С. 12–15.

References

1. Principles of Public Law: monograph / ed. by E.V. Titova, T.P. Podshivalova. M.: Prospekt, 2023. 288 p.
2. Principles of Civil Law and Their Implementation: monograph / ed. by T.P. Podshivalova, G.S. Demidova. M.: Prospect, 2017. 352 p.
3. Principles of Private Law: monograph / ed. by T.P. Podshivalova, V.V. Kvanina, M.S. Sagandykova. M.: Prospect, 2018. 400 p.
4. The Law of the Digital Environment / ed. by T.P. Podshivalova, E.V. Titova, E.A. Gromova. M.: Prospekt, 2022. 896 p.
5. *Koneva N.S.* Transformation of the Model of Interaction Between Civil Society and Government in a Digital State // Problems of Law. 2019. No. 5. P. 36–40.
6. *Titova E.V.* Constitutional and Lawful Behavior as an Object of Scientific Research // Constitutional and Municipal Law. 2018. No. 1. P. 9–16.
7. *Kvanina V.V., Gromova E.A., Spiridonova A.V.* On the Question of the System of Principles of Entrepreneurial Law // Business, management and law. 2018. No. 4. P. 18–21.
8. *Spiridonova A.V.* The Principle of Interaction Between Antimonopoly Authorities and the Business Community in Ensuring Fair Competition in the Russian Federation // Competition Law. 2019. No. 4. P. 12–15.

А.Н. Иванов

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Е.С. ЛАПИНА
«СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ
ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА» (М.: ИНФРА-М, 2024. 223 С.)**

A.N. Ivanov

**REVIEW OF E. S. LAPIN'S MONOGRAPH "INVESTIGATIVE ACTIONS IN RUSSIA
IN THE FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY" (M.: INFRA-M, 2024. 223 P.)**

Появление новых форм преступной деятельности, активное противодействие расследованию, оказываемое заинтересованными лицами, широкое использование при подготовке и совершении преступлений компьютерных технологий и компьютерных средств коммуникации обуславливают необходимость повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, совершенствования тактических и методических основ расследования. Успешное расследование преступлений невозможно без эффективного производства следственных действий. Именно в процессе их осуществления формируется основная доказательственная база по уголовному делу. Результаты производства следственных действий непосредственно влияют на решение основных задач уголовного судопроизводства. В этом плане монография Е.С. Лапина [1], в которой не только представлены научные взгляды на историю процессуальной регламентации следственных действий, на формирование арсенала тактических приемов их производства в первой четверти XXI века, но и содержится авторское видение тенденций развития средств доказывания в досудебных стадиях отечественного уголовного судопроизводства, представляет несомненный интерес.

Использование конкретно-исторического метода позволило автору детально проследить процесс становления и развития каждого следственного действия, многие из которых нашли процессуальное закрепление на разных временных этапах развития нашего государства и общества. Монография отличается использованием максимально широкого круга трудов по рассматриваемой теме, многочисленных статистических данных, научной новизной взглядов на последующее развитие отдельных следственных действий.

Важно отметить, что теоретические положения и выводы, содержащиеся в работе, основаны на обстоятельном анализе современной следственной практики, сложившейся при производстве следственных действий. Работа представляет не только научный интерес, но и носит ярко выраженный практико-прикладной

© Иванов Александр Николаевич, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: aivanov@ssla.ru

© Ivanov Aleksandr Nikolaevich, 2024

Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Criminology (Saratov State Law Academy)

характер, что позволяет рекомендовать ее для прочтения не только представителям научного сообщества, но и сотрудникам правоохранительных органов.

В монографии с использованием широкого спектра статистических примеров из судебной-следственной практики комплексно рассмотрены уголовно-процессуальные и криминалистические основы производства следственных действий.

Вместе с тем, как и любой другой научный труд, монография Е. С. Лапина содержит и отдельные положения, носящие дискуссионный характер и заслуживающие обсуждения.

Исходя из контекста работы, можно прийти к выводу о том, что автор разделяет точку зрения ряда юристов [2, с. 31; 3, с. 66], полагающих, что, принимая решение о достаточности данных о производстве обыска, следует исходить из процессуального положения лица, у которого планируется его проведение. Например, вполне достаточно факта привлечения лица в качестве обвиняемого или признания подозреваемым (с. 70).

Мы не считаем возможным согласиться с данным суждением. Закон (ч. 1 ст. 182 УПК РФ) не дифференцирует фактические основания производства данного следственного действия в зависимости от процессуального положения обыскиваемого лица. Напротив, основания производства обыска едины для всех, в том числе и для лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми по уголовному делу. Очевидно, что достаточность данных для производства обыска, как и любое иное оценочное понятие, наполняется конкретным содержанием в зависимости от фактических обстоятельств соответствующего уголовного дела. Неслучайно законодатель использует словосочетание «лицо, в помещении которого производится обыск» (ч. 11 ст. 182 УПК РФ).

Следователь (дознатель), возбуждая перед судом ходатайство о производстве обыска в жилище, существенно ограничивающем права граждан, гарантированные ст. 25 Конституции РФ, должен конкретизировать материалы или данные (обосновать фактами), на основании которых им сделан вывод, что в жилище могут находиться имеющие значение для дела объекты. Соответственно, привлечение лица в качестве обвиняемого либо признание в качестве подозреваемого само по себе (без наличия иных оснований предполагать возможность нахождения в жилище или ином помещении обвиняемого (подозреваемого) объектов, имеющих значение для дела) не является достаточным основанием для принятия решения об обыске. Игнорирование данного правила нередко влечет признание протокола обыска и изъятых при производстве данного следственного действия предметов недопустимыми доказательствами.

Рассматривая правовые и криминалистические основы наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки, Е. С. Лапин отмечает, что это составное (составленное из трех процессуальных действий) следственное действие (с. 89). Здесь можно упрекнуть автора в непоследовательности, поскольку чуть позже, анализируя определение очной ставки, он справедливо пишет, «не может одно отдельное (самостоятельное или нет) следственное действие состоять из другого следственного действия и даже двух...» (с. 160). Действительно, в данном следственном действии комплексно (как и в проверке показаний на месте) сочетаются элементы других следственных действий, таких как осмотр (документов, предметов) и выемка. Осмотр в той или иной степени является неотъемлемой частью многих следственных действий (освидетель-

ствования, обыска, выемки, и др.). Однако данное обстоятельство не делает их «составными». Соответственно, логично предположить, что и наложение ареста на почтово-телеграфные отправления не включает три взаимосвязанных последовательно проводимых процессуальных действия. Представляется, что это единое следственное действие, осуществляемое на основании единого судебного решения, для достижения единой цели, в одном промежутке времени, его результаты фиксируются в одном протоколе.

Отмечая несовершенство правовой регламентации предъявления для опознания, Е.С. Лапин приходит к ошибочному выводу, что поскольку ч. 2 ст. 193 УПК РФ допускает исключительно визуальное восприятие опознаваемых объектов, постольку в настоящее время «опознание по голосу может производиться в рамках следственного эксперимента» (с. 183). Практика является критерием, мерилем проверки истинности рекомендаций, содержащихся в научных трудах. Анализ судебных решений, вынесенных за последние годы по уголовным делам, свидетельствует, что опознание осуществляется не только посредством зрительных ощущений, но и по голосу при наличии оснований. Результаты опознания по голосу признаются судами допустимыми доказательствами¹. Те же аргументы можно привести и в отношении позиции автора, согласно которой «невозможно ныне предъявление трупа по фотоснимкам» (с. 184). Это утверждение также не соответствует сложившейся практике² и искусственно ограничивает работников органов следствия в средствах собирания фактических данных по уголовным делам.

Вместе с тем сделанные замечания не влияют на общее положительное впечатление от содержания работы.

Обобщая сказанное, отметим, что монография Е.С. Лапина «Следственные действия в России первой четверти XXI века» является оригинальным исследованием, носящим комплексный характер и может быть полезна не только специалистам в области криминалистики, но и представителям науки уголовного процесса, а также студентам и аспирантам юридических вузов, работникам правоохранительных органов.

Библиографический список

1. *Лапин Е.С.* Следственные действия в России первой четверти XXI века. М.: Инфра-М, 2024. 223 с.

¹ См., например: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 51-АПУ18-4. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29052018-n-51-apu18-4/?ysclid=Isojd3buuw734991050>; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № 66-АПУ19-8. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13062019-n-66-apu19-8/?ysclid=Isojfgqu-rt44357503>; Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 18 октября 2019 г. № 203-АПУ19-12. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18102019-n-203-apu19-12/?ysclid=Isoji39qan519165289> (дата обращения: 24.04.2024).

² См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 октября 2016 г. № 20-АПУ16-20. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18102016-n-20-apu16-20/?ysclid=Isoiy5jxyw324571070>; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 сентября 2018 г. № 44-АПУ18-15. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-26092018-n-44-apu18-15/?ysclid=Isoj7teg54246419177> (дата обращения: 24.04.2024).

2. *Филиппов А.Г.* Заметки на полях (о статье А.Н. Иванова и Е.С. Лапина) // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М.: Спарк, 2004. Вып. 4(12). С. 30–32.

3. *Воробьева И.Б.* Особенности тактики обыска при расследовании преступлений, совершенных членами нетрадиционных религиозных объединений // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М.: Спарк, 2007. Вып. 4(24). С. 66–74.

References

1. *Lapin E.S.* Investigative Actions in Russia in the First Quarter of the XXI Century. М.: Infra-M, 2024. 223 p.

2. *Filippov A.G.* Marginal Notes (on the article by A.N. Ivanov and E.S. Lapin) // Bulletin of Criminalistics / ed. by A.G. Filippov. М.: Spark, 2004. Iss. 4(12). P. 30–32.

3. *Vorobyova I.B.* Features of Search Tactics in the Investigation of Crimes Committed by Members of Non-Traditional Religious Associations // Bulletin of Criminalistics / ed. by A.G. Filippov. М.: Spark, 2007. Iss. 4(24). P. 66–74.

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1. Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц — внизу по центру; поля — все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее количество страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.). Ссылки на нормативные правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору сохраняются. Файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М. И._статья»).

1.2. Каждая статья или другие материалы должна начинаться: а) индексом УДК; б) сведениями об авторе(ах): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны); в) названием; г) аннотацией (введение, цель, методологическая основа, результаты, выводы) объемом 100–150 слов (не должна повторять название и основное содержание текста); д) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

2. Оформление рисунков и таблиц: таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над таблицей с выравниваем по центру (для рисунков – под рисунком с выравниванием по центру). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

3. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

4. Рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с опубликованием рукописей, принимаются по тел. (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. В частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, им. Н. Г. Чернышевского ул., зд. 104, стр. 3

Тел.: (8452) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv> Сайт: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>